РАЗСУЖДЕНІЯМИ

И

ЧУВСТВАМИ

ВОЗНЕСЕННАЯ ДУША

КЪ

БОГУ.

Переведено съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА

Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова.

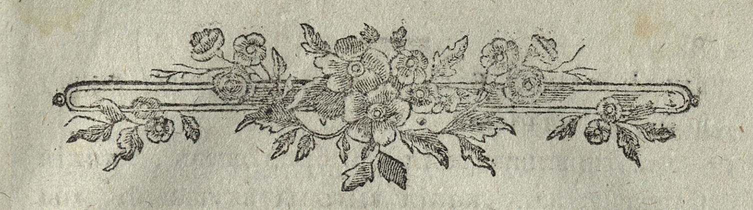
1800.

Съ дозволенія Московской Ценсуры.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Содержащихся во второй части предметовъ.

Стран.

РАЗСУЖДЕНІЯМИ И ЧУВСТВАМИ вознесенная душа КЪ БОГУ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТОЕ.

О христіанской любви.

Она-то есть самая добродѣтель, и истинное свойство закона: любовь есть его основаніе, подпора, украшеніе: она содержитъ въ себѣ его духъ, она внушаетъ его чувства.

Любезная добродѣтель, она содѣлываетъ союзы сердецъ, пріятности общества, сладости жизни.

Верьховная добродѣтель, она возвышаетъ наши сердца, она отверзаетъ намъ

входЪ самаго Бога, она почерпаетЪ тутЪ всѣ Его милости.

Утѣшительная добродѣтель, какія блаженства, какія выгоды вкушаемЪ мы отЪ тишины, союза и согласія, ею производимыхЪ?

Плодоносная добродѣтель, она дѣлается сѣмянемЪ всѣхЪ добродѣтелей, шествующихЪ по стопамЪ за нею; она есть и исполненіе всякаго закона.

Небесная добродѣтель, она приходитЪ кЪ намЪ сЪ неба, она насЪ туда ведетЪ, учиняя насЪ подобно какЪ его гражданами, она присвояетЪ его намЪ.

СверьхЪ всего необходимо нужная добродѣтель, естьли желаемЪ мы быть христіанами, воспріять духЪ Евангелія, включить себя вЪ число чадЪ БожіихЪ. БезЪ любви, нѣтЪ спасенія: недостатокЪ любви есть одинЪ изЪ величайшихЪ знаковЪ отверженія.

При томЪ чего не возвѣстили намЪ Апостолы о сей великой добродѣтели! Какими похвалами они возносили ее! Сколь тщательно приводили они кЪ ней! СЪ какою вѣрностію исполняли они ее сами! Святый АпостолЪ ІоаннЪ, превосходнѣйшій проповѣдникЪ христіанской любви, посвящаетЪ ей всѣ изліянія своего сердца:

да любите другъ друга (а). Святый Апостолъ Павелъ изъясняетъ такъ же весь жаръ своей ревности касательно сей добродѣтели: *другъ друга тяготы носите* (б). Первые же христіане почитались имѣющими между собою подобно какъ единое сердце и единую душу: *Народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина* (в).

Самъ Іисусъ Христосъ даетъ намъ заповѣдь любви какъ собственную свою заповѣдь: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга* (г); Онъ называетъ ее новою заповѣдію, и удобною къ новому союзу: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (д). Но почему же сія заповѣдь новая? Любовь не столько ли же стара, какъ самый свѣтъ? Любовь вообще и по началу конечно столько же стара, какъ свѣтъ; но христіанская любовь таковая, какую Іисусъ Христосъ повелѣваетъ, есть дѣйствительно новая заповѣдь въ разсужденіи того совершенства, до котораго Онъ ее довелъ.

(а) Іоан. 13.
(б) Галат. 6.
(в) Дѣян. 4.
(г) Іоан. 15.
(д) Іоан. 13.

Изъ чего слѣдуетъ, что христіанская любовь есть новая и Божественная заповѣдь, пріемля сіе слово буквально, въ точности, во всемъ его смыслѣ и силѣ.

Новая и Божественная относительно Творцу своему добродѣтель; самъ Іисусъ Христосъ училъ насъ оной, и далъ намъ ее какъ собственную и отличную Свою заповѣдь: *сія есть заповѣдь Моя.*

Новая и Божественная относительно предмету своему добродѣтель; Самаго Іисуса Христа любимъ мы въ ближнемъ, и въ лицѣ ближняго зримъ мы лице Самаго Іисуса Христа: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе* (а).

Новая и Божественная относительно образцу своему добродѣтель; мы должны любити другъ друга, но любити такъ и такою же любовію, какъ Іисусъ Христосъ любилъ насъ: *яко же возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (б).

Новая и Божественная относительно пространства своего добродѣтель; сказано было древнимъ: *возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага тво-*

(а) Матѳ. 25.
(б) Іоан. 13.

его. *Азъ же глаголю вамъ*, повелѣваетъ Іисусъ Христосъ, *любите враги ваша* (а): симъ единственно способомъ содѣлаетесь вы чадами Отца небеснаго, которой дождитъ на праведнаго и неправеднаго, и возводитъ солнце свое какъ на злыхъ, такъ и на добрыхъ; *яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (б).

И такъ скажемъ, что христіанская любовь есть столь верьховная добродѣтель, что она происходитъ изъ сердца Самаго Бога, что она освящаетъ всѣ чувства человѣческаго сердца; что наблюденіе ея выполняетъ тотъ законъ, что въ комъ пребываетъ любовь, тотъ пребываетъ въ Богѣ; и какъ прикрываетъ множество грѣховъ, такъ и содержитъ она въ себѣ стеченіе и исполненіе всѣхъ добродѣтелей; *исполненіе убо закона любы есть* (в).

Сія добродѣтель столь нужна, что безъ нее законъ не увѣнчиваетъ никакой добродѣтели: столь нужна, что она есть собственное и отличающее свойство ис-

(а) Матѳ. 5.
(б) Тамъ же.
(в) Римл. 13.

тиннаго христіанина, ученика Іисуса Христа, отъ того, кто не есть таковый: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (а); столь нужна, что тотъ, кто имѣетъ любовь, пребываетъ въ Богѣ, и имѣетъ источникъ жизни, а тотъ, кто внѣ любви, есть внѣ и Бога, и находится въ состояніи смерти и осужденія: *не любяй бо брата, пребываетъ въ смерти* (б); однимъ словомъ, столь нужная добродѣтель, что хотя бы производить чудеса, преставлять горы, предать тѣло свое на мученія и смерть, а не имѣть любви, все сіе предъ Богомъ ничего значить не будетъ, а напротивъ того навлечетъ Его гнѣвъ, проклятія и подвергнетъ всей строгости Его мщенія; *любве же не имамъ, ничто же есмь* (в).

Поняли ли мы когда хорошо что такое христіанская любовь предъ очами Божіими и вѣры? Теперь познали мы Божественное ея преизящество, и необходимую въ ней надобность. Время уже раз-

---

(а) Іоан. 13.
(б) 1. Іоан. 3.
(в) 1. Коринѳ. 13.

смотрѣть какія суть и долженствуютъ быть истинныя ея свойства.

Вотъ оныя, взятыя съ образца Самаго Іисуса Христа, начертанныя Его рукою, и яко запечатлѣнныя Его кровію; *да любите другъ друга: яко же возлюбихъ вы, да и вы любите себе.*

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

О свойствахъ христіанской любви.

Христіанская любовь: естьли она истинная и чистосердечная, должна имѣть три освященныя свойства; любовь чрезъестественная въ своей причинѣ; любовь всеобщая въ своемъ предметѣ; любовь дѣятельная въ своемъ упражненіи: безъ чего была бы она незнаемою закономъ, и отверженною Самимъ Богомъ.

Боже мой! Боже милосердія, котораго сердце преисполнено кротости, благости, любви и нѣжности, научи меня познать и производить въ дѣйство ту добродѣтель, которая есть собственная добродѣтель чадъ Твоихъ.

Статья первая.

Любовь чрезъестественная въ своей причинѣ: то есть, что должно любить своего ближняго для Бога, и въ видѣ Бога любятъ ближняго; но часто естественною любовію и совсѣмъ по человѣческимъ причинамъ. И потому колико ложныхъ, недостойныхъ и Богу противныхъ любвей!

Инаго любятъ для того, что онъ имѣетъ нѣкоторое съ нами сходство во нравѣ и свойствѣ; для того, что онъ угождаетъ, для того, что онъ забавляетъ; для того, что онъ дѣлаетъ намъ добро; для того, что мы отъ него онаго ожидаемъ, и онъ можетъ намъ то сдѣлать. Сіе не есть любить по христіански: честный язычникъ можетъ любить такимъ же образомъ, и довести до сей степени чувства своего сердца. Ученики Іисуса Христа! да будемъ Его подражатели, и воспріимемъ чувства достойныя Его. Постигнемъ важную разность, величайшее разстояніе между христіанскою любовію и природною склонностію, между христіанскою любовію и благодарностію, между христіанскою любовію и собственными выгодами, между христіанскою лю-

бовію и свѣтскимъ учтивствомъ, между христіанскою любовію и союзомъ плоти и крови. Да будемъ увѣрены, что мы никогда нашего ближняго по христіански любить не будемъ, доколѣ будемъ мы любить въ немъ что другое кромѣ Бога, и въ видѣ Бога, то есть, доколѣ не будемъ мы видѣть въ лицѣ ближняго лице Самаго Іисуса Христа, отъ Котораго наша любовь какъ отъ своего источника проистекать, и къ Которому какъ къ своему концу стремиться долженствуетъ.

Ты насъ любилъ, Божественный Спаситель! но какимъ образомъ, и какою любовію? Ты любилъ насъ совсѣмъ чрезъестественною и Божественною любовію. Нѣтъ никакой другой причины брать Тебѣ въ насъ участіе, кромѣ единственной Твоей благости, и славы Твоего небеснаго Отца. Сей-то Божественный образецъ Ты намъ предлагаешь, а мы будучи весьма далеки отъ него, часто или имѣемъ недостатокъ въ христіанской любви, или имѣемъ одну только совсѣмъ человѣческую, совсѣмъ естественную, совсѣмъ плотскую любовь. Тысяча недостойныхъ причинъ унижаютъ наши чувства, тысяча земныхъ видовъ повреждаютъ христіанскую нашу любовь. Мы помышляемъ только о себѣ: въ на-

шихъ услажденіяхъ, въ нашихъ склонностяхъ, въ нашихъ выгодахъ, а Тебѣ угождать и не думаемъ. Какого ожидать намъ за то награжденія? Вмѣсто онаго не должно ли намъ страшиться Твоихъ наказаній?

Статья вторая.

Любовь всеобщая въ своемъ предметѣ. Наша любовь должна простираться ко всѣмъ, безъ изъятія; для того, что подъ именемъ и качествомъ ближняго заключаются всѣ. Нѣтъ ничего столь пространнаго, и въ то же время нѣтъ ничего столь ограниченнаго, какъ человѣческое сердце. Оно прилѣпляется къ тысячѣ постороннимъ, и часто опаснымъ предметамъ, а отвращается отъ таковыхъ, которые долженствовали бы ему быть драгоцѣнными и почтенными. По закону христіанскому надлежитъ намъ взирать на сію пространную вселенную какъ на домъ Божій, на всѣхъ людей какъ на большее сѣмейство, которому Богъ есть Отецъ, а мы всѣ Его чада, и тогда любить всѣхъ въ Богѣ, общемъ нашемъ Отцѣ. Изъ сего воспослѣдовало бы какое соединеніе сердецъ! Какая тишина! Какое согласіе воспослѣдовало бы въ мірѣ!

Но что же бываетъ? О Боже мой! любовь имѣютъ ограниченную, по нѣкоторому выбору и къ нѣкоторому числу людей: всѣ же прочіе становятся имъ посторонними и равнодушными.

Говорятъ: какъ можно любить всѣхъ? Часто случается жить съ людьми мало разсудливыми, преисполненными многими недостатками. Бываютъ люди или горячіе и безпокойные, или сердитые и вспылчивые, или сварливые и своенравные: есть ли средство таковыхъ любить, когда они едва сносны быть могутъ? Говорятъ: бываютъ люди дурныхъ свойствъ, дурнаго сердца, безъ чувствъ, безъ раскаянія; бываютъ люди весьма тяжелыхъ и странныхъ нравовъ: нѣтъ, ни самый Ангелъ съ ними не уживется. Чего не говорятъ во оправданіе себѣ, что не имѣютъ любви къ нѣкоторымъ людямъ.

Все сіе только отговорки и заблужденія, которыя христіанская любовь отвергаетъ и обвиняетъ. Нѣтъ нужды имѣть къ ближнему чувствительную привязанность независящую отъ насъ, но потребна твердая и дѣйствительная любовь, внушаемая закономъ. Въ семъ смыслѣ должны мы любить нашего ближняго, то есть всѣхъ людей, не взирая на ихъ недостатки, ихъ несовершенства, ихъ самые по-

роки, подобно какъ Іисусъ Христосъ любилъ насъ, не взирая на наши согрѣшенія и недостатки.

Разсмотримъ людей, поищемъ нѣтъ ли кого изъ нихъ, которой бы не былъ твореніемъ Божіимъ, по образу Божію, цѣною крови Божіей, и таковаго не любить намъ позволяется; но естьли всѣ они суть дѣйствительно твореніе Божіе и искуплены кровію Іисуса Христа, то должны мы любить ихъ всѣхъ, не изъемля ни единаго, а ежели кого изъ нихъ мы выключимъ, то выключимъ Іисуса Христа.

О Боже мой! по сему правилу сколько долженъ я устрашиться и упрекать себя въ разсужденіи любви? Могу ли я даже назвать симъ имянемъ мои чувства къ столь многимъ людямъ, къ которымъ имѣю я только равнодушіе, нечувствительность, можетъ быть удаленіе и отвращеніе? Я ограничиваю мое сердце для нѣкоторыхъ, а прочіе не имѣютъ въ немъ никакого участія: Ты, о Боже мой! ихъ любишь, а я почитаю ихъ посторонними; Ты мнѣ ихъ препоручаешь, а я ихъ оставляю; Ты повелѣваешь мнѣ ихъ любить, а я думаю, что довольно того, что я ихъ не ненавижу. Сія ли та любовь, которой сдѣлалъ Ты мнѣ правило столь положи-

тельное въ его обязанности, и столь всеобщее въ его пространствѣ? Отверзи сердце мое, о Боже мой! для любви ко всѣмъ людямъ, которые суть дѣло рукъ Твоихъ, предметъ Твоего милосердія, и цѣна Божественной Твоей крови.

Статья третія.

Любовь дѣятельная въ своемъ упражненіи. Естьлибъ любовь состояла только въ словахъ, то бы никогда не бывало такого вѣка любви, каковъ нашъ, никогда не бывало столько обѣщаній, столько увѣреній о дружбѣ, столько предложеній услугъ, столько обнадеживаній о приверженности и усердіи, однимъ словомъ, столько наружной любви; а между тѣмъ бѣдный страждетъ, больный стонетъ, печальный воздыхаетъ. Сіе знаютъ, сіе видятъ, и оставляютъ его на произволъ его жребія, а говорятъ, что ближняго, и имѣютъ христіанскую любовь. Нѣтъ, любовь не въ словахъ состоитъ, но въ дѣяніяхъ. Любовь подобна вѣрѣ: безъ дѣлъ вѣра мертва, и любовь мертва.

Образуемъ въ насъ благотворительную любовь, являющуюся не только словами, но и дѣлами; не только предложеніемъ услугъ, но и самыми услугами, и, естьли потребно будетъ, пожертвованіями. Такимъ

образомъ любилъ насъ Іисусъ Христосъ; такимъ образомъ повелѣлъ Онъ намъ любить другъ друга. Есть бѣдные, поможемъ имъ: есть больные, послужимъ имъ: есть печальные, утѣшимъ ихъ; есть невѣжды, наставимъ ихъ; однимъ словомъ есть дѣла милости, исполнимъ ихъ. Въ семъ-то состоитъ истинная и твердая любовь.

Возъимѣемъ сострадательную любовь; потщимся не имѣть отнюдь жестокаго, нечувствительнаго, злаго сердца. Надлежитъ по преизящному примѣру, представленному Святымъ Апостоломъ Павломъ, воздыхать съ плачущими, принимать участіе въ нещастіяхъ другихъ, имъ сострадать и подавать помощь: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю* (а)?

Вспомянемъ, что мы христіане и ученики страдавшаго и умершаго за насъ Бога. И такъ у подножія Креста должны мы почерпнуть наши чувства, и оживотворить нашу любовь.

О любовь! пріятная и верьховная добродѣтель, колико ты драгоцѣнна предъ очами Божіими! но сколь мало знаема ты

(а) 2. Коринѳ. II.

людьми и употребляема христіанами! Ты долженствуешь быть союзомъ сердецъ; средоточіемъ тишины и мира; а христіане повсядневно занимаются враждою, гнѣвомъ, мщеніемъ, злобою, сердца противъ сердецъ, родственники противъ родственниковъ, сѣмействы противъ сѣмействъ, Государства противъ Государствъ. О любовь! въ какой странѣ найдешь ты себѣ убѣжище, естьли самое христіанство есть для тебя какъ земля чуждая? Всѣ люди долженствовали бы жить между собою какъ братія, чада единаго отца, взаимно единъ другому помогая, единъ другаго назидая и исправляя; напротивъ же того они другъ друга только безпокоятъ, обижаютъ, терзаютъ, и тѣмъ самимъ подвергаются осужденію и погибели. Общество смятенное, согласіе нарушенное, одежда Іисуса Христа издранная, плачевныя и пагубныя слѣдствія обиженной и яко изгнанной любви.

Божественный Спаситель! для сего ли Ты пришелъ на землю? Добрый Пастырь, Ты хотѣлъ соединить всѣхъ Твоихъ овецъ во едино стадо. Божественная жертва, Ты принесла себя и предалася смерти, дабы подать всѣмъ намъ жизнь любви, жизнь благодати. Колико удалены мы отъ Твоихъ намѣреній! Можешь ли Ты

признать насъ по чувствамъ нашимъ Твоими учениками?

Люди сотворенные по образу и подобію Божію, возлюбимъ другъ друга; но возлюбимъ искренно и сердечно. Да сказываютъ о томъ чувства больше, нежели всѣ рѣчи. Возлюбимъ друга дѣйствительно, и станемъ доказывать любовь нашу при случаяхъ самыми опытами. Возлюбимъ другъ друга вообще, не исключая никого. Христіане, чада Божіи, возлюбимъ другъ друга въ сердцѣ общаго Отца. Не будемъ жить между собою какъ чуждые, какъ равнодушные, какъ враги на земли. Оставимъ раздоры и вражды невѣрнымъ, язычникамъ, тѣмъ, которые не знаютъ царствія небеснаго.

Возлюбимъ другъ друга какъ Іисусъ Христосъ насъ любилъ, какъ Святые любятъ другъ друга въ раю. Мы назначенные ко взаимной любви и къ соединенію навсегда въ Богѣ, возлюбимъ съ сего времени одинъ другаго для Него и въ Немъ.

Станемъ, любить другъ друга въ здѣшнемъ свѣтѣ, дабы любить намъ другъ друга навсегда и въ будущемъ.

МОЛИТВА.

Сїи-то о Боже мой! воспрїиму я съ сего времени чувства къ моему ближнему: возжги огнь сея любви въ моемъ сердцѣ, и освяти ее Твоею благодатїю.

Употребленїя въ дѣйство.

1 е. Надобно обѣщать Богу, никогда не произносить съ намѣренїемъ такого слова, которое можетъ обидѣть и оскорбить ближняго.

2 е. Естьли что сказано или сдѣлано будетъ такое, что намъ обидно и оскорбительно, никогда на то не роптать, но предавать все забвенїю.

3 е. Охотно оказывать другимъ услуги, естьли то возможно, не дожидаясь, что бы оныхъ потребовали, но предупреждать самимъ, а наипаче тѣхъ людей, на которыхъ имѣемъ мы нѣкоторую причину жаловаться.

4. Исправлять себя въ тѣхъ недостаткахъ, которые могутъ быть причиною безпокойствїя и неудовольствїя для другихъ, а тѣмъ наипаче еще причиною худаго назиданїя и худаго примѣра.

5 е. Воспоминать всегда, что Iисусъ Христосъ Самъ пребываетъ въ лицѣ ближняго, и потому мы Его почитать должны.

6е. Наконецъ, приводить себѣ часто на память сказанное нами, что какъ христіанская любовь есть свойство избранныхъ и чадъ Божіихъ, такъ не имѣть оныя есть величайшій признакъ осужденія.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬПЕРВОЕ.

О господствующей страсти.

Мы всѣ имѣемъ страсти, которыя нами управляютъ и насъ мучатъ. Наши привязанности превращаются часто въ страсти. Богъ одарилъ насъ чувствами для содѣланія изъ нихъ добродѣтелей, а мы сіи чувства обращаемъ въ страсти. Всякой изъ насъ имѣетъ корень и сѣмя всѣхъ страстей въ своемъ сердцѣ.

Между сими различными и умноженными страстями есть одна господствующая надъ всѣми прочими, которая будучи живѣе, сильнѣе, стремительнѣе, властительнѣе, оныя возбуждаетъ, приводитъ въ движеніе, подобно какъ пружины, и чрезъ то учиняется она въ насъ подобно какъ душею и управительницею всего. Сія собственно страсть образуетъ наше свойство, нашу склонность, наши правила, естьли Благодать не вступится насъ преобразить.

Сія страсть бываетъ не одинакова въ людяхъ, въ разсужденіи разности ихъ нравовъ, свойствъ, склонностей. Можно сказать, что черты сердца различны, подобно какъ таковыя лица. Недостатки раздѣлены, подобно какъ дарованія. Всякой испытываетъ различное господствованіе страстей; но всякой управляемъ каковою нибудь, больше или меньше сильною, больше или меньше стремительною, но всегда господствующею, и всегда страстію. И такъ, между всѣми сими различными страстями, вообще во всѣмъ, какая же господствующая страсть каждаго особенно? Разсуждай о семъ по симъ различнымъ изображеніямъ, въ которыхъ можетъ быть найдешь ты и свое.

Господствующая страсть въ однихъ, есть честолюбіе. Естьли душа заражена таковою, она помышляетъ только о своихъ почестяхъ, отличностяхъ, возвышеніяхъ предъ прочими: дѣлаетъ предпріятія о пріобрѣтеніи себѣ знатности, пышности, богатства; отъ сего-то происходятъ въ честолюбивыхъ ихъ напыщеніе сердца и разума, ихъ гордые и надмѣнные виды, отъ сего-то не бываютъ они никогда довольны тѣмъ, что имѣютъ, желая всегда быть и казаться тѣмъ, чѣмъ они не суть.

Господствующая страсть въ другихъ, есть гнѣвъ; онъ есть огнь воспламеняющійся при всякомъ случаѣ, частыя и стремительныя выходки горячаго и жестокаго свойства, вспыльчивости, подобныя яркому пламяни выскакивающему ежеминутно и готовому произвести пожаръ: при малѣйшей причинѣ, при малѣйшемъ словѣ, слышится громъ, и видится молнія.

Господствующая страсть въ семъ, есть пагубная склонность къ злословію, осужденію, хуленію, обвиненію всѣхъ другихъ, не изключая никого. Она есть змѣиный языкъ, испускающій повсюду желчь и горесть, растерзывающій немилосердо доброе имя, собирающій градскія вѣсти и произшествія, дабы составить изъ нихъ разговоры въ собраніяхъ. Истинное, ложное, вѣрное, сомнительное, присудствующій, отсутствующій, пріятель, врагъ, не щадя ничего, все изображено будетъ вредными красками злословія, а можетъ быть еще зачернено клеветою.

Господствующая страсть въ томъ, есть нечувствительность, лѣность, нерадѣніе, и ничто не можетъ извлечь его изъ его спячки и оживить. Будучи погруженъ во глубину сей нечувствительности, онъ

ничего не дѣлаетъ, ни чѣмъ не занимается, ни къ чему неспособенъ; онъ не знаетъ въ чѣмъ и какъ проходятъ дни и недѣли: онъ всегда предпріемлетъ и никогда не исполняетъ; всегда начинаетъ и никогда не оканчиваетъ. Между тѣмъ нерадѣетъ онъ о всѣхъ общественныхъ должностяхъ; оставляетъ дѣтей безъ воспитанія, служителей безъ присмотра и дѣлъ, все сѣмейство въ безпорядкѣ: жить безъ дѣлъ, безъ чувствъ и безъ души, можно ли назвать сіе жизнію?

Сколько же иныхъ различныхъ страстей господствующихъ надъ многими другими? Подлое корыстолюбіе, унижающее сердце; самолюбіе, относящее все хорошее къ себѣ; пагубное подстреканіе говорить, незнающее удерживаться; безразсудная чувствительность, обижающаяся и раздражающаяся всѣмъ; недостойная и рабская человѣко-угодность, дѣлающая невольникомъ мыслей и своенравія другихъ людей. Что же все сіе, какъ не плачевное и нещастное сборище недостатковъ, пороковъ, страстей соединившихся и шествующихъ подъ знаменами господсствующей страсти?

Таковыя, и больше умноженныя еще, находятся различныя страсти, обладающія сердцами и терзающія оныя. Нѣтъ

ничего нужнѣе, а может быть нѣт ничего и труднѣе, как распознать в человѣкѣ, какая есть в нем особенно господствующая страсть; потому что сія хитрая страсть скрывает, пріемлет на себя тысячу разных видов, и является иногда и под личиною самой добродѣтели.

Сей надмѣнный, честолюбивый человѣк, обладаемый сокрытым желаніем тщеславиться, сам того не видит, потому что он входит во всѣ хорошія дѣла, а того и не примѣчает, что он питает тѣм свою гордость. Тот, который имѣет подозрительные и опасные союзы, не берет против их никакой осторожности, для того что в прочем чувствует он сердце свое наклонным к добру и благочестію. Тот, который нетерпѣлив и вспылчив успокоивает себя тѣм, что он находит в себѣ ревность и усердіе к добру. Тот, который незаботлив и лѣнив, не почитает себя виновным, потому что будучи в прочем миролюбив и кроток, дѣлает он многим доброе, и говорит хорошо о всѣх. Вот каким образом одѣвают обманчивым покрывалом господствующую страсть; вот каким образом облаком мнимаго соблазнительнаго

добра, сокрывают опасность вещественнаго господствующаго зла.

Не случается ли иногда того, что боятся разсмотрѣть и познать свою страсть, дабы не быть принужденным, узнавши ее, против ее ополчиться? Смѣло могу сказать, что как ни трудно изобразить черты лица, но таковыя сердца может быть еще труднѣе; выключая нѣкоторых столь явных страстей, ознаменованных столь примѣтными чертами, что их ни от самаго себя, ни от других утаить не возможно; в прочем, говорю я, нѣт ничего легче и обыкновеннѣе, как обманывать самаго себя, и сокрывать от себя свою господствующую страсть.

Желаешь ли имѣть свѣденіе о твоем непріятелѣ, котораго без ошибки узнавать непремѣнно тебѣ нужно? Для предохраненія себя от хитрѣйшаго, тончайшаго, опаснѣйшаго врага, сокрытаго в собственном твоем сердцѣ, по слѣдующим примѣтам можешь ты его распознать. Господствующая страсть есть, 1е та, которая есть обыкновеннѣйшее начало и источник твоих преступленій и грѣхов.

2е. Та, которая наиболѣе возмущаетъ спокойствіе твоей души, наиболѣе тебя къ себѣ привлекаетъ, и наиболѣе производитъ угрызенія твоей совѣсти.

3е. Та, которая есть наиобыкновеннѣйшимъ содержаніемъ твоихъ исповѣдей, и которая наипаче къ онымъ возвращается.

4е. Та, съ которою ты наибольше сражаешься, и отъ сраженія съ нею имѣешь наибольше отвращенія.

5е. Та, которая обыкновенно вмѣшивается во всѣ твои *дѣянія*, *разсужденія*, *намѣренія*, *предпріятія*.

6е. Однимъ словомъ та, которая наибольше безпокойна, наибольше властительна, наибольше неукротима, наибольше вкоренена, наибольше драгоцѣнна твоему сердцу; и естьли коснуться сей точкѣ, то тронется твое чувствительное мѣсто. Вотъ господствующая страсть.

И такъ разбери и разсмотри, нѣтъ ли между страстями твоего сердца таковой, которая бы имѣла сіи свойства. Одно изъ сихъ о ней возвѣщаетъ; но естьли всѣ сіи признаки стекутся и соеди-

нятся вмѣстѣ, то позналъ ты ее ужѐ совершенно: вотъ врагъ, онъ ужѐ извѣстенъ: однако же не довольно того, что бы только его познать, надобно съ нимъ сражаться. Ополчись противъ его безъ отлагательства, дабы онъ не воспріялъ новыхъ силъ, и ты не остался бы ужѐ не въ состояніи его побѣдить, когда онъ самъ столь властительное пріобрѣтетъ надъ тобою господствованіе.

Размышленіе о томъ же.

Превеликую благодать являешь Ты, о Боже мой! душѣ, подавая ей познаніе о господствующей ея страсти. Узнавъ ее единожды, необходимо надлежитъ душѣ съ нею сражаться, потому что безъ того содѣлается она конечно пагубнымъ источникомъ величайшихъ для души нещастій, то есть источникомъ грѣховъ, источникомъ ослѣпленія, источникомъ осужденія.

Вооружи, о Боже мой! бодрость мою противъ столь опаснаго врага, противъ котораго чувствую я все мое безсиліе. Какъ единственно свѣтомъ Твоея благодати могу я его познать, такъ единст-

венно ея же помощію могу я одержать надъ нимъ побѣду и торжество.

Статья первая.

Господствующая страсть, источникъ грѣховъ. Господствующая страсть происходитъ отъ многочисленнаго повторенія дѣяній, умноженныхъ грѣховъ, покрытыхъ одни другими. Сія страсть произойдя единожды, учиняется потомъ пагубнѣйшимъ источникомъ новыхъ согрѣшеній. Кто можетъ выразить коликихъ беззаконій, безпорядковъ, преступленій, господствующая страсть возбуждающая всѣ прочія страсти, можетъ содѣлаться, и всегда содѣлывается, началомъ и причиною! Грѣхи внушаемые ею въ мысли; грѣхи влагаемые ею въ желанія; грѣхи помѣстчаемые ею въ предпріятія; грѣхи производимые ею во всѣхъ дѣяніяхъ, во всемъ поведеніи; во всѣхъ потребностяхъ жизни зараженной ея пагубнымъ ядомъ. Единъ примѣръ заключаетъ ихъ всѣхъ въ себѣ: помыслимъ о немъ, и, помышляя о немъ, восвострепещемъ о насъ самихъ.

Соломонъ былъ премудръ, и премудрѣйшій изъ всѣхъ людей, просвѣщенъ болѣе всѣхъ своего вѣка, котораго онъ былъ

образцемъ, удивленіемъ, скажемъ лучше, чудомъ: но когда по нещастію попустилъ онъ страсти овладѣть его сердцемъ, то до какихъ беззаконій, до какихъ преступленій, до какихъ безпорядковъ довела она его! Соломонъ учинился вдругъ невѣрнымъ, неблагодарнымъ, сладострастнымъ, нечестивымъ, идолопоклонникомъ; какіе ужасы! о Боже мой! Невѣрнымъ, онъ забываетъ свои столь Святые, столь торжественные, столь часто у подножія Твоихъ олтарей повторенные обѣты; неблагодарнымъ, онъ употребляетъ во зло всѣ Твои дарованія, и обращаетъ ихъ противъ своего собственнаго благодѣтеля; сладострастнымъ, онъ ввергается во всѣ излишества постыдной страсти, не знающій ужѐ ни предѣловъ, ни воздержности; нечестивымъ, онъ кажется попирающимъ ногами извѣщенные имъ великіе и верховные уставы благочестія и закона; идолопоклонникомъ, онъ становится таковымъ до той степени, что повергается предъ ложными Богами, и оскверняетъ свое куреніе приношеніемъ истуканамъ жертвы на святотатьственныхъ ихъ олтаряхъ. Какая же была та причина, которая ввергла его во всѣ сіи пропасти? Господствующая его страсть, которой не остановилъ онъ успѣховъ. Будучи рабомъ господ-

ствующей и пагубной страсти, удивительно ли быть ему рабомъ и всѣхъ пороковъ, и предаться всѣмъ ихъ излишествамъ?

Что есть человѣкъ? о Боже мой! и самый премудрѣйшій человѣкъ, естьли предастся онъ владычеству, мученію страсти, а наипаче господствующей страсти? Увы! я безмѣрно испыталъ сіе самъ, и до чего не доводила меня нещастная страсть? Безъ воздыханія и стыда я о томъ и вспомнить не могу. Когда бываетъ человѣкъ въ семъ плачевномъ состояніи, куда дѣвается его разсудокъ со всѣми его просвѣщеніями? Куда дѣвается вѣра со всѣми ея чувствами?

Статья вторая.

Господствующая страсть, источникъ грѣховъ, учинится скоро источникомъ ослѣпленія. Вообще, нѣтъ столь густаго облака, какъ таковое страстей; а между сими страстями, нѣтъ столь ужаснаго облака, какъ таковое господствующей страсти. Доколѣ человѣкъ свободенъ отъ страстей, онъ имѣетъ очи, онъ ихъ видитъ; но какъ скоро страсть воцарится въ его душѣ, то онъ ужѐ больше не видитъ, все помрачится, онъ ослѣпнетъ, заблудится, погибнетъ. Господствующая страсть возлагаетъ на очи повяску; по-

средствомъ множества преподаваемыхъ ею ложныхъ правилъ и предразсужденій, составляетъ она непроникаемое облако, подъ которое она сокрывается; и во глубинѣ распространяемой ею мрачности, учиняется она источникомъ всѣхъ ошибокъ, всѣхъ мечтаній, всѣхъ заблужденій нашего разсудка, нашего поведенія, нашихъ чувствъ; она обманываетъ разсудокъ, она возвращаетъ волю; она соблазняетъ сердце, она опровергаетъ весь порядокъ въ человѣкѣ; она не допускаетъ его разсуждать инако какъ согласно ложнымъ ея ученіямъ, и поступать инако, какъ по соблазнительному ея впечатлѣнію. Погрузясь единожды во глубину сего чернаго мрака, изобразить не можно до какой степени ослѣпленія доходятъ. Господствующая страсть производитъ еще больше, о Боже мой! она не только что ослѣпляетъ въ преступленіи, но она при томъ и успокоиваетъ о семъ, она его позволяетъ. У страстнаго человѣка когда не доставало отговорокъ ко оправданію его страсти? Мстительный мало ли находитъ причинъ дѣлать мщеніе? Завидливый не сыскиваетъ ли всегда чѣмъ оправдать свою зависть? Злословный не выдумываетъ ли всегда извиненія своимъ злословіямъ? Всякій виновный, однимъ словомъ, не сокрываетъ

ли, или не украшаетъ ли свои поступки? Со всѣмъ тѣмъ находясь въ сихъ заблужденіяхъ, мечтахъ, страстяхъ, испытываютъ иногда прискорбность, сомнѣніе и раскаяніе. Сіе имѣніе которымъ я владѣю, законное ли оно? Сіе средство, которое я пріемлю, позволительное ли оно? Сей союзъ съ сею особою не опасенъ ли онъ? Сія холодность къ сему человѣку, къ сему родственнику, не нарушаетъ ли какимъ образомъ христіанскую любовь? Сіи исповѣди, искренни ли онѣ? Множество вещей производитъ въ насъ прискорбность и раскаяніе; *но господствующая страсть*, *слѣпый судія совѣсти*, рѣшитъ скоро все: сіи сомнѣнія назоветъ она тщетными мыслями, сіи прискорбности ложными нѣжностями, сіи раскаянія неосновательны; и такъ человѣкъ обнадежится, успокоится, то есть, ослѣпится. Естьли же господствующая страсть не въ состояніи рѣшить совершенно въ его пользу укротить его сомнѣнія, то по крайней мѣрѣ отвратитъ она его разумъ отъ того, что можетъ научить его должностямъ его, и извлечь его изъ заблужденій: она допускаетъ его видѣть только то, что ей благопріятствуетъ. Вотъ какимъ образомъ, о Боже мой! приходятъ въ мечты: вотъ какимъ образомъ живутъ въ заблу-

жденіи: вотъ какимъ образомъ подвергаются умереть въ ослѣпленіи и быть осужденными.

Статья третія.

Здѣсь-то верьхъ всѣхъ нещастій. Человѣкъ, будучи соблазненъ, ослѣпленъ, уловленъ до крайности господствующею страстію, или не принесетъ покаянія, или принесетъ таковое ложное. Довольно сего, дабы умереть непокаявшимся и осужденнымъ. Опасно, что не принесетъ онъ покаянія, потому что по слѣпотѣ разума будетъ до конца ласкаться, всегда надѣяться имѣть время къ своему обращенію, станетъ откладывать, отсрочивать; неожиданно постигнетъ его смерть, и онъ умретъ во грѣхѣ.

Потому что по сердечной привязанности, будетъ онъ бояться прервать содѣланные имъ пагубные союзы, останется яко порабощеннымъ узникомъ до послѣдняго издыханія, и сіе послѣднее издыханіе изпущено будетъ можетъ быть къ виновному предмету сей нещастной страсти.

Потому что по страшному Божію сужденію, благодать столь часто имъ отвергаемая, отъ него удалится; сей не-

бесный свѣтильникъ испускать будетъ только нѣкоторые слабые лучи, которые будутъ тревожить, а не обратятъ.

Потому что діаволъ посредствомъ многихъ заблужденій и соблазновъ продолжать будетъ искушать и нападать на грѣшника, представляя ему безпрестанно нещастныя изображенія виновныхъ предметовъ, которые занимали его въ теченіи его жизни, и которые занимать его будутъ еще при смерти. Можетъ быть такъ же что жестокость тѣлесной болѣзни воспрепятствуетъ ему помыслить о плачевномъ состояніи его души, и что не способенъ будучи къ разсужденію и войти въ самаго себя, придетъ онъ въ уныніе. Имѣя чувства ослабленныя, разумъ отягощенный, тѣло изнуренное, естьли способъ подумать о такомъ великомъ дѣлѣ, на которое потребленъ весь человѣкъ, когда человѣкъ почти единый трупъ остался?

Можетъ быть еще, что къ вящшему нещастію и наказанію, не будетъ онъ имѣть ни на минуту время помыслить о себѣ; что нѣкое нещастное и неожидаемое приключеніе вдругъ его поразитъ, и пораженный такимъ образомъ Божіею рукою, будетъ онъ похищенъ изъ сего свѣ-

та, не имѣвъ способа помыслить что есть другій свѣтъ. Хотя бы имѣлъ онъ время, свободу мыслить и разсуждать, но случается, что при всѣхъ грѣхахъ, безпорядкахъ, преступленіяхъ, до которыхъ доведенъ онъ сею зловредною господствующею страстію, устрашенный своимъ состояніемъ, приходитъ онъ въ нѣкое пагубное отчаяніе; и какъ другій Каинъ, говоритъ самъ себѣ: нѣтъ, беззаконіе мое столь велико, а Богъ столь правосуденъ, что я не получу прощенія: я погибъ, я осужденъ, нѣтъ ужѐ больше для меня милосердія: *вящшая вина моя, еже оставитимися* (а). Положимъ и то, что онъ принесетъ покаяніе, но будетъ ли сіе покаяніе истинное? Сіе раскаяніе чистосердечное? И не случится ли, что по послѣднему и ужаснѣйшему дѣйствію обладающей имъ и ослѣпляющей его страсти, подумаетъ онъ, что приноситъ онъ чистосердечное покаяніе, которое въ самомъ дѣлѣ будетъ можетъ быть ложное, наружное, недостаточное? Увы! въ сіи послѣднія минуты болѣзни и тягости не трудно возвратиться къ Тебѣ, о Боже мой! премѣнить вдругъ расположеніе серд-

(а) Быт. 4.

ца; воспріять новыя склонности вмѣсто столь застарѣлыхъ, совершенно овладѣть страстію, которая до сего такъ само-властно господствовала? Столько ли же легко, на такихъ ужасныхъ развалинахъ воздвигнуть святое и священное зданіе? Но не будетъ ли сіе покаяніе недостаточно; сіе обращеніе токмо наружное; страхъ, ужасъ, человѣко-угодность, надобность, благопристойность, уговариваніи не имѣли ли въ томъ больше участія, нежели Благодать и истинное сокрушеніе; и наконецъ, сіе наружное и предъ взоромъ людей, видящихъ одну только внѣшность, назидательное покаяніе; не естьли предъ очами Твоими, проникающими во глубину сердца, единый обрядъ?

О господствующая страсть, колико ты пагубна! но, о судъ Божій, колико ты страшенъ! я предался мученію сей страсти; я подвергнулся наказанію суда Божія: о Боже мой! могу ли я когда излить довольно слезъ на мои грѣхи и нещастіе?

Разсужденія и употребленія въ дѣйство.

1е. Почитай господствующую страсть величайшимъ въ семъ свѣтѣ врагомъ, съ ко-

торымЪ ты съ сильнѣйшимЪ жаромЪ сражаться долженствуешь.

2е. Хотя бы ты съ нею безпрестанно сражался, знай, что она не прежде совершенно умретЪ, какЪ съ тобою вмѣстѣ.

3е. Естьли ты по нещастїю осужденЪ будешь, будь увѣренЪ, что она тебя до того довела.

4е. Положи себѣ непреложнымЪ правиломЪ дѣлать всякой день нѣкоторое угнѣтенїе сей страсти.

5е. Наложи на себя нѣкоторую эпитимїю, всякой разЪ какЪ ты увидишь, что ты сего не исполнилЪ.

6е. Имѣй великое попеченїе унимать первыя ея движенїя, какЪ скоро ты ихЪ примѣтишь.

7е. Проси Бога о ниспосланїи тебѣ благодати преодолѣть сею страстїю.

8е. Разсматривай почасту самаго себя, и дѣйствїя, производимыя вЪ тебѣ сею страстїю.

МОЛИТВА.

Сохрани меня, о Боже мой! отЪ нещастїя влекущаго непремѣнно кЪ наивеличайшему нещастїю. Не предай меня развратности страстей моего сердца, а наипаче владычеству и пре-

ступленіямъ господствующей страсти: *и виждь аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣчень* (а). Я зрю всѣ отъ нее опасности и согрѣшенія; безмѣрно страшусь всѣхъ отъ нее слѣдствій и нещастій. Она ласкаетъ, но она ослѣпляетъ и погубляетъ. Тысяча діаволовъ, окружающихъ тѣло, не столь опасны, какъ единая страсть обладающая сердцемъ. Не довлѣетъ мнѣ, о Боже мой! познать столь страшнаго врага; пошли мнѣ Благодать Твою и силу, великодушно его преодолѣть и совершенно истребить. Да не буду я впредь имѣть другой страсти, кромѣ таковой Тебѣ служить, Тебя любить, Тебѣ посвящать всѣ чувства моего сердца. Блаженно оно, естьли благоволишь Ты его принять, по столь долговременномъ оскверненіи развратностію страстей.

(а) Псал. 138.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬВТОРОЕ.

О человѣко-угодности.

Человѣко-угодность есть низкое чувство души, которое заставляетъ ее поступать противно гласу ея совѣсти; она есть подлая боязнь, удерживающая отъ добраго и побуждающая къ злому, дабы не прогнѣвать людей, или имъ понравиться; она есть гнусная слабость, заставляющая измѣнять природнымъ одобряемымъ чувствамъ, дабы слѣдовать чужимъ охуждаемымъ; она есть рабская зависимость, заставляющая пресмыкаться предъ людьми, желая чрезъ то пріобрѣсти себѣ хорошее ихъ мнѣніе, или опасаясь навлечь на себя ихъ осужденіе.

И такъ, довольно ли того, что бы сказать только, что человѣко-угодность обезславливаетъ разсудокъ? Не должно ли присовокупить къ тому еще то, что она посрамляетъ и христіанской законъ? Ибо она въ то же время есть постыдное рабство въ себѣ самомъ, въ своемъ началѣ, въ своемъ предметѣ, въ своемъ пространствѣ. О душе христіанская! душе безсмертная! стыдись такого порабощенія, которое обезчестчиваетъ самый твой хри-

стіанскій законъ: *срамляйся, Сидоне* (а).

Постыдное рабство въ себѣ самомъ: что рабственнѣе, и потому что постыднѣе, какъ учиниться зависящимъ и невольникомъ другихъ, какъ располагать свои намѣренія и дѣянія единственно по намѣреніямъ и поступкамъ другихъ; думать, говорить, судить, не по своимъ свѣденіямъ, но по мыслямъ и своенравію другихъ; одобривать хорошее, и не осмѣливаться оное дѣлать; осуждать худое, и допустить себя быть въ него вовлечену; видѣть свои обязанности, и бояться ихъ выполнить; не имѣть почти въ собственности ни мысли, ни просвѣщеній, ни разсудка, ни чувствъ, ни воли: или для того только имѣть просвѣщенія, что бы ослѣпляться: разсудокъ, что бы имъ жертвовать, чувства, что бы ихъ унизить: вольность, что бы ее погубить? Могутъ ли быть въ свѣтѣ рабы гнуснѣе и презрительнѣе сихъ?

Постыдное рабство въ своемъ началѣ: потому что откуда произойти можетъ человѣко-угодность, какъ не отъ гнусной слабости духа, или какъ не отъ

(а) Исаія. 23.

тнуснѣйшей еще низости сердца? Ахъ! естьли бы имѣли мы сію твердость души, сіе благородство чувствъ, которыя внушаетъ разсудокъ, а наипаче христіанской законъ, то дошли ли бы мы до сей степени слабости и подлости? И когда бы міръ восхотѣлъ насъ себѣ поработить и владычествовать надъ нами, то возопили бы мы съ благороднымъ великодушіемъ Апостола: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся* (а). Міръ неправедный! я не взираю на то, обвинялъ ли бы ты меня или оправдалъ! Не предъ твоимъ судилищемъ долженъ я сужденъ быть; я ожидаю отъ верьховнаго Судіи праведнаго обо мнѣ рѣшенія. Твое же весьма часто основано бываетъ на предразсудкѣ, на предубѣжденіи, на мечтѣ, на заблужденіи: ложные вѣсы! вы не будете никогда правиломъ моихъ чувствъ; ни побудительною причиною моихъ поступковъ. Такимъ-то образомъ говорилъ бы и мыслилъ разумъ свободный, душа имѣющая чувствовать свою великость; а говоря и мысля такимъ образомъ, учинилась бы она почтенною самому міру; весь міръ, какъ бы онъ развратенъ ни былъ, довольно

(а) 1. Корин. 4.

знаетъ, какъ о семъ думать. Но о сихъ робкихъ людяхъ, двуличныхъ христiанѣхъ, измѣняющихъ и Богу и мiру воинахъ, самый мiръ какое имѣетъ мнѣнiе, и какимъ окомъ взираетъ онъ на нихъ?

Низость сердца. Человѣкъ покоренный Богу, потому что Онъ твой Владыка; преданный Ему, потому что Онъ твой Искупитель; по всѣмъ причинамъ ты Ему принадлежишь, какъ Его творенiе, Его достоянiе, Его ученикъ, Его чадо; и по всѣмъ симъ причинамъ возвысилъ Онъ тебя до преславнаго качества, до святой свободы чадъ Божiихъ, *превыше мiра*, до *великодушной независимости мiра*: будучи столико вознесенъ Божiею рукою, снисходишь ты съ сего знаменитаго званiя, и Его обезславливаешь; и вмѣсто того, что бы исполниться бодростiю, и торжественно обьявить себя воиномъ Бога, ты Ему измѣняешь, ты совлекаешься сей преславной вольности, прiобрѣтенной тебѣ старанiями, трудами, заслугами и самою кровiю Бога, и сiе для того, дабы пресмыкаться предъ истуканами. Наибѣднѣйшiе рабы больше ли суть рабы, нежели ты?

Постыдное рабство въ своемъ предметѣ. Находятся нѣкiе случаи, въ кото-

рые можетъ быть позволительно восприять на себя рабство. Иногда по снисхожденію, по уваженію, можно уступить нѣчто другимъ, взять нѣчто на себя. Я скажу болѣе: рабство бываетъ иногда терпимо, а иногда и благоразумное. Но въ томъ, что касается до христіанскаго закона, вѣры, совѣсти, спасенія, то есть, въ такихъ вещахъ, въ которыхъ столь нужно быть свободну, и столь гнусно таковымъ не быть, въ которыхъ Богъ Самъ уважаетъ нашу свободу; въ такомъ случаѣ ее унижать, обезславливать, и губить, не естьли доводить стыдъ и срамъ до высочайшей степени? Въ тѣхъ же вещахъ, которыя надобно беречь, не только можно, но часто и должно употреблять нѣкоторое снисхожденіе. Что же принадлежитъ до главныхъ статей, попускать собою управлять, подчиняться въ томъ, что наименьше подлежитъ подчиненности, зависѣть въ томъ, что наивеличайшій есть врагъ зависимости; я не говорю, гдѣ тутъ вольность? Но, гдѣ тутъ разсудокъ и чувство?

Постыдное рабство въ своемъ пространствѣ, ибо кому мы подчиняемся? и сколькихъ людей человѣко-угодность дѣлаетъ насъ бѣдными рабами? Прочіе рабы имѣютъ обыкновенно по одному госпо-

дину; хотя бы онъ былъ несправедливъ, суровъ, мучитель, однако они имѣютъ одного только господина; но рабъ человѣко-угодности вмѣсто того имѣетъ, такъ сказать, столько господъ, сколько есть у него такихъ людей, которыхъ боится онъ разговоровъ, которымъ смотритъ онъ въ глаза, которыхъ опасается онъ осужденія: сего еще не довольно, не только что имѣетъ онъ столькихъ господъ, сколькихъ боится людей, но онъ имѣетъ столько господъ, сколько сіи люди имѣютъ страстей. Какъ скоро захочетъ онъ ихъ удовлетворить, долженъ онъ принаравливаться ко всему, что въ нихъ находится; и какъ множество страстей надъ ними господствуютъ и ихъ поступками управляютъ, то непремѣнно надобно, что бы и онъ самъ отъ нихъ зависѣлъ, и учинился бы ихъ и ихъ страстей рабомъ; но рабомъ до какой степени? Рабомъ даже до того, что бы не быть больше самому своимъ, что бы лукавить, что бы измѣнять истиннымъ своимъ чувствамъ, и принимать таковыя совсѣмъ противныя; рабомъ даже до того, что бы не осмѣливаться казаться тѣмъ, чѣмъ есть, но тѣмъ, чѣмъ не есть; рабомъ даже до того, что бы трепетать въ ихъ присутствіи, быть безмолвнымъ предъ ихъ очами.

Видя сихъ обладаемыхъ человѣко-угодностію христіанъ, кажется мнѣ, вижу я тѣхъ презрительныхъ истукановъ, о которыхъ съ столь колкою насмѣшкою говоритъ Пророкъ: *уста имутъ, и не возглаголютъ: очи имутъ, и не узрятъ: уши имутъ, и не услышатъ: ноздри имутъ, и не обоняютъ: руцѣ имутъ, и не осяжутъ: нозѣ имутъ, и не пойдутъ* (а). Весьма естественное и весьма поруганное изображеніе сихъ одушевленныхъ статуевъ, сихъ обладаемыхъ гнусною человѣко-угодностію людей. Они имѣютъ языкъ, а не смѣютъ говорить, или говорятъ съ трепетомъ; они имѣютъ уши, а не смѣютъ слушать, или слушаютъ съ тѣмъ только, что бы хвалить; они имѣютъ глаза, и не видятъ ничего сами собою, или они видятъ такъ какъ будто не видятъ; они не видятъ ни гнусности ихъ поведенія, ни подлости ихъ чувствъ, ни низости ихъ разсудка. Они тысяче-кратно достойнѣе сожалѣнія, нежели тѣ слѣпые, которые отъ природы не получили зрѣнія; люди погубившие свое достоинство, развратные христіане, они имѣютъ разумъ, но онъ плѣненъ; они

(а) Псал. 113.

имѣютъ сердце, но оно порабощено; они имѣютъ разсужденіе, но оно испорчено; они имѣютъ просвѣщенія, но они помрачены, они имѣютъ душу, но она пресмыкающаяся. Постыдное рабство! Тебя разсудокъ осуждаетъ, естественное чувство отрицаетъ, законъ обвиняетъ, міръ отвергаетъ, и самое язычество тебя ненавидитъ.

Праведный судъ Божій, попускающій сихъ преданныхъ человѣко-угодности людей унижаться предъ самыми же людьми; стараясь пріобрѣсти хорошее ихъ о себѣ мнѣніе! Они желая свергнуть съ себя пріятное и легкое *иго Господне*, подвергаются подъ другое, которое несравненно труднѣе и отяготительнѣе.

Чада Божія, освободимся отъ рабства грѣховнаго человѣко-угожденія; станемъ наблюдать уставы Господни съ тою святою свободою, которую намъ христіанскій законъ внушаетъ. Что такое люди, и что они для насъ сдѣлать могутъ? Когда мы нѣкогда предстанемъ предъ Бога, защитятъ ли насъ люди отъ неумолимой строгости Его правосудія? Не забудемъ того, что мы въ совѣсти нашей Единому Богу отчетъ дадимъ. Что мнѣ до того, что меня обвинятъ люди, только

бы Богъ былъ по мнѣ. *Аще Богъ по насъ, кто на ны* (а)?

Размышленіе о томъ же.

Какое омерзѣніе получу я противъ человѣко-угодности, естьли я разсмотрю ее очами вѣры? Не буду ли я имѣть причину сказать, что человѣко-угодность по ея внушаемымъ гнуснымъ чувствамъ, и производимымъ пагубнымъ дѣйствіямъ, подобна отступленію въ христіанствѣ, и что она учиняется нѣкоторымъ родомъ гоненія въ христіанствѣ? Какой ужасъ сія единая мысль внушить долженствуетъ?

О Боже мой! озари меня Божественнымъ Твоимъ Свѣтомъ, дабы могъ я познать ее; вооружи меня твердою бодростію, дабы могъ я сопротивиться ей.

Статья первая.

Человѣко-угодность, по ея внушаемымъ гнуснымъ чувствамъ, подобна отступленію въ вѣрѣ. Воздавать Богу совер-

---

(а) Рим. 8.

шенное преимущество надъ твореніемъ; воздвигнуть Богу въ сердцѣ своемъ престолъ превыше всякаго творенія; пожертвовать Богу, естьли потребно, всякимъ уваженіемъ, всякою привязанностію къ творенію; явно и торжественно отправлять христіанскій законъ; вѣрно и великодушно исполнять его должности; вотъ настоящее упражденіе христіанскаго закона; вотъ главнѣйшее дѣйствіе вѣры.

И такъ, на противъ того, сравнивать твореніе съ Богомъ, отдавать дѣяніями нашими преимущество творенію предъ Богомъ, пожертвовать *творенію служеніемъ*, славою Бога; вотъ предъ очами Его настоящее и гнусное отступленіе отъ вѣры. И не самое ли сіе однако же производитъ въ душѣ человѣко-угодность, ко стыду христіанскаго закона?

Съ одной стороны, о Боже мой! Ты подаешь намъ познавать Твою волю, Ты внушаешь въ насъ Твои повелѣнія: съ другой, міръ, вольнодумцы, отъ нихъ отвращаютъ. Съ одной стороны Ты обѣщаешь намъ Твою милость и любовь, естьли мы Тебѣ повиноваться будемъ: съ другой, люди нечестивые угрожаютъ намъ своими посмѣяніями и осужденіями, естьли пребудемъ мы вѣрными.

По сему необходимо должно избрать то, или другое, обьявить себя съ той или другой стороны; и мы, по боязливой угодности, по ложному стыду, по рабскому страху, мы предпочитаемъ волю твари, Твоей воли; мы избираемъ лучше сдѣлать противное Тебѣ, нежели людямъ: мы соглашаемся лучше навлечь на насъ Твою немилость и гнѣвъ, нежели подвергнуться осужденiю и посмѣянiю людей. Не естьли сiе дѣйствительно недостойное преимущество творенiй предъ Творцемъ? А тѣмъ самимъ, не естьли въ производствѣ дѣянiй истинное и гнусное отступленiе вѣры?

Увы! хотя не много осталось уже въ насъ христiанскаго закона, однако же мы стыдимся, мы содрогаемся, читая или слушая повѣствованiя о оскорбленiяхъ нанесенныхъ вѣрѣ робкими и недостойными первыми христiанами, которые, къ обезславленiю ихъ крещенiя, отрекались отъ христiанскаго закона, для избѣжанiя мученiй, и предпочитали гиблющую жизнь достохвальной смерти. Мы имѣемъ причину ихъ обвинять. Поступокъ ихъ былъ дѣйствительно весьма гнусенъ и весьма беззаконенъ. Но отступленiе человѣко-угодности предъ очами Твоими, о Боже мой! не беззаконнѣе ли, и не противнѣе ли еще?

Сіи нещастные, по истинѣ, обезчестчивали ихъ вѣру, измѣняли ихъ закону; однако же отрекались они отъ него посреди самыхъ мученій: ихъ тѣла были терзаемы, ихъ члены окрововляемы, и они могли говорить, и дѣйствительно говорили, когда они будучи тронуты Богомъ, приxаживали просить прощенія у церкви: я вѣроломный и грѣшникъ, каюся въ томъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ; но ужасъ мученій привелъ меня въ робость; немощь тѣла не могла согласоваться съ жаромъ бодрости. Я согрѣшилъ, прихожу просить прощенія: трогающія чувства! Естьли церковь, *не взирая на правдоподобныя извиненія, приносимыя* сими нещастными со слезами, не преминула поступать съ ними съ толикою строгостію, поелику они дѣйствительно обезславили ихъ вѣру; то какимъ окомъ, о Боже мой! долженъ Ты взирать на меня, когда *я*, по гнусной и пагубной угодности къ людямъ, отрекаюсь отъ должностей моего закона? Какое для него поношеніе! Какой для вѣрныхъ соблазнъ! Всякой разъ какъ стыдился я названіемъ христіанина, всякой разъ по трусливой угодности нарушилъ я святость Твоихъ заповѣдей, содѣлывалъ я сіе поношеніе, сей соблазнъ. Могу ли я довольно воздыхать о самомъ себѣ, и предъ

Господомъ съ довольною горестію оплакать мое согрѣшеніе?

Статья вторая.

Сего еще не довольно, о Боже мой! человѣко-угодность, по пагубнымъ ея дѣйствіямъ, можно назвать настоящимъ и пагубнымъ гоненіемъ церкви, возбужденнымъ для ея истребленія, на мѣсто Нероновъ, Діоклитіановъ и всѣхъ сихъ чудовищъ подвигнутыхъ адомъ противъ христіанскаго закона на его разрушеніе и уничтоженіе.

Гоненіе человѣко-угодности несравненно ужаснѣе, пагубнѣе и опаснѣе, нежели было когда таковое сихъ первыхъ мучителей. Сіи первыя гоненія возбуждаемы были язычниками; таковое человѣко-угодности возбуждаемо самыми христіанами. Сіи первые гонители возставали только противъ тѣла, а человѣко-угодность нападаетъ на душу. Мучители производили мучениковъ, а человѣко-угодность производитъ отступниковъ. Пагубныя слѣдствія человѣко-угодности! Какіе печальные и ужасные видимъ мы тому примѣры, о Боже мой! и какимъ спасительнымъ страхомъ долженъ я объятъ быть? Святый Апостолъ Петръ любилъ Тебя какъ сво-

его Божественнаго учителя; онЪ былЪ кЪ Тебѣ искренно привержен, многократно увѣрялЪ онЪ, что онЪ лучше умретЪ, нежели Тебя оставитЪ. ОнЪ пребылЪ бы вѣрнымЪ, естьли бы человѣко-угодность не вошла вЪ его сердце. Не ученикЪ ли ты Сего Человѣка, сказали ему? и кто же? служанка. Сего уже было довольно, человѣко-угодность заграждаетЪ ему уста, или отверзаетЪ ихЪ только для лжи, вѣроломства, богохульства. Благодарность, любовь, совѣсть, все пожертвовано.

Увы! *со страхомЪ и трепетомЪ* вижу я величайшее, ужаснѣйшее изЪ всѣхЪ беззаконій, Христа-убійство, смерть Господа Іисуса Христа; человѣко-угодность не была ли тутЪ частію источникомЪ и причиною? ПилатЪ признаетЪ невинность Бого-человѣка; онЪ объявляетЪ, что онЪ не находитЪ вЪ НемЪ вины ко смерти; народЪ возмущается; ПилатЪ настоитЪ еще, и говоритЪ, что онЪ не хочетЪ омочить рукЪ своихЪ вЪ крови невинной. Но человѣко-угодность приходитЪ на помощь, даютЪ чувствовать сему неправедному судіи, что онЪ раздражаетЪ Кесаря. АхЪ! все совершилося; послѣ сего слова ПилатЪ соглашается; сей страхЪ попираетЪ всѣ его разсужденія; человѣко-угодность на-

чертываетъ его опредѣленіе; ненависть и злоба оное исполняютъ. Безпорочный Агнецъ! Ты закалаешься; кровь Твоя течетъ ручьями по землѣ: человѣко-убійца, отце-убійца, Христо-убійца; пагубныя дѣйствія! Ужасныя слѣдствія! Какой же того частію источникъ? Подлая, недостойная, гнусная человѣко-угодность.

Я трепещу, о Боже мой! помышляя до какихъ преступленій, до какихъ беззаконій, до какихъ ужасовъ доводитъ она ежедневно низкую, поработившуюся ей душу? Оставляетъ ли она ей какое чувство чести, какій слѣдъ страха Божія, какій признакъ закона и вѣры? И кому же такимъ образомъ жертвуютъ своею честію, своею совѣстію и своею вѣрою? человѣко-угодности. Боже мой! возможно ли, безъ воздыханія и сожалѣнія, видѣть толико душъ предавшихся подъ ея власть; міръ отнимающій у тебя толико драгоцѣнныхъ жертвъ; человѣко угодность заглушающую толико презящныхъ чувствъ, повреждающую, унижающую священное свойство христіанина! И мы, всегда ли будемъ преклонять колѣна предъ нею, и допускать себя посрамлять нашъ законъ, долженствующій тысяче-кратно его попрать и истребить, дабы на его развалинахъ воздвигнуться.

Боже мой! я оплакиваю, я ненавижу человѣко-угодность въ другихъ, а самъ тысяче-кратно имѣлъ я нещастiе предаваться оной! Въ чѣмъ не могу я себя въ разсужденiи ея упрекать? И сколь виновнымъ долженствую я казаться предъ Твоими очами? Дабы не быть неугоднымъ людямъ, я ужѐ таковымъ былъ Тебѣ; я не радѣлъ о томъ благѣ, которое я одобрялъ; я дѣлалъ то зло, которое я осуждалъ; я казался тѣмъ, чѣмъ я не былъ; я опасался казаться тѣмъ, чѣмъ я былъ; я осмѣливался казаться нечестивымъ, и стыдился казаться христiаниномъ; я дѣлалъ собственныя мои чувства, мою вольность, мою совѣсть, мой законъ рабами чувствъ, мыслей, своенравiя, и часто самыхъ страстей другихъ людей. Я христiанинъ, а стыжусь моего Бога, и не смѣю казаться Ему принадлежащимъ. Какая трусность! Какiй ужасъ! Развѣ я забылъ, что двумъ господамъ служить не можно, и что тотъ, кто не по Богѣ, есть противъ Бога?

Употребленiя въ дѣйство.

1е. Помнить то, что мы носимъ христiанское знаменiе начертанное на челѣ, и

что оно должно болѣе еще начертано быть въ сердцѣ.

2е Когда предстоитъ намъ опасность быть вовлеченнымъ въ человѣко-угодность, вообразить себѣ, что мы имѣемъ случай испытать нашу вѣру.

3е Помышлять, что стыдиться должны тѣ, которые дѣлаютъ злое, а не тѣ, которые упражняются въ добромъ.

4е. При первыхъ встрѣтившихся случаяхъ поступать откровенно и безъ боязни по христіански; потому что въ послѣдствіи будемъ мы имѣть больше силы и больше благодати къ нашему подкрѣпленію.

5е. Когда же мы насильнѣе искушаемы будемъ человѣко угодностію, вспомнимъ тогда страшное угроженіе Іисуса Христа: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (а).

МОЛИТВА.

О! Господи, я рѣшился уже свергнуть съ себя сіе гнусное и постыдное иго. Довольно и безмѣрно долго стеналъ я подъ невольничествомъ міра, подъ рабствомъ человѣко-угодности;

(а) Матѳ. 10.

я чувствовалъ сіе бремя, оно казалось мнѣ отяготительно, и я не осмѣливался отъ него избавиться. Нѣтъ, Боже мой, чего бы мнѣ то ни стоило, я не измѣню уже болѣе моей должности и моимъ чувствамъ, отвергаяся Тебя предъ человѣки. Но что я говорю? Довлѣетъ ли мнѣ только то, чтобы Тебя не отвергнуться? Я хочу торжественно посвятить себя на Твое служеніе. Я обязанъ сіе сдѣлать въ праведное удовлетвореніе за мои малодушія, и можетъ быть за мои соблазны; *я обязанъ сіе сдѣлать* въ честь Твоихъ Святыхъ заповѣдей. Сіе надобно, не взирая на всѣ человѣческія разсужденія и рѣчи; сіе надобно, хотя бы то было на счетъ моего имущества, моихъ выгодъ, и самой моей жизни. Естьли люди меня осудятъ, что мнѣ до того нужды, только бы я былъ Твой. Естьли міръ меня обвинитъ, онъ обвинялъ и Тебя: ученикъ не выше учителя. Пріими мои раскаянія; благоволи моимъ намѣреніямъ; подкрѣпи мою бодрость. Я отторгаюся отъ міра, дабы броситься въ Твои

объятія: хотя устрашаетъ меня моя слабость, но я долженъ надѣяться всего отъ Твоея благости.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬТРЕТІЕ.

О соблазнѣ.

Какое бы понятіе о соблазнѣ мы себѣ ни образовали, никогда не можемъ мы познать весь заключающійся въ немъ ужасъ. Соблазнъ есть величайшій грѣхъ возстающій вдругъ, и противъ Бога нападеніемъ на Его славу, и опроверженіемъ Его дѣла, и противъ церкви нанесеніемъ ей поношенія, и противъ душъ содѣланіемъ ихъ погибели. Ты изрекъ, Божественный Спаситель, и слово Твое сбывается ежедневно: *горе міру отъ соблазнъ* (а)! По чему же? Потому что соблазнъ возстаетъ противъ Бога нападеніемъ на Его славу. Правда, что всякій грѣхъ подобенъ въ семъ случаѣ соблазну; но соблазнъ особенно и сверхъ всѣхъ прочихъ грѣховъ имѣетъ то, что онъ возстаетъ противъ Бога явнѣйшимъ образомъ. Прочіе грѣхи содержатся сокрыты-

---

(а) Матѳ. 18.

ми во глубинѣ мраковъ ихъ произведшихъ, но соблазнъ снимаетъ съ себя личину и осмѣливается казаться въ полномъ свѣтѣ. Въ прочихъ грѣхахъ кажется соблюдаютъ еще нѣкоторыя мѣры, и полагаютъ себѣ нѣкоторые предѣлы въ ихъ излишествахъ; имѣютъ еще нѣкоторое почитаніе къ верховному величеству Божію, нѣкоторый страхъ къ Его правосудію; мятутся, трепещутъ, стыдятся; но соблазнъ на противъ того попираетъ ногами всѣ уставы, и кажется заглушаетъ всѣ чувства внушенныя закономъ, разсудкомъ, стыдливостію; онъ вооружается, по видимому, дерзостію противъ Всемогущаго: и вотъ что оскорбляетъ Божію славу, поелику симъ хулится Его Святое Имя. Соблазнъ хулитъ Его Святость непочтеніемъ, хулитъ Его милосердіе злоупотребленіемъ, хулитъ Его провидѣніе сомнѣніемъ. Доколѣ грѣшникъ страшится и сокрывается, онъ чувствуетъ еще что имѣетъ Господа и наказателя; страхъ его есть еще принужденное почитаніе воздаваемое Ему; сей стыдъ, показывающійся на лицѣ у насъ, тотчасъ, какъ преступленіе наше дойдетъ до свѣденія людей, есть родъ эпитиміи, приносимой Богу противъ воли нашей. Но какъ скоро сей страхъ, сія стыдливость заглушается, то грѣшникъ по-

ступаетъ смѣло, и кажется торжествуетъ во грѣхѣ, и имъ тщеславится. Не естьли сіе присовокупленіе къ дерзости презрѣнія? Боже мой! какое беззаконіе въ человѣкѣ, и какое оскорбленіе Твоей славѣ! Возможно ли, что христіане, долженствующіе одинъ другому помогать, и одинъ другаго возбуждать на Твое служеніе, взаимно споспѣшествуютъ общей ихъ погибели, и взявшись, такъ сказать, за руки ввергаются въ бездну?

2е. Горе соблазну! Для чего? Для того что возстая противъ Іисуса Христа, онъ опровергаетъ, сколько можетъ, дѣла Его. Іисусъ Христосъ сошелъ на землю, дабы учредить тутъ Царствіе Божіе, дабы заставить обожать Его Святое Имя, внушить страхъ и любовь къ Богу, заставить почитать добродѣтель, огласить и истребить владычество порока; вотъ въ чемъ состояло Его посольство, и мета всѣхъ Его стараній. Но соблазнъ повредилъ Его дѣла, воспрепятствовалъ Его успѣхамъ, и подобно какъ опровергъ Святое зданіе, благопріятствуя пороку, и притѣсняя добродѣтель. Божественный Спаситель! Ты сошелъ на землю, Ты проводилъ между нами болѣзненную жизнь, Ты окончалъ Твое теченіе на Крестѣ, Ты

пролилЪ кровь Твою до послѣдней капли, и все сіе съ тѣмЪ намѣреніемЪ, что бы совершить Твое дѣло; а соблазнЪ, врагЪ Твоему творенію, сопротивляется всѣмЪ ТвоимЪ намѣреніямЪ, останавливаетЪ сколько можетЪ предпріятія Твоего милосердія, уничтожаетЪ тайну Креста Твоего, содѣлываетЪ безплодными заслуги страсти Твоея, вырываетЪ изЪ рукЪ, или такЪ сказать, изЪ нѣдрЪ ТвоихЪ, души стоющія ТебѢ столь дорого, и за которыя Ты пролилЪ кровь Твою. По сему Святый АпостолЪ не обинуяся называетЪ соблазнителей Антихристами на землѣ: *и нынѣ Антихристи мнози быша* (а). ВЪ самомЪ дѣлѣ, естьли АнтихристЪ долженствуетЪ нѣкогда признаваемЪ быть потому, что онЪ будетЪ вводить вездѣ безпорядокЪ, запустѣніе, соблазнЪ, то тѣ, которые пріуготовляютЪ ему пути, которые приводятЪ ко грѣхамЪ, не суть ли Антихристы одушевленные его внушеніемЪ, обладаемые его духомЪ, а чрезЪ то противные во всемЪ духу и чувствамЪ самаго Іисуса Христа.

3е. Горе еще соблазну! Для чего? Для того что онЪ возстаетЪ противЪ

(а) 1. Іоан. 2.

церкви, дѣлая ей поношеніе. Грѣшники, повинные сему преступленію, что производимъ мы явнымъ безпорядкомъ нашего поведенія? Мы учиняемся причиною соблазна для чадъ сей общей матери: *и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ* (а). Бывши же причиною соблазна чадамъ, какую прискорбность наносимъ мы матери? Какую язву дѣлаемъ мы ея сердцу? Нашими соблазнами мы унижаемъ ея власть, мы опорочиваемъ ея правила, мы творимъ безплодными отправленія ея званія, мы производимъ смятеніе и неустройство между ея членами; и естьли бы спросили, почто сей святый градъ опустошенъ, жители его разсѣяны, достояніе его истощено, камни его святилища опровержены, то можно отвѣтствовать, что человѣкъ соблазна помрачилъ его блескъ, нарушилъ радость, и, сколько могъ, поколѣбалъ зданіе до основанія; однимъ словомъ, поврежденіе нравовъ, введенное адомъ во всѣ состоянія посредствомъ соблазнителей и искушеніемъ соблазна, есть напопаснѣйшая война, какую только адъ противъ сей святой церкви воздвигнуть въ состояніи. Вотъ мечь прискорбности, погрузившій

(а) Псал. 49.

сердце ее въ величайшее огорченіе, и возбуждающій всякій день еще гласъ ея жалобы. Она есть неутѣшимая мать: *Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть* (а). Таковы-то соблазнители; они суть неблагодарные сыны противъ чадолюбивой матери ими опечалѣнной, или лучше, ядовитыя змѣи, пребывающія въ ея нѣдрѣ для того единственно, что бы ее уязвлять.

4е. И такъ горе соблазну? Почему же еще? Потому что посредствомъ безпорядка, превышающаго всѣ прочіе безпорядки, возстаетъ онъ противъ душъ, содѣловая ихъ погибель. *Кто дастъ*, вопіялъ Пророкъ угнѣтенный печалію, *главѣ моей воду, и очима моима источникъ слезъ, и плачу день и нощь побіенныхъ дщери людей моихъ* (б) Погубить души, содѣлаться соблазнителемъ, убійцею душъ, ввергнуть души во глубину ада, какое беззаконіе! Какій ужасъ! Похитить у какого бы ни было человѣка имѣніе, есть грѣхъ; отнять у него честь есть злодѣяніе; лишить его жизни, вонзить

(а) Матѳ 2.
(б) Іерем 9.

ему въ сердцѣ кинжалъ, есть такое беззаконіе, о которомъ и помыслить страшно, и которое единственно изверги безчеловѣчія учинить въ состояніи; и такъ что же бы ужѐ такое было, похитить у него не земное имѣніе, не тлѣнную славу, не временную жизнь, но погубить его душу? Хотя бы братъ твой предъ тобою и согрѣшилъ, отнюдь не наноси напоеннаго ядомъ удара его душѣ и его спасенію: *токмо душу его соблюди* (а). Погублять души, сія мысль удивляетъ, тревожитъ, поражаетъ; не естьли сіе діавольское дѣло, посольство и орудіе ада? Увы! посланники Іисуса Христа, Апостолы, вы проходили за моря, на краи земли, проливали свой потъ, свои слезы и свою кровь, для спасенія и пріобрѣтенія Богу душъ; а соблазнитель на противъ того своими соблазнами искушаетъ, развращаетъ, ввергаетъ ихъ въ адъ. И такъ погибнетъ братъ твой, за котораго Іисусъ Христосъ умеръ, *его же ради Христосъ умре* (б); и твоимъ-то соблазномъ долженъ и можетъ онъ приписать вѣчную свою погибель. Нещастный! не ужѐ

(а) Іов. 2.
(б) 1. Корин. 8.

ли не довольно будетъ и безъ того твоихъ раскаяній при концѣ твоей жизни? Твоихъ обвинителей предъ Богомъ? Твоихъ мучителей въ адѣ? Не ужѐ ли потребно еще къ тому, что бы твои братіи, самые тѣ братіи, которыхъ ты погубилъ, возстали нѣкогда противъ тебя? Что бы, какъ неутолимыя фуріи, бросились они умножать твои мученія, и влить въ сердцѣ твое нѣкую часть той желчи, которую свирѣпость и отчаяніе произвели въ ихъ сердцѣ?

Размышленіе о томъ же.

Естьли имѣю я какую любовь къ Тебѣ, о Боже мой! естьли возбуждаетъ меня какая ревность къ славѣ Твоей, то коликo долженъ я воздыхать о томъ, что столь часто и столь сильно прогнѣвленъ Ты былъ соблазномъ? А наипаче съ коликимъ сокрушеніемъ долженъ я оплакивать поданные мною самимъ соблазны? Гласъ Твоея крови возстаетъ можетъ быть противъ меня и противъ моихъ соблазновъ; я испрашиваю таковаго Твоея благодати и Твоего великаго милосердія, дабы воздыхать о нихъ искренно, и получить прощеніе, въ непремѣнномъ намѣреніи, впредь

ихЪ убѣгать, и, сколько отЪ меня зависѣть будетЪ, ихЪ исправлять.

Статья первая.

РазсмотримЪ, о душе моя! сколь обыкновененЪ есть соблазнЪ вЪ мірѣ, дабы намЪ быть вЪ осторожности противЪ его искушенія.

Колико соблазновЪ вЪ мірѣ, о Боже мой! и коликими образами дѣлаютЪ ихЪ! Какій потопЪ неправды на земли? Не можно ли сказать, что люди для того только живутЪ вмѣстѣ, что бы одинЪ другаго погублялЪ, и одинЪ другому наносилЪ вѣчную смерть своими соблазнами? Ее наносятЪ во всѣхЪ временахЪ, во всѣхЪ мѣстахЪ, во всѣхЪ состояніяхЪ, и всѣми образами.

Ее наносятЪ сими вольными разговорами, которые не скрываютЪ своего яда, или сими двусмысленными рѣчьми, которыя скрываютЪ его для того только, дабы учинить его тонѣ, а тѣмЪ самимЪ опаснѣе. Извѣстное дѣло, что по превратности человѣческаго сердца, всякое двусмысленное слово пріемлется обыкновенно вЪ дурную сторону.

Ее наносятъ сими вредительными книгами, или, по словамъ Пророка, смерть входя чрезъ очи, нечувствительно вкрадывается въ души. Не успѣютъ еще сего примѣтить, а ядъ растерзалъ ужѐ внутреннюю. Сколько душъ претерпѣли на семъ преткновеніи пагубное кораблекрушеніе?

Ее наносятъ сими непристойными картинами, сими живописями, предлагаемыми очамъ страсти, и составляющими часто, ко стыду христіанства, украшеніе христіанскихъ покоевъ.

Ее наносятъ сими суетными, нелѣпыми, свѣтскими пѣснями, сими нескромными обхожденіями, сими новыми обыкновеніями, сими безстыдными и непристойными нарядами, которые часто печальными примѣтами и послѣдними издыханіями умирающей стыдливости бываютъ.

Ее наносятъ сими развратными правилами, которыя разглашаютъ, распространяютъ, и размножаютъ повсюду, и которыя уязвляютъ душу можетъ быть навсегда неизцѣльно.

Чѣмъ и какъ подается соблазнъ? Увы! скажемъ лучше, чѣмъ и какъ онъ не подается? Его подаютъ съ намѣреніемъ,

употребя всѣ извѣстныя средства, могущія содѣлать его дѣйствительнымъ. Его подаютъ въ такое время, и въ такихъ случаяхъ, когда по званію своему, отмѣнно предъ прочими, бываютъ обязанными ему препятствовать и его удалять. Его подаютъ въ такое время и тѣмъ самимъ, которые по состоянію своему обязаны быть наставниками и примѣромъ.

Боже мой! праведный Боже! какимъ окомъ взираешь Ты на такія беззаконія; однако же столь обыкновенныя беззаконія въ мірѣ? Увы! я оплакиваю соблазнъ другихъ, я воздыхаю о немъ, онъ мнѣ страшенъ, но чѣмъ могу я самъ себя не упрѣкнуть? Сколько разъ бывалъ я самъ въ немъ виновнымъ и подлежащимъ отвѣту? Естьли мнѣ внимательно испытывать себя предъ Тобою, о Боже мой! естьли мнѣ самаго себя посудить, то сколько соблазновъ найду я, поданныхъ мною въ жизнь мою? Сколько разъ произнесъ я предъ другими нескромныхъ и неограниченныхъ словъ?

Сколько разъ, въ разговорахъ, шутилъ и насмѣхался я надъ людьми благочестивыми?

Сколько разъ дѣлалъ я гнусныя и непристойныя насмѣшки надъ нѣкоторыми обрядами набожности и закона?

Сколько разъ безмѣрно вольными и мало скромными обхожденіями подавалъ я случай къ прогнѣвленію Бога? Въ церквахъ, всегда ли я бывалъ съ приличнымъ благочиніемъ и благоговѣніемъ?

Сколько душъ можетъ быть склонилъ я къ злу, или удержалъ отъ содѣланія добра? Увы! можетъ быть какой душѣ причинилъ я погибель, и буду упрекать себя ея нещастіемъ. Какая причина, о Боже мой! къ воздыханію предъ Тобою?

Статья вторая.

Разсмотримъ, какое есть нещастіе тѣхъ, которые подаютъ другимъ причины соблазна, и какое ужасное бремя мщенія они на себя навлекаютъ. Для познанія сего, о Божественный Спаситель! довольно того, что бы привести себѣ на память проклятіе изреченное Самимъ Тобою: *горе міру отъ соблазнъ!* Должно, говоришь Ты, что бы соблазны вошли въ міръ; но горе тому, кѣмъ соблазнъ входитъ, лучше бы ему было, естьли бы онъ было привязанъ къ камню, и вверженъ на дно моря. Грѣшникъ соблазнительный, присовокупляешь Ты, содѣлалъ ты погибель твоего брата, и вотъ гласъ крови вопіетъ на тебя:

сію-то кровь Я нѣкогда отъ тебя взыщу, ты ей навсегда повиненъ будешь, ты за нее отвѣтствовать станешь, душа за душу: *а крови его отъ руки твоея взыщу* (а). Нынѣ суть дни мрака когда плевелы растутъ съ хорошимъ хлѣбомъ; но придетъ день мщеній, тогда повелю Я Моимъ Ангеламъ, исполнителямъ Моего гнѣва, собрать всѣ соблазны опустошающіе Мое Царство. *И соберутъ отъ Царствія Его вся соблазны, и творящія беззаконіе: и ввергутъ ихъ въ пещь огненную* (б).

Чада, сказалъ Ты еще Твоимъ любезнымъ ученикамъ, ваша десная рука вамъ нужна, ваше око вамъ дорого; но Я вамъ по истинѣ говорю, ежели ваша десная рука, ежели ваше око есть поводомъ къ вашему соблазну, не медлите ни мало, отрубите сію руку, выколите сіе око; для васъ будетъ лучше войти въ рай лишеннымъ одного ока, или одной руки, нежели съ обѣими очами и обѣими руками быть вверженнымъ въ муку вѣчную.

Что могъ Ты, о Боже мой! сказать яснѣе, и возвѣстить ужаснѣе противъ

(а) Iезек. 33.
(б) Матѳ. 13.

соблазна? Однако же, не взирая на сіе, ко удивленію, находятся въ христіанствѣ соблазны, умножаются они ежедневно въ мірѣ; едва признаютъ себя люди виновными въ соблазнѣ, едва помышляютъ обвинять себя имъ предъ священнымъ судилищемъ. Но для меня прискорбно и плачевно то, что я самъ столь часто бывалъ повиненъ грѣху соблазна, и естьли я о томъ не буду сокрушаться, то сіе страшное проклятіе падетъ на меня.

Я не зналъ всего ужаса сего преступленія, о Боже мой! Ты мнѣ его теперь открылъ. Какое смятеніе, какое раскаяніе должно оно возбудить въ моемъ сердцѣ, поелику оно столь чувствительно оскорбляетъ Твое? Естьли бы мнѣ извѣстна была вся его важность, не сталъ ли бы я убѣгать случаевъ къ тому? Не боялся ли бы даже и тѣни его, и сверхъ бремени собственныхъ моихъ грѣховъ, захотѣлъ ли бы я отяготить себя еще таковымъ чужихъ грѣховъ?

Статья третія.

Какая есть обязанность, и какія суть средства къ поправленію соблазна? Какъ великое преступленіе и великое неща-

стіе есть подать случай къ соблазну, такъ и необходимая есть обязанность сіе поправить; столь непремѣнная обязанность, что безъ того соблазнъ никогда не простится, что онъ всегда будетъ приносить жалобу предъ Богомъ, что онъ безпрестанно будетъ вопіять о мщеніи противъ соблазнителя, и что онъ будетъ орудіемъ вѣчнаго его обвиненія и осужденія, естьли, имѣвши способъ его поправить, онъ не радѣлъ сіе исполнить.

Я чувствую, въ разсужденіи сего, всю мою обязанность, о Боже мой! но какое средство теперь къ поправленію поданныхъ мною въ жизнь мою соблазновъ? Язва содѣлана, какой способъ ее затворить; отрава излита, какой способъ остановить ее теченіе и ядовитость? О! естьли бы для сего достаточно было раскаяніе, то бы какимъ раскаяніемъ, какимъ прискорбіемъ сердце мое поражено было при видѣ и напамятованіи учиненныхъ мною соблазновъ? Но нѣтъ, я понимаю, о Боже мой! что Ты иное отъ меня требуешь, что сколько я могу, долженъ не только оплакивать соблазнъ, но его и поправить. Вотъ къ чему Ты меня обязываешь, и я потщуся произвести сіе въ дѣйство, дабы выполнить, сколько я въ

силахъ буду, мою обязанность, и поправить мои нещастія.

Намѣренія и употребленія въ дѣйство.

1е. Я предпишу себѣ жизнь порядочную, назидательную, примѣрную, способную загладить тѣ пагубныя впечатлѣнія, которыя могли содѣланы быть въ другихъ веденною донынѣ мною непорядочною и нехристіанскою жизнію.

2е. Я постараюсь приводить другихъ къ добру, ко благочестивымъ дѣламъ; я возму и употреблю къ сему всѣ тѣ мѣры, какія только состояніе мое позволить мнѣ можетъ. Естьли я отвлекъ души отъ Твоего служенія, то не долженъ ли я употребить всѣ мои силы возвратить ихъ къ Тебѣ?

3е Я буду часто молиться, а особливо о тѣхъ душахъ, которымъ подалъ я поводъ соблазна Я буду имъ просить всѣхъ тѣхъ милостей, какихъ желаю самому себѣ

4е При случаяхъ, я не убоюся, и не откажусь обвинять предъ другими прошедшую мою жизнь; и, естьли потребно будетъ, понести явную эпитимію за мое поведеніе. Хотя сіе трудно, но когда ищутъ спасенія, такъ какъ кажется я его желаю, то не взираютъ уже на трудность, а на должность. Когда я имѣлъ нещастіе ввергнуть кого во

адъ, то заслуживаю я его самъ. Въ такомъ обстоятельствѣ что мнѣ щадить? Чего бояться? Страшный судъ Божій о соблазнѣ не долженствуетъ ли изгнать изъ сердца моего всякую другую боязнь?

МОЛИТВА.

Какое согрѣшеніе есть соблазнъ! о Боже мой! Сколь мерзокъ онъ предъ Твоими очами? Со всѣмъ тѣмъ бывалъ я самъ столь часто ему повиненъ. Чѣмъ могу я поправить мое нещастіе, и удовлетворить Твоей оскорбленной славѣ? Ахъ! Господи, помилуй душу мою; ея грѣхъ печалитъ и тревожитъ ее: Твоя благодать внушаютъ ей сіи чувства: она дерзаетъ еще надѣяться Твоего прощенія, и обѣщаетъ Тебѣ вести болѣе христіанскую и болѣе примѣрную жизнь. Я нахожу въ томъ необходимую надобность; помоги мнѣ въ плодотвореніи.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬЧЕТВЕРТОЕ.

О нерадѣніи о спасеніи.

Нерадѣніе о спасеніи есть закоренѣлая томность въ служеніи Богу. Оно есть тягость души шествовать на Богоугодныя дѣла; ослабленіе въ благочестивыхъ упражненіяхъ; нѣкое усыпленіе души въ ея лѣности и охолодѣніе въ ея чувствахъ.

Дабы не произвести въ душахъ тревоги и смущенія, надлежитъ объявить, что когда говорится о нерадѣніи о спасеніи, то не *разумѣется тутъ* краткое время, и случайное состояніе, но закоренѣлое состояніе, и всегдашнее въ ономъ положеніе.

Подъ сей смыслъ не идетъ такъ же временная холодность. Она можетъ быть иногда состояніемъ Божескаго испытанія души для ея священія; а нерадѣніе о спасеніи, есть состояніе невѣрности, въ которое впадаетъ она по своей волѣ и по своей лѣности.

Наконецъ, предъ словомъ нерадѣніе о спасеніи не разумѣется состояніе грѣха: нерадѣніе о спасеніи можетъ довести до него, и дѣйствительно часто доводитъ; нерадѣніе о спасеніи само по себѣ

не есть состояние грѣха, по крайней мѣрѣ тяжкаго и смертнаго грѣха.

Нѣтъ ничего намъ нужнѣе, какъ умѣть познавать по знакамъ, не имѣемъ ли мы нещастія пребывать въ состояніи нерадѣнія о спасеніи. Вотъ изъ нихъ глѣвнѣйшие, въ которыхъ прочіе заключаются.

Первый знакъ нерадительной о спасеніи и томной жизни, есть весьма слабое желаніе о духовномъ своемъ назиданіи, и весьма легкое сожалѣніе о своихъ грѣхахъ и безпечности. Въ такомъ случаѣ чувства ревности бываютъ весьма слабы въ душѣ; и нѣтъ сомнѣнія, что доколѣ будетъ она томиться въ семъ состояніи, не только что не сдѣлаетъ никогда большихъ успѣховъ предъ Богомъ, но останется всегда весьма несовершенною въ Его очахъ. Естьли имѣютъ только слабое желаніе о полученіи какого блага, то и употребляютъ о томъ только весьма слабыя старанія; а употребляя только слабыя старанія, возможно ли когда пріобрѣсти то благо, которое получается единственно напряженіемъ силъ?

Вторый знакъ, есть великая лѣность преодолѣвать самаго себя, сражаться съ тѣлесными чувствами, худыми склонностями и затрудненіями свѣтской жизни: сіе есть явный знакъ, что сердце почти

побѣждено ужѐ не вступая еще въ сраженіе; и какъ тому побѣждать, кто боится сражаться? А безъ сраженія, какъ можно ожидать побѣды? Увы! въ такомъ случаѣ часто воюютъ только противъ Благодати воззывающей ихъ безпрестанно, а не противъ пороковъ и преступленій возрастающихъ день отъ дня.

Третій знакъ, есть весьма непостоянныя и непродолжительныя намѣренія дѣлать доброе. Весьма естественно повѣрить, что душа останавливающаяся такъ скоро никогда не имѣла бодрости шествовать далѣе. Огнь погасающій скоро, былъ худо возженъ. Человѣкъ, по истинѣ, съ природы непостояненъ; но такъ скоро, такъ легко, такъ часто перемѣняться, что можно другое помыслить, какъ не то, что врожденная слабость превратилась ужѐ въ нещастный навыкъ?

Четвертый знакъ нерадѣнія о спасеніи, есть частое оглядываніе назадъ, какъ будто ужѐ усталый отъ теченія; частое обращеніе очей на прошедшій ужѐ путь, и боязнь остающагося еще шествовать. Таковый странникъ не можетъ достигнуть до блаженнаго убѣжища; слабость его бодрости, паче нежели трудность пути, останавливаетъ его стопы, и теченіе его не будетъ продолжительно; отдыхая такъ часто, путь его безуспѣшенъ.

Пятый знакъ нерадѣнія о спасеніи, есть исканіе наружнаго разсѣянія, забавъ и суетности въ наружныхъ предметахъ и упражненіяхъ. Сія склонность души къ наружности, заставляетъ судить, что недостатокъ у нее внутренняго занятія, и слѣдственно, что въ ней корень внутренней жизни весьма мало оживленъ и мало дѣятеленъ. По грѣхъ, нѣтъ ничего можетъ быть столь опаснаго для души, какъ сіе разсѣяніе, выводящее ее изъ самое себя, распространяющее ее въ наружности, раздѣляющее ея силы. Вотъ признаки нерадѣнія о спасеніи, и черты его обязующія.

Всякій изъ сихъ знаковъ взятый особо долженствуетъ устрашать; но естьли всѣ они соединены въ душѣ, ей уже не чѣмъ себя ласкать, она очевидно находится въ состояніи нерадѣнія о спасеніи. Естьли она безпечно и упорно пребываетъ въ семъ состояніи, то чего ей опасаться, и какихъ слѣдствій отъ того ожидать должно?

Естьли весьма нужно извѣстнымъ быть о знакахъ нерадѣнія о спасеніи для сужденія самихъ себя, то необходимѣе еще познать его причины, для поправленія ихъ и отсѣченія начала зла у его корня.

Первая причина, нерадѣнія о спасеніи, есть великая вЪ насЪ нечувствительность, безмѣрная любовь кЪ намЪ самимЪ и кЪ плотоугодію, природное удаленіе отЪ всего того, что насЪ безпокоитЪ, и что противно нашимЪ склонностямЪ и вкусамЪ. Сіе множество слабостей, недостатковЪ господствующихЪ вЪ насЪ, клонятся всегда ко злу, стремятся безпрестанно кЪ порокамЪ, и нечувствительно кЪ намЪ поведутЪ, естьли онѣ не будутЪ одушевлены и подкрѣплены верьховными причинами, которыя ополчаютЪ насЪ противЪ насЪ самихЪ, и возносятЪ насЪ выше насЪ же самихЪ.

Вторая причина, есть недостатокЪ намѣренія и бодрости предать и препоручить всего себя Богу и гласу Благодати. ЩадятЪ себя, сберегаютЪ себя, боятся вступить вЪ обязательство и зайти сЪ лишкомЪ далеко. Сіе состояніе содержитЪ душу на перевѣсѣ между БогомЪ и міромЪ, такЪ что она по истинѣ ни Божія, ни мірская; она клонится то на ту, то на другую сторону, волнуяся такимЪ образомЪ вЪ недостойномЪ раздѣленіи и вЪ безпрестанной перемѣнчивости мыслей и чувствЪ. АхЪ! естьли бы единожды навсегда великодушно рѣшились быть совершенно Божіими, то какую бы бодрость

получили! А какъ сего похвальнаго намѣренія нѣтъ, то влекутъ томную жизнь, ввергнутую въ нѣкое забытіе спячки, содѣлывающей ее неспособною ни къ какому великодушному чувству.

Третія причина, есть закоренѣлая безпечность о малыхъ вещахъ; она есть духъ вольности и независимости, которой трудно плѣнить и подчинить множеству легкихъ наблюденій, требуемыхъ Богомъ, отъ души желающей принадлежать ему. Какъ Богъ съ Своей стороны вѣренъ въ доставленіи ей изобильныхъ вспомоществованій, въ подкрѣпленіи ее, въ привлеченіи ее къ Себѣ, такъ требуетъ и отъ нее великой вѣрности во всѣхъ статьяхъ Его заповѣдей, и во всѣхъ по видимому наималѣйшихъ вещахъ. У Бога все уважено будетъ, а наипаче для такой души, которую Онъ снабжаетъ благодатію, и которую пріуготовляетъ по особливымъ намѣреніямъ провидѣнія.

Четвертая причина нерадѣнія о спасеніи, есть одуманные проступки, и намѣреваемыя согрѣшенія. Ничто такъ не приводитъ въ слабость и такъ не останавливаетъ на путяхъ Божіихъ, какъ сіи размышленныя сопротивленія. Пускай случаются у насъ иногда проступки отъ вѣт-

ренности, отъ слабости, отъ неосторожности; мы люди, сіе есть дѣйствіе нашей смертности и нашего несовершенства: но часто бываютъ слова одуманныя, съ намѣреніемъ, не слушая гласа совѣсти, не взирая на озареніе свѣта, падаютъ во грѣхи, насыщаются ими, прогнѣвляютъ Бога; вотъ что оскорбляетъ Его сердце, удаляетъ Его благодать, разслабляетъ душу, и слѣдовательно не преминетъ ввергнуть ее во глубину нерадѣнія о спасеніи, а чрезъ то самое навлечь ей нѣкій родъ охлажденія Божія къ ней. Что еще потребно къ содѣланію сего состоянія нерадѣнія о спасеніи?

Сколько же другихъ причинъ нерадѣнія о спасеніи? Сколько внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ противоборствующихъ Благодати святыя ревности? Иногда приходятъ желанія, пріемлютъ намѣренія; но подобно спящему человѣку, открывающему очи при свѣтѣ, и погружающемуся тотчасъ опять въ свои прежніе мраки, возвращаются такъ же къ прежнему своему состоянію нерадѣнія о спасеніи.

Когда выдемъ мы изъ гроба, изъ сего нерадѣнія о спасеніи, столь непріятнаго Богу, столь пагубнаго душѣ, столь сопротивляющагося Благодати, столь удобнаго

вести далѣе, и пріуготовать пути къ величайшимъ злополучіямъ?

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О плачевныхъ слѣдствіяхъ и пагубныхъ дѣйствіяхъ нерадѣнія о спасеніи.

Для образованія справедливаго понятія о нерадѣніи о спасеніи, и содѣланія плачевныхъ его слѣдствій мнѣ чувствительнѣе; я представляю его себѣ подъ видомъ опасной болѣзни. Ибо, какъ разслабленіе есть болѣзнь тѣла, такъ нерадѣніе о спасеніи есть болѣзнь души И такъ, что случается въ болѣзни? И какія обыкновенно бываютъ плачевныя слѣдствія въ различныхъ состояніяхъ больнаго? Слѣдующія: они весьма способны меня тронуть и встревожить, естьли я узнаю себя въ семъ плачевномъ изображеніи.

Состояніе слабости, состояніе отвращенія, состояніе забытія и спячки, состояніе томленія и обморока, которое приводитъ наконецъ въ состояніе или опасность смерти. Весьма плачевное, но притомъ и весьма естественное изображеніе того, что нерадѣніе о спасеніи столь часто въ душахъ производитъ.

Подай мнѣ, о Боже мой! познать хорошо все его пространство, всѣ его слѣдствія и всю его опасность. Сіе познаніе одушевленное и подкрѣпленное Твоею благодатію, довлѣетъ ко вкорененію во мнѣ навсегда живаго страха и спасительнаго ужаса.

1е. Состояніе слабости. Она есть начало тѣлесной болѣзни, и отъ нее происходитъ душевная болѣзнь. Когда кто сдѣлается слабъ, то лишится бодрости, не можетъ почти себя поддерживать, силится нѣсколько времени; но наконецъ слабость преодолѣваетъ, изнуреніе прибавляется, *и онъ почти ни къ чему неспособнымъ становится; вотъ* нерадѣніе о спасеніи. Въ пріятные дни ревности, ничто не было противно, ничто не было тягостно; все было усладительно и легко въ служеніи Богу. Самыя труднѣйшія вещи содѣлывались удобными и легкими. Сіи пріятные дни ужѐ миновались; мрачныя облака затмили ихъ ясность. Ревность простыла, усердіе ослабѣло, и мало по малу нерадѣніе о спасеніи бытіе свое воспріяло. Нѣкоторая лѣность въ должностяхъ начала вкрадываться въ сердцѣ; нѣкоторая простылость въ благочестіи разтравила рану; намѣренные грѣхи довершили болѣзнь. Сердце потеряло всю

свою бодрость и пришло въ уныніе; и вмѣсто того, что прежде въ наивеличайшихъ вещахъ, въ наивеличайшихъ пожертвованіяхъ не находило оно ничего такого, что бы его не возбуждало, а теперь въ наилегчайшихъ и наиудобнѣйшихъ вещахъ нѣтъ ничего такого, что бы не приводило его въ удивленіе и робость.

Не въ таковомъ ли я нахожусь состояніи? Могу ли сокрыть его отъ Тебя, о Боже мой! Какая безпечность, какая лѣность въ служеніи Тебѣ! Какое малодушіе когда долженствую я предпринять чѣмъ Тебѣ пожертвовать! Иногда, какая робость въ моей душѣ! Всѣ силы мои мнѣ измѣняютъ, увы! потому что я измѣняю самъ Благодати, которая въ тѣ пріятные дни, когда я пребывалъ ей вѣренъ, меня побуждала и подкрѣпляла. Ахъ! кто дастъ мнѣ, могу ли сказать Тебѣ съ праведнымъ Іовомъ, кто дастъ мнѣ то состояніе, въ которомъ я былъ прежде, когда Ты былъ со мною и Свѣтъ Твой блисталъ очамъ моимъ: *кто мя положитъ на мѣсяцъ, прежде дній ихъ же мя Господь храняше, егда свѣтяшеся свѣщникъ Его надъ главою моею* (а)?

(а) Іов. 29.

2е. Состоянie отвращенiя и равнодушiя. Вотъ уже душевная болѣзнь умножается, потому что въ семъ состоянiи начинаютъ удаляться отъ Бога, терять склонность къ благочестiю, и содѣлываться нечувствительными къ дарамъ Благодати. Сперва прилѣплялися къ Божескимъ вещамъ, находили въ нихъ безмѣрную радость, несказанное утѣшенiе: но мало по малу стали получать отъ нихъ отвращенiе, все имъ наскучило. Сiе самое случилось съ Израильтянами въ пустынѣ. Манна была для нихъ небесною пищею; въ ней заключалися всѣ прiятности къ удовольствованiю всѣхъ вкусовъ. Такимъ образомъ продолжалося, доколѣ Израиль пребылъ вѣренъ своему Богу, и ревностно шествовалъ по пути заповѣдей Его. Но какъ скоро нарушилъ онъ свою вѣрность и свою ревность, то манна учинилась уже ему отвратительною. Отнимите, отнимите прочь, говорили они, сiе противное мясо; наша душа отъ него отвращается, *и душа наша недугуетъ о хлѣбѣ семъ тщемъ* (а). Плачевное изображенiе нерадѣтельной о спасенiи души! Все ей отвратительно; все ей наскучиваетъ; все ей тягостно. Молится ли она;

(а) Числ. 21.

молитва кажется ей продолжительна, время проходитъ медлительно, она нетерпѣливо ожидаетъ конца. Приноситъ ли она покаяніе; не мало стоитъ ей труда на оное рѣшиться; она сыскиваетъ множество отговорокъ къ своему отъ него избавленію. Приступаетъ ли она ко Святымъ Тайнамъ, сіе дѣлаетъ она весьма рѣдко, и дѣлаетъ единственно по благопристойности; дѣлаетъ безъ благоговѣнія; покушается отъ нихъ удалиться; удаляется, и сколько можно откладываетъ; *душа наша недугуетъ.*

Не самое ли сіе со мною случается, то что я съ нѣкотораго времени испытываю? Ничто не привязываетъ меня въ служеніи Богу; все кажется мнѣ скучно и тягостно; вездѣ нахожу я только отвращеніе и равнодушіе: нѣтъ уже больше прилѣпленія къ благочестію, усердія ко благу, желанія моего совершенства.

Пагубное отвращеніе! плачевное состояніе для больнаго? Какъ же о немъ мыслятъ? И какое даютъ ему названіе? Смертельное отвращеніе. Какій плачевный признакъ для будущаго! И сіе отвращеніе отъ Божескихъ вещей что возвѣщаетъ моей душѣ, естьли она въ немъ упорно пребудетъ? Не допусти до сего, о Боже

мой! подай ей вкусить еще сладости Твоего служенія, и почувствовать горесть и противность во всемъ прочемъ.

3е. Состояніе забытія и нѣкоего рода спячки. Сіе случается съ больными; пробывши нѣкоторое время въ состояніи слабости и отвращенія, повергаются они наконецъ въ состояніе забытія и нечувствительности. Такимъ же образомъ бываетъ и съ душею; проведя нарочитое время въ нерадѣніи о спасеніи, и лѣности; тѣмъ ужѐ почти она не трогается и содѣлывается нечувствительною. Прежде сего испытывала она спасительныя угрызенія совѣсти; внимала внутреннему воззывающему гласу, благоразумнымъ совѣтамъ; назидательные примѣры трогали ея сердце, и производили живыя впечатлѣнія. Теперь же она подобно какъ неспособная къ принятію Благодати, ни о чемъ не заботится. Болѣзнь ея столь велика, что она ужѐ ее не чувствуетъ, и не знаетъ ея опасности.

Естьли кто единожды дойдетъ до сего, ввергнется въ сіе состояніе духовнаго забытія, въ сей родъ спячки, то ужѐ сотворитъ онъ безчисленное множество преступленій и грѣховъ. Всѣ дни, вся жизнь будетъ ужѐ почти безпрерыв-

ною цѣпію лѣностей, сопротивленій, упущеній должностей, что ему едва примѣтно будетъ, и меньше еще того станетъ онъ помышлять о упрѣканіи себя ими. Въ такомъ положеніи, онъ - не въ состояніи признать себя виновнымъ. Ахъ! Боже мой, естьли бы представилъ Ты сей душѣ вѣрное зерцало, то бы узрѣла она, что такое она есть, какіе ея грѣхи, и какими червями она снѣдаема! Въ ея разумѣ, какія тщетныя мысли, постороннія мысли, опасныя мысли! Какія суеты, любопытства, вѣтренности! Въ ея сердцѣ, какія чувства, какія склонности, какія отвращенія, какія привязанности, какія ненависти! Въ ея тѣлесныхъ чувствахъ, какія разсѣянія, какія похотѣнія, какія совсѣмъ плотскія удовольствія! Въ ея дѣяніяхъ, во всемъ ея поведеніи, какія несовершенства, какія совсѣмъ человѣческія побудительныя причины, какія самолюбія! О! сколь пагубно усиливаніе сей болѣзни!

Сія плачевная картина представляется очамъ моимъ, я вижу въ ней изображеніе души моей, и могу ли я по симъ чертамъ не узнать ее? Не сіе ли-то состояніе одержащей ея болѣзни? Я грѣшу, и я о томъ не раскаяваюсь; я употребляю во зло дары Благодати, и я о томъ не скорблю; я вижу опасность, и я тѣмъ ни мало

не тревожусь. Ничто не извлекаетъ меня изъ моего состоянія, все оставляетъ меня въ моемъ забытіи и въ моей спячкѣ. Давно ужѐ я все сіе себѣ говорю, и давно ужѐ томлюсь я въ томъ же состояніи: какія могутъ произойти отъ сего слѣдствія, естьли не постараюсь я ихъ предупредить?

Четвертое состояніе. Болѣзнь увеличивается всегда, она скоро достигнетъ до высочайшей степени. Больный по пришествіи въ сіе состояніе слабости, отвращенія и забытія, повергается наконецъ въ состояніе унынія и обморока близкаго ужѐ состоянію *смерти*; *вотъ* послѣдній признакъ *болѣзни*, вотъ довершеніе нерадѣнія о спасеніи; тягость и обморокъ души. Падаютъ, лишаются силъ, чувствуютъ себя подобно какъ умирающихъ. Для чего же? Для того, что послѣ толикихъ неуваженныхъ благодатей, толикихъ безплодныхъ вспомоществованій, толикихъ всегдашнихъ сопротивленій, Богъ кажется отступается, и отнимаетъ дѣйствительно Свои драгоцѣнныя и преимущественныя благодати: то есть, что съ одной стороны нерадивая о спасеніи душа отвращается отъ Бога, а съ другой, Богъ начинаетъ отвращаться отъ сей души; душа охладѣетъ къ Богу, а Богъ охолодѣ-

етъ къ душѣ; нерадивая о спасенiи душа не имѣетъ къ Богу ничего болѣе, какъ нечувствительность, и Богъ взаимно кажется не имѣетъ къ ней ничего болѣе, какъ нѣкоторый родъ равнодушiя.

О душе моя! о грѣшная душе! Вотъ твой Богъ скрывающiйся отъ очей твоихъ въ плачевномъ облакѣ; но изъ среды сего мрачнаго облака слышу я сiи слова, или лучше, сiе ужасное проклятiе: *тако убо обьуморенъ еси, и ни теплъ, ни студенъ: изблевати тя отъ устъ Моихъ имамъ* (а). Съ трепетомъ размышляю я о сихъ страшныхъ словахъ. Но какъ они произнесены Святымъ Духомъ, то можемъ ли мы оставить ихъ безъ вниманiя и разсмотрѣнiя? Ты Самъ, о Боже мой! говоришь нерадивой о спасенiи душѣ: и что Ты ей сказываешь? Лучше бы тебѣ было, естьли бы ты впала въ состоянiе холодности; но какъ ты въ состоянiи нерадѣнiя о спасенiи, то начинаю Я извергать тебя далеко отъ Меня, поелику ты производишь тошноту въ Моемъ сердцѣ, *изблевати тя имамъ*. Вотъ Богъ, воздыхающiй, Богъ соболѣзнующiй о плачевномъ

(а) Апок. 3.

состояніи сей души; Онъ произноситъ сожалѣтельные гласы о ея жребіи. Въ очахъ Его, состояніе грѣха, состояніе смерти, было бы нѣкоторымъ образомъ лучше состоянія нерадѣнія о спасеніи; потому что сіе состояніе грѣха трогало бы ее, оскорбляло бы ее, она бы тревожилась, она бы трепетала видя себя на краю пропасти; она бы видѣла гробъ и адъ отверстые подъ ея стопами. При видѣ сихъ важныхъ предметовъ, сихъ ужасныхъ зрѣлищъ, она бы вошла въ себя, она бы со страхомъ отступила и возвратилась назадъ. Пораженная своимъ состояніемъ, она бы подражала *Святымъ обратившимся къ покаянію, воздыханіямъ Давида, слезамъ Магдалины*; угрызенія совѣсти принесли бы въ жертву чувства кающагося ея сердца. Въ состояніи же нерадѣнія о спасеніи на противъ того, не видя въ себѣ ни единаго изъ сихъ великихъ грѣховъ, изъ сихъ отличныхъ безпорядковъ, душа не заботится, не тревожится, она не помышляетъ о надобности обращенія, она пребываетъ въ семъ состояніи, она въ немъ томится, она подвергается окончить въ немъ жизнь свою, а можетъ быть и упасть въ какій смертный грѣхъ, въ какую пагубную бездну, не надзирая надъ собою, не остерегаясь отъ искушенія, отвращая

свой взоръ отъ опасности. Находясь въ семъ состояніи нерадѣнія о спасеніи продолжаютъ воспріимать таинства, подходить ко Святому Причащенію; не страшно ли въ семъ состояніи мрачности, въ нѣкоторыхъ опасныхъ искушеніяхъ и случаяхъ, а напаче въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ статьяхъ, въ которыхъ весьма легко обмануться можно, въ которыхъ разстояніе между смертнымъ и простительнымъ грѣхомъ столь непримѣтно, не страшно ли, что бы не вкралися въ сердцѣ какія чувства, какія склонности, которыя почитали неважными, и о которыхъ по нещастію и не заботились? Вотъ ужасная опасность, которой, пребывая въ семъ состояніи нерадѣнія о спасеніи подвергаются.

О, Господи! когда мы войдемъ сами въ себя, и откроемъ очи на истинныя наши пользы? Всегда ли мы будемъ пребывать въ такомъ состояніи, въ которомъ мы умереть боимся?

Намѣренія и употребленія въ дѣйствѣ.

1 е. По часту буду я воспоминать Твою благодать, и принятое мое Святое намѣреніе.

Почасту буду я сокрушаться о нерадѣніи моемъ о спасеніи, и о прошедшихъ моихъ согрѣшеніяхъ.

2е. Когда почувствую я тягошу и сопротивленіе, то буду я переносить ихъ въ удовлетвореніе за мою лѣность: таковая эпитемія весьма еще мала за толикіе грѣхи!

3е. Я буду помышлять о утѣшеніи при часѣ смертномъ, что служилъ я Тебѣ со святою ревностію: можетъ быть пребываніе мое въ то время не много продолжится: по крайней мѣрѣ надлежитъ содѣлать его святымъ и спасительнымъ для вѣчности.

4е. Я возму въ примѣръ толико праведныхъ душъ, которыя можетъ быть съ меньшимъ числомъ благодатей, нежели я, служатъ Тебѣ съ такою ревностію, и производятъ добрыя дѣла съ такимъ великодушіемъ.

5е. Я воспріиму опять съ раченіемъ тѣ молитвы и тѣ упражненія, которыя я оставилъ, и буду съ сего времени отправлять ихъ съ непоколѣбимою вѣрностію.

МОЛИТВА.

Я никогда сего не понималъ, о Боже мой! никогда сіи важныя размышленія не представлялись моему разуму въ

шакой ясности ; нынѣ Ты меня просвѣщаешь, и просвѣщая меня тревожишь.

И такъ войду я въ самаго себя, для разсмотрѣнія склонности моего сердца, и, естьли потребно, для соделанія спасительнаго испытанія моей совѣсти съ того времени, какъ стеню я въ семъ состояніи нерадѣнія о спасеніи, дабы оживотворить чувства томной моей души, или наипаче дабы дополнить то, что могло быть недостаточно въ воспріятіи таинствъ въ продолженіи всего мрачнаго сего времени. Помоги мнѣ, о Боже мой! исторгни меня изъ природной моей недѣятельности, и руководствуй меня въ открываемомъ Тобою мнѣ пути, по которому я до смерти шествовать хочу. Весьма много потребно мнѣ времени, хотя бы свято употребленнаго, на стенанія о моихъ согрѣшеніяхъ, на залеченіе ранъ нанесенныхъ нерадѣніемъ о спасеніи душѣ моей, на вознагражденіе плачевныхъ потерь, содѣланныхъ мною въ продолженіи сихъ заблужденій. Ты сожалѣлъ, о Боже мой! о состояніи души моей, когда она забывалась, буди еще болѣе

тронутъ, когда она обращается и чувствуетъ свое нещастіе: она немощствуетъ, Ты зришь сіе; возврати ей всю ея силу, Боже благости! и возврати ее къ прежней ея ревности; она того желаетъ, она о томъ Тебя молитъ, она того отъ Твоея благости надѣется.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬПЯТОЕ.

О вседневныхъ согрѣшеніяхъ и обращеніяхъ.

Наши вседневныя согрѣшенія не долженствуютъ приводить насъ въ уныніе и отчаяніе; но вмѣсто того надлежитъ имъ возбуждать нашу заботливость и ревность.

Люди благочестивые не безгрѣшны, они могутъ упадать въ преступленія: самый праведнѣйшій согрѣшаетъ седмь разъ въ день. Сіи грѣхи, по истинѣ, не важные; ибо инако не былъ бы онъ уже праведнымъ. Они такъ же не весьма намѣреваемые, и не довольно-одуманные грѣхи; но по большой части грѣхи случайные, проступки отъ неосторожностей, отъ слабостей, отъ недостатковъ человѣческихъ.

Со всѣмъ тѣмъ случаются иногда грѣхи нѣсколько намѣреваемые и нѣсколько одуманные; и о нихъ-то здѣсь у насъ слово.

И такъ случается, на примѣръ, что ты упадаешь въ таковыя согрѣшенія, иногда досадуя за что нибудь съ тобою встрѣтившееся; иногда предавшись горячности и нетерпѣнію; иногда попустивъ себя слѣдовать за суетами, за любопытствами, за легкомысліемъ; иногда за разсѣяніями, развлеченіями и посторонними мыслями; иногда за насмѣяніями, шутками могущими огорчить и оскорбить другихъ; однимъ словомъ, за сопротивленіями, за измѣнами Благодати.

О сихъ-то и о подобныхъ согрѣшеніяхъ, по истинѣ, долженъ ты воздыхать, но не доходить до унынія и отчаянія; сіе было бы присовокуплять къ одному злу другое, и растравлять одну рану другою. Въ семъ случаѣ спасительное средство есть то, что бы смирить себя предъ Богомъ, признать свою слабость и свое ничтожество, отъ глубины сердца воздыхать и ихъ оплакивать. Удивительно ли, что такое множество недостатковъ произведетъ новые недостатки: естьли нѣтъ таковыхъ наибольшихъ, то не означаетъ ли сіе единственнаго дѣйствія милосердія

Божія, и вспомоществованія Его благодати?

Со всѣмъ тѣмъ что же безмѣрно часто случается? То, что взирая на сіи прегрѣшенія, безпокоятся, теряютъ бодрость, приходятъ въ уныніе, и слѣдственно не радятъ о себѣ, погубляютъ довѣренность къ Богу, наскучиваются можетъ быть благочестіемъ; воображаютъ себѣ быть въ худомъ состояніи; мнятъ, что никогда не можно исправиться въ своихъ несовершенствахъ и грѣхахъ утвердиться въ своихъ добрыхъ дѣяніяхъ, и достигнуть до желаемаго совершенства, и множество другихъ подобныхъ мыслей и боязливостей ввергаютъ душу въ малодушіе и уныніе; а потому почти не осмѣливаются уже предстать предъ Бога, или хотя и предстанутъ предъ Нимъ; но съ суетнымъ стыдомъ; съ недовѣрчивостію, съ трепетомъ и страхомъ, что бы Онъ не удалился, потому что Его прогнѣвали. И такъ, безпокоясь о единомъ согрѣшеніи часто неважномъ, подвергаются впасть въ тысячу другихъ гораздо большихъ; понапрасну теряютъ время во многихъ безполезныхъ размышленіяхъ о себѣ и о своемъ преступленіи. Хотятъ испытывать намѣреваемое ли было оно; совершенное ли было на него согласіе, но совсѣмъ тѣмъ

чѣмъ болѣе на томъ останавливаются, и чѣмъ болѣе разсуждаютъ, тѣмъ меньше сами себя понимаютъ. Изъ одного смятенія приходятъ въ другое, и изъ одного несовершенства въ другое явнѣйшее: безпокойство, печаль овладѣваютъ оробѣвшею душею, предаютъ ее внутреннимъ тревогамъ и смятеніямъ, содѣлающимъ ее неспособною ни къ чему.

Что же все сіе предъ Богомъ? Иногда униженость, соболѣзнованіе, искренное раскаяніе, а большею частію сокрытая гордость, самолюбивая досада, діавольское мечтаніе. Что сіе такое, лѣкарство ли принятое, или новый ядъ брошенный на язву? Поступаютъ подобно раненому человѣку, который ежеминутно смотритъ на свою рану, ее трогаетъ; и чрезъ то самое наноситъ ей большій вредъ; или подобно упадшему, который, вмѣсто того, что бы возстать, медлитъ въ разсматриваніи, какъ онъ могъ упасть, и отъ чего случилось его паденіе. Возстани и ходи: берегись что бы твое смущеніе и боязнь не произвели новаго и опаснѣйшаго еще паденія.

Самое то же говорю я душѣ упадшій въ какое согрѣшеніе, возстани, покорися, и не медля продолжай путь твой: вотъ единственное врачевство для сей болѣзни.

Такимъ образомъ должно возвратиться къ Богу, съ которымъ удобнѣе примириться посредствомъ обращенія къ Нему съ покорностію и любовію, нежели посредствомъ сей печали, сей прискорбности иногда совсѣмъ тѣлесной, сего унынія, сей боязливости, болѣе виновной можетъ быть, нежели самое согрѣшеніе, о которомъ печалятся. Во всемъ томъ бываетъ часто больше самолюбія, нежели любви къ Богу.

Я скажу еще болѣе: сіе простое обращеніе съ покорностію и довѣренностію прославляетъ Бога больше, нежели твое согрѣшеніе Его оскорбило; потому что въ согрѣшеніи случается часто нечаянность, неосторожность, легкомысліе, въ покорномъ же и искренномъ обращеніи, воля полная, и намѣреніе совершенное и точное.

И такъ воспріими сіе правило, и непреложно послѣдуй ему: всегда какъ случится тебѣ впасть въ какое согрѣшеніе, какъ бы оно велико ни было, отнюдь не ввергайся въ смятеніе наполненное горести и скуки, не останавливайся надъ тщетными и сомнительными испытаніями: но тотчасъ признавая искренно твое согрѣшеніе, и воздыхая смиренно о твоемъ легкомысліи, обратися съ любовію къ Богу;

какъ чадо къ отцу своему; скажи Ему съ покорностію: Господи Боже мой! я содѣлалъ то, что слабая душа, таковый грѣшникъ какъ я, содѣлать можетъ: и чего же инаго могъ Ты ожидать отъ меня, какъ не сихъ грѣховъ, и другихъ еще наибольшихъ? Я бы поступилъ еще далѣе безъ Твоей подкрѣпляющей меня благодати, которая печется о мнѣ и меня воздвигаетъ. Благодарю Тебя за сохраненіе меня отъ преступленій, и прошу прощенія за тѣ, которыя я содѣлалъ. Помилуй еще меня, и подай мнѣ новую помощь, дабы я Тебя впредь не прогнѣвлялъ, и дабы ничто въ свѣтѣ не разлучало меня съ Тобою, Котораго желаю я любить и Которому желаю я служить съ большею, нежели когда либо вѣрностію.

Учиня сіе, не теряй времени тревожась и обезнадѣживаясь, или устрашаясь, что Богъ тебя не проститъ; но съ спокойствіемъ, съ довѣренностію, продолжай паки путь твой какъ будто ты отъ Него никогда и не заблуждался. Хотя бы тысячу разъ ты согрѣшилъ, (отъ чего Боже сохрани,) тысячу разъ обратися къ Богу, и съ тою же довѣренностію, послѣ послѣдняго согрѣшенія, какъ и послѣ перваго, бросься въ Его объятія, съ обѣщаніемъ впредь отъ Него не удаляться.

И такъ воспріявъ столь высокіе мнѣніе о благости Божіей, ты изъявишь ей тѣмъ свое почитаніе. И такъ поставя ее выше всѣхъ твоихъ недостатковъ, ты подашь благодати Его случай торжествовать. И такъ употребя ядъ къ твоему исцѣленію, ты обратишь его въ лѣкарство. И такъ ты поднимаешься выше послѣ твоего паденія, нежели ты былъ въ его время. Благость Божія, долготерпѣніе Божіе, сколь вы велики и неизреченны въ содѣланіи намъ, изъ самыхъ нашихъ слабостей, блистательнѣйшихъ памятниковъ Твоего великаго милосердія!

Совсѣмъ тѣмъ, мы не освобождаемся отъ обязанности убѣгать согрѣшеній со всякою вѣрностію и съ неусыпнымъ стараніемъ, каковыя долженствуютъ намъ внушены быть страхомъ Божіимъ, а паче еще святою Его любовію. Весьма великое заблужденіе, или лучше сказать, весьма явное ослѣпленіе было бы, думать, что поелику можно приложить къ язвѣ пластырь, то будто бы надобно не отвергаться отъ уязвленія, и доброводьно содѣловать себѣ болѣзнь, для того что есть лѣкарство могущее ее излѣчить.

Изъ сего ясно видно, какъ съ помощію благодати Божіей, можемъ мы извлекать пользу изъ самыхъ нашихъ согрѣшеній, и какъ сіи вседневныя согрѣшенія,

вмѣсто истребленія нашей бодрости и нашей довѣренности, оживотворяютъ нашу бдительность и нашу ревность.

Мы должны благодарить Бога, Который, по неизреченному Своему милосердію, весьма желаетъ насъ прощать и снова насъ воспринимать. Мы должны приносить покаяніе, для поправленія, сколько отъ насъ зависитъ, содѣланнаго нами согрѣшенія и зла. Мы должны остерегаться, что бы не впасть въ какое новое согрѣшеніе, плачевнѣйшее и прискорбнѣйшее перваго. Мы должны продолжать нашъ путь далѣе и далѣе, и вознаградить погубленное нашими преступленіями и согрѣшеніями время. Мы должны приводить себя больше въ состояніе прославлять Бога, Котораго мы по нещастію прогнѣвали.

И такъ шествуй, кающаяся душа, и продолжай твое теченіе. Все уже поправлено предъ Богомъ. Зданіе воздвигается на собственныхъ своихъ развалинахъ: оно укрѣпляется осторожностію. Было ли бы оно доведено до такого состоянія, естьли бы, по содѣланному и оплаканному грѣху, не познали лучше своего ничтожества, естьли бы не возложили всей своей довѣренности и надежды на единаго Бога? И не можно ли въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать сей грѣхъ блаженнымъ? Онъ самъ по себѣ,

и по слабости человѣческой плачевенъ и прискорбенъ, но по Благодати и по ея плодамъ блаженъ и спасителенъ. Наконецъ, грѣхъ содѣланъ; будучи единожды содѣланъ, ежели есть на то лѣкарство, то вѣрно состоитъ оно не въ унынiи и недовѣрчивости, тѣмъ меньше еще въ отчаянiи; но единственно можетъ быть въ раскаянiяхъ и соболѣзнованiяхъ. Богъ Самъ инаго не требуетъ, и человѣкъ не въ состоянiи сдѣлать другаго удовлетворенiя, какъ предлагаемаго покаянiемъ: всякое другое не поправитъ зло, но отнятiемъ надежды получитъ прощенiе, и загражденiемъ пути къ обращенiю, его умножитъ.

Спасительные совѣты.

1е. Страшись содѣловать грѣхи. А естьли уже они содѣланы то возненавидь ихъ, покорись, прибѣгни къ Богу, и будь исправнѣе.

2е Всѣ наши грѣхи бываютъ намъ тогда полезны, естьли они отнимаютъ у насъ внутреннюю гордость, пагубное самолюбiе, проклятую довѣренность къ намъ самимъ.

3е. Что принадлежитъ до грѣховъ, не должно оставлять ихъ безъ уваженiя, сiе было бы заблужденiе; ни выходить изъ терпѣнiя, сiе было бы негодованiе; ни унывать,

сїе была бы слабость; но надобно съ покорностїю прибѣгать къ Богу, сїе есть единственное убѣжище.

Предъ Богомъ то несовершенство, въ которомъ искренно унижаются, есть меньшее зло, нежели та мнимая добродѣтель, которую вкушаютъ съ удовольствїемъ, и которою питаютъ свое тщеславїе, и можетъ быть свою гордость и свое самолюбїе.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О вседневныхъ обращенїяхъ.

Нѣтъ въ жизни ни единаго дня, когда бы не было чѣмъ пожертвовать; и часто всякїй день подаетъ намъ къ тому многїе случаи. Естьли бы мы умѣли тѣмъ воспользоваться, то колико бы заслугъ могли мы себѣ прїобрѣсти? Что еще другое, сверхъ сихъ вседневныхъ пожертвованїй, потребно къ содѣланїю насъ святыми, и великими святыми?

Я намѣренъ жертвовать Тебѣ, о Боже мой! и прошу благодати Твоея жертвовать Тебѣ достойнымъ Тебя образомъ. Научи меня почерпать въ семъ изобильномъ заслугъ источникѣ. Я потому только нерадѣ исполнять сїе, что я не зналъ тому цѣны.

Статья первая.

Колико случаевъ къ заслугамъ подаешь Ты намъ, о Боже мой! Въ теченіи дня, ежеминутно предлагаешь Ты намъ сокровища, а мы ихъ теряемъ, и допускаемъ нерадѣнію нашему вырывать ихъ у насъ.

Въ обыкновенномъ теченіи жизни случается испытывать печали, носить кресты. Между сими печалями, бываютъ столь живыя, столь чувствительныя, столь мучительныя, что онѣ не приходятъ никогда въ забвеніе и наполняютъ душу безпрестанною горестію, заставляющею ее проводить всѣ дни ея жизни въ тоскѣ и прискорбности. Боже мой, естьли бы умѣли воспользоваться ими для пріобрѣтенія царствія небеснаго, и приносить ихъ Тебѣ въ жертву, по мѣрѣ какъ онѣ представляются, то какія бы благовонныя жертвоприношенія доходили ежедневно до Тебя!

Во всякомъ состояніи, всякій день надобно исполнять должности: между сими должностями находятся трудныя, безпокойныя, весьма отяготительныя. Надобно соблюсти благопристойность, взять на себя попеченія, изъявить вниманія, принять и самимъ сдѣлать посѣщенія, множество обязанностей; толикія безпокойства

и заботы. Надобно уничтожить свою волю, сопротивляться своимъ склонностямъ, часто дѣлать то, чего не хотѣлось; все сіе трудно, безпокойно, часто скучно и отяготительно: Боже мой, естьли бы все сіе для Тебя производимо было, колико бы все сіе, пожертвованное всякую минуту, могло полезно быть для вѣчности?

Въ обществѣ и житейскомъ обхожденіи случается пребывать и имѣть дѣло съ разными, и разныхъ свойствъ людьми; одни разсудительны, обходительны; а другіе несносны. Совсѣмъ тѣмъ должно жить со всѣми, и со всѣми сохранить миръ и любовь. И такъ, выполненіе сего, чего стоитъ, и чего не должно на себя принимать ежедневно? Сколько дѣлается себѣ насилія! Сколько угнѣтается чувствъ! Сколько употребляется ухищванія! Сколько дурныхъ способовъ! Однимъ словомъ, сколько пожертвованій, тѣмъ наипаче труднѣйшихъ, что они суть пожертвованія всякаго дня, и часто всей жизни!

Ты попускаешь, о Боже мой! что бы мы одни другимъ досаждали, что бы мы были взаимно нашимъ крестомъ, что бы мы другъ другу содѣловали жизнь печальную, дни тягостные; въ намѣреніяхъ Твоего провидѣнія все сіе долженствовало бы пособствовать нашей святости; а по зло-

употребленію нашему все сіе обращается въ наше мученіе и въ наше осужденіе. Одни дѣлаютъ вседневный крестъ другимъ, и всѣ споспѣшествуютъ учиниться равно нещастными и беззаконными во всѣ дни жизни, самимъ тѣмъ, что могло бы учинить ихъ святыми и блаженными.

Не выходя изъ насъ, не искавъ въ наружности случаевъ къ пожертвованію, сколько бы сыскали мы таковыхъ внутри насъ самихъ? Сколько тернія родится въ насъ ежедневно? Въ сколькихъ случаяхъ надобно бываетъ ополчаться противъ самаго тщеславія, своей вспыльчивости, своей чувствительности; *молчать когда хотѣлось бы говорить, говорить когда хотѣлось бы молчать*; отказать своимъ склонностямъ, преодолѣть свои отвращенія, управлять своимъ нравомъ, остановить свои колкія слова, подчинить свое сужденіе, однимъ словомъ, плѣнить себя, принуждать себя? Случается имѣть закоренѣлые недуги, временныя болѣзни: почто жаловаться всѣмъ и повсеминутно, даже до наскучиванія, обезпокоиванія и содѣланія себя несноснымъ самому себѣ и другимъ? Почто не обратить ихъ въ жертву Тебѣ, о Боже мой? Ты бы подалъ имъ облегченіе; въ другихъ же вмѣсто того часто находятъ они только умножающее оныя равнодушіе, и растравляющую оныя нечувствительность.

Часто случаются внутренныя безпокойствія, сокровенные кресты огорчающіе душу, личныя печали, которыхъ не возможно никому обьявить, и которыя должно заключить въ себѣ и тайно терзать ими свое сердце. О, естьли бы ихъ Тебѣ, о Боже мой! ввѣрили, Тебѣ единому ихъ препоручили, съ Тобою о нихъ бесѣдовали, то какую бы нашли въ Тебѣ помощь, и для себя какую заслугу и утѣшеніе!

Иногда находятся въ состояніяхъ унылости, тоски, отвращенія и скуки. Сами не знаютъ, что безпокоитъ, а весьма безпокоятся; сами не знаютъ, что смущаетъ и тревожитъ, а весьма смущаются и тревожатся. Вотъ, о Боже мой! точно тѣ минуты, когда надлежитъ къ Тебѣ прибѣгнуть, принести Тебѣ въ жертву свою печаль и свое состояніе, и не искавъ ни гдѣ тому причины, найти въ Тебѣ уврачеваніе. Не достаетъ ли случаевъ въ жизни и въ каждомъ дни дѣлать Тебѣ таковыя жертвы? И таковыя жертвы не споспѣшествуютъ ли къ пріобрѣтенію царствія небеснаго?

Вотъ мое состояніе, о Боже мой! вотъ мое ослѣпленіе и мое нещастіе. Всякій день имѣю я въ рукахъ сокровища, и ихъ упускаю. Толико дарованій, отъ которыхъ бы

я сторичный плодъ произвести могъ, толико шаговъ, которыми бы я къ царствію небесному приближиться могъ, толико драгоцѣнныхъ камней, которые бы я въ вѣнецъ мой помѣстить могъ: а я даю истощаться всѣмъ моимъ сокровищамъ, зарываю мои дарованія, теряю всѣ сіи случаи, лишаюсь всѣхъ сихъ вѣнцевъ; и, имѣвъ всякій день множество способовъ къ наполненію величайшихъ богатствъ, останусь при концѣ дня, при концѣ жизни, съ пустыми руками, или накопивъ только богатства гнѣва.

Воспріими, о душе моя! воспріими нынѣ достохвальное и твердое намѣреніе быть столько попечительною, сколько была ты нерадивою: ополчись бодростію противъ твоея боязливости, противъ природнаго отвращенія, противъ гласовъ твоего самолюбія: подражай симъ великимъ душамъ, которыя ревностно уловляютъ всѣ случаи къ преуспѣянію въ путяхъ Божіихъ: будь Ему впредь вѣрнѣе. Множество случаевъ къ заслугамъ оставались безъ вниманія; множество случаевъ представляются еще теперь къ поправленію всего: остается только симъ воспользоваться, и послѣдовать Благодати подающей намъ оныя.

Статья вторая.

Но сіи жертвы, дабы содѣлать ихъ достойными Бога, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ должны мы ихъ приносить? Вотъ, Боже мой, какія воспріиму я чувства, и съ какими буду я стараться Тебѣ жертвовать. Увы! скажу я самъ себѣ, всякій день содѣловаю я преступленія и грѣхи, по благодати Твоей имѣю я что нибудь къ принесенію Тебѣ за нихъ въ жертву: всякій день ниспосылаешь Ты мнѣ новыя благодати, ущедриваешь меня новыми благодѣяніями; какое же для меня щастіе, что всякій день имѣю я нѣчто Тебѣ поднести! Всякій день пекусь я столько о моемъ спокойствіи, о доставленіи себѣ тѣлесныхъ удовольствій; то не могу ли я воспользоваться симъ случаемъ учинить себѣ нѣкое насиліе, нѣкое умерщвленіе плоти? Всякій день долженствую я преуспѣвать въ путяхъ спасенія; Ты подаешь мнѣ къ тому способы: могу ли я быть столь непризнателенъ, что бы ихъ отвергать и употреблять во зло? Всякій день, въ качествѣ христіанина, надлежитъ мнѣ отрекаться отъ самаго себя, преодолѣвать себя и умереть самому себѣ.

Но наипаче, всякій день, долженъ я Тебя любить, и подавать Тебѣ нѣкій за-

логѣ моей любви. Не блаженъ ли я тѣмъ, что Ты удостоиваешь Твоего благоволенія столь слабые знаки? И не былъ ли бы я весьма неблагодаренъ, весьма виновенъ, естьли бы я отказалъ Тебѣ въ нихъ? Какія причины, и сколько причинъ! Могу ли я быть къ нимъ не чувствителенъ?

О душе моя! какую обильную жатву заслугъ Богъ Тебѣ представляетъ, будь попечительна къ собранію плода. Образуй себѣ начертаніе новаго поведенія: пріими искренное намѣреніе пользоваться впредь случаями къ пожертвованію: они будутъ встрѣчаться тебѣ ежедневно: должности, *упражненія, разговоры, дѣла, все учинится тебѣ источникомъ жертвоприношеній* и заслугъ. Содержи непремѣннымъ правиломъ, что лучше тысячу кратъ обвинить себя, нежели единожды обвинять другихъ; что легкое пожертвованіе, учиненное къ статѣ, можетъ избавить насъ отъ множества грѣховъ и огорченій; что естьли все взыскивать, то надобно будетъ ежедневно доходить до явныхъ раздоровъ; что напослѣдокъ, добровольно или противъ воли, непремѣнно должно будетъ содѣлать много пожертвованій; естьли не содѣлаемъ мы ихъ Благодати, то должно будетъ содѣлать ихъ надобности: естьли не содѣлаемъ мы ихъ Богу, то должно будетъ

содѣлать ихъ міру, то есть, имѣть весь ихъ трудъ, и лишиться всей ихъ заслуги.

Употребленія въ дѣйство.

Нѣтъ ни единаго дня, когда бы не можно было учинить какого пожертвованія, какого умерщвленія плоти. Въ столахъ можно лишать себя чего нибудь, такъ что сего и непримѣтно будетъ: въ нихъ употреблено можетъ быть много излишества.

Въ упокоеніи, можно убавить нѣсколько своего сна, столь часто чрезмѣрно продолжающагося.

Въ одеждѣ, въ нарядахъ, можно пожертвовать нѣкоторымъ украшеніемъ. Столь много дѣлано было для своего тщеславія.

Когда хотимъ на что смотрѣть, можно отвратить отъ того наши взоры.

Когда хотимъ сказать острое слово, можно отъ того воздержаться.

Когда бываемъ мы приглашены на какія веселости, можно честнымъ образомъ отговориться.

Когда скажутъ намъ какое колкое слово, можно удержать движеніе своего сердца, и обуздать языкъ свой. Когда изъявятъ къ намъ неуваженіе, неблагодарность, откажутся оказать намъ услугу, или таковою насъ упрекнутъ; сколько словъ можно тутъ поглотить!

Сколько чувствѣ заглушить! Сколько любопытствѣ остановить! Все сїе есть вещества служащїя кѣ пожертвованїю, все сїе есть случаи кѣ содѣланїю заслугѣ.

МОЛИТВА.

Я чувствую, о Боже мой! что есть-ли бы умѣли приносить неудовольствїя дня, состоянїя, вѣ жертву, то нашли бы во всякомѣ состоянїи, во всякомѣ дни свое покаянїе, свою эпитемїю, свое наказанїе. Вѣ семѣ-то буду я сѣ сего времени упражняться, и не пропускать ни единаго случая ко принесенїю всѣхѣ представившихся жертвѣ, ко вознагражденїю исправностїю моею всѣхѣ потерь, произшедшихѣ отѣ моего нерадѣнїя, кѣ содѣланїю себя впредь столь попечительнымѣ, столь внимательнымѣ, сколь былѣ я до сего равнодушнымѣ и нестарательнымѣ.

Я буду приносить сїи жертвы изѣ любви: ничто не трудно когда любятѣ; или, хотя бы не трудно было, но любовь дѣлаетѣ то, что несутѣ труды сѣ радостїю. Я буду помышлять, что вѣ самую ту минуту

какѣ приношу я какую жертву, записывается она вѣ животную книгу. Какое утѣшенїе думать, что наималѣйшее жертвоприношенїе получитѣ вѣчное награжденїе! Я буду вспоминать себѣ, что вѣ прошедшемѣ времени я столь мало для Тебя содѣлалѣ, что мнѣ остается можетѣ быть мало уже пожить, а многїя еще произвести дѣла. И такѣ, не нужно ли воспользоваться всѣми мгновенїями ока, дабы прїуготовить мнѣ себя легкими жертвоприношенїями кѣ послѣдней и важной жертвѣ? Я присоединю всѣ тѣ жертвы, какїя я только принести могу, ко страданїямѣ и жертвѣ Іисуса Христа. Вся жизнь Его была единственно безпрестанное мученїе. Я постараюсь содѣлать изѣ моей безпрестанную жертву.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬШЕСТОЕ.

О желанїяхѣ сердца.

Сердце человѣческое есть неизчерпаемый источникѣ желанїй, а желанїя суть неизчерпаемый источникѣ безпокойствѣ и смя-

тенiй. Человѣкъ составляетъ желанiя, дабы быть щастливымъ, а желанiя его содѣлываютъ частiю его нещастiе.

Я нахожу четыре неизсыхаемые потока безпокойствъ въ нашихъ желанiяхъ: ихъ множество, ихъ пространство, ихъ живость, ихъ противность. Они насъ отягощаютъ ихъ множествомъ; они приводятъ насъ въ заблужденiе ихъ пространствомъ; они восхищаютъ насъ ихъ живостiю; они терзаютъ насъ ихъ противностiю. Ослѣплѣнный человѣкъ! надлежало ли для сего составлять толико желанiй? Въ семъ ли источникѣ надлежало почерпать щастiе?

1е. *Множество желанiй:* всякая минута раждаетъ новое, послѣдующее другому, и предъ-идущее третiему. Они суть безчисленныя волны, которыя прогоняя безпрестанно одна другую, содержатъ сердце въ безпрерывномъ колѣбанiи; они суть тернiя, которыя ежеминутно кажется произрастаютъ подъ нашими стопами; они суть черви родящiяся въ душѣ, и всегда ее снѣдающiе. Какое множество желанiй составляется! Желанiй пустыхъ и безпредѣльныхъ, желанiй непостоянныхъ и невѣрныхъ, желанiй низкихъ и постыдныхъ, желанiй обманчивыхъ и странныхъ, желанiй несобыточныхъ и безразсудныхъ,

желаній грѣшныхъ и пагубныхъ. Тебѣ сіе не безъизвѣстно, о тревожущееся сердце! и можетъ быть плачевная опытность дала тебѣ сіе почувствовать больше нежели всѣ разговоры: ты составляло безчисленныя желанія; и сіи желанія, что произвели? Они тебя занимали, они тебя тревожили, они тебя смущали, а напослѣдокъ они изчезли. Вотъ все что тебѣ отъ нихъ осталось; и естьли иногда они исполнялись, то не случалось ли, по праведному суду Божію, что вмѣсто удовлетворенія тебя, учинялись они тебѣ новымъ источникомъ безпокойствъ и печалей? Ужасное наказаніе такому сердцу, которому не довлѣетъ Бога, или которое не хочетъ искать своего блаженства въ Богѣ!

2е. Пространство желаній: какъ они безчисленны, такъ и безпредѣльны: и до чего ихъ не простираютъ, когда единожды дается сердцу воля ихъ составлять? Когда честолюбивый доволенъ былъ тѣми почестями, до которыхъ онъ достигъ, естьли предстояли еще ему вышшія которыхъ онъ домогаться могъ? Когда сребролюбивый доволенъ былъ тѣми сокровищами, которыя онъ собралъ, естьли предстояли еще ему наибольшія, которыя онъ пріобрѣсти могъ? Когда сердце вступившее

единожды на стезю желаній положило имъ границы, естьли сіи желанія могли позволить себѣ еще нѣкоторое пространство? Исполненное желаніе раждаетъ новое обширнѣйшее; первый поступокъ, имѣвшій успѣхъ, прельщаетъ покуситься на вторый отважнѣйшій еще; и всегда кажется, что недовольно подвинулись, естьли можно еще нѣсколько шаговъ сдѣлать впередъ. Но, увы! какимъ спокойствіемъ можетъ наслаждаться мятущееся сердце, которое воздыхаетъ всегда о томъ, чего у него не достаетъ, или чего оно думаетъ ему не доставать; сердце вѣтренное, которое *безпрестанно гоняется за мечтою щастія* уклоняющеюся отъ него; сердце алчное, которое ни чѣмъ не насытится, и которому самое изобиліе возбуждаетъ только жажду? Бездонная пропасть гдѣ все погибаетъ, причина гдѣ все поглощается, раскаленная печь, гдѣ все сгараетъ въ одно мгновеніе! Гдѣ же то щастіе, которымъ ласкались? Желанія открыли ли путь ведущій къ нему?

3е. *Живость желаній*: какъ бы нечувствительно сердце съ природы ни было, оно скоро престаетъ таковымъ быть, естьли оно станетъ оставлять желанія. Тогда сіе сердце кажется переродится, оно со-

дѣлается живо и горячо, и что было прежде единственно холодность и ледъ, учинится скоро самый жаръ и самый огнь. Тогда надобно будетъ употребить все ко удовлетворенiю сего желанiя. Старанiя и труды до истощенiя; прошенiя до наскученiя, покорности и почитанiя до подлости. Для чего же все сiе? Для того, что стремительно желаютъ получить какую вещь. Ничто не удивитъ, ничто не удержитъ жаркое желанiе въ его стремленiи. Не случается ли такъ же что препятствiя токмо вящше его раздражаютъ? Подобно быстрой рѣкѣ, оно сопротивляется оплоту, и содѣловается чрезъ то сильнѣе. Естьли же такой человѣкъ не взирая на его старанiя и усиливанiя; не получаетъ желаемаго, то сердце его предается тогда во власть всему тому, что смятенiе и тревога горчайшаго въ себѣ имѣютъ. Всѣ страсти соберутъ въ сiе сердце, или для наказанiя, или для раздраженiя сего желанiя. Зависть будетъ его снѣдать; ревность будетъ его сокрушать; ненависть будетъ его подстрѣкать, ужасная задумчивость ввергнетъ его въ печальные свои припадки. Сколь мы слѣпы и нещастны! Мы завидуемъ одинъ другому въ щастiи; и неумѣренными нашими желанiями; мы причиняемъ себѣ больше зла,

нежели величайшіе враги наши могли бы намъ его пожелать.

4е. Нещастіе еще не совсѣмъ совершилось: противность желаній. И какъ возможно многочисленнымъ желаніямъ, и о столь противныхъ одно другому предметахъ, согласиться между собою, не сражаться и не истребляться взаимно? И тогда что другое произойдетъ, какъ не то, что сердце предастся мученію всей свирѣпости и всего сопротивленія своихъ желаніи? Одно побуждаетъ, а другое останавливаетъ, одно ободряетъ, а другое устрашаетъ. Сіе подобно будетъ *Вавилонской башнѣ, гдѣ всякой говоритъ, и никто не понимаетъ*, пагубному полю войны, гдѣ войска противныхъ между собою желаній ведутъ внутреннюю брань, и вступаютъ въ ужаснѣйшія сраженія. Скажемъ лучше, сердце человѣческое учинится тогда плачевнымъ изображеніемъ ада и душъ въ него осужденныхъ; оно будетъ, какъ и оні, тщетно составлять противоположныя хотѣнія, желая безпрестанно имѣть такія блага, которыми оно никогда пользоваться не будетъ, и избѣжать такихъ золъ, которыми оно вѣчно угнѣтено будетъ.

Таковое, и плачевнѣе еще, есть состояніе сердца преданнаго неутолимой свирѣпости его желаній. Оно имѣетъ ве-

ликое сходство съ моремъ, подверженнымъ жестокости возставшихъ противъ его вѣтровъ: тамъ видно безчисленное множество безпрестанно поднимающихся и одни за другими слѣдующихъ волнъ; вотъ величайшее количество желаній. Тамъ видны страшныя, преступающія предѣлы бреговъ, и занимающія всю обширность моря волны; вотъ пространство желаній. Тамъ видны съ смятеніемъ и яростію возвышающіяся и непрерывно съ новою свирѣпостію ревущія волны; вотъ живость желаній. Тамъ, наконецъ, видны противными движеніями колеблемыя, и непрестаннымъ приливомъ и отливомъ поднимающіяся, однѣ другихъ попирающія и разбивающія волны; вотъ противность желаній. Какъ въ семъ обуреваемомъ морѣ, покрывающая его темнота облаковъ, поднимающіяся волны, громовый трескъ, совсѣхъ странъ блистаніе молній, наносятъ повсюду страхъ, и представляютъ взору единый видъ ужасный и близкой смерти; такъ и въ сердцѣ востревоженномъ желаніями, находятся только мраки, смятенія, боязни при видѣ терзающихъ его раскаяній, которыя, подобно молніи и грому, возвѣщаютъ гнѣвъ Бога мщеній.

Ты единъ, о Боже мой! можешь усмирить сіе свирѣпѣющее море, сіе трево-

жимое сердце. Возобнови въ пользу нашу то чудо, которое явилъ Ты для Апостоловъ; *запрети вѣтромъ и морю* (а). Укроти, уничтожи сіи земныя и свѣтскія желанія, да явятся и воцарятся въ душѣ нашей удовольствіе и спокойствіе, *и бысть тишина велія.*

Размышленіе о томъ же.

Всѣ наши желанія, о Боже мой! долженствовали бы стремиться къ Тебѣ; и мы бы нашли ихъ исполненіе, и наше блаженство; но, *удаляясь отъ Тебя*, они обращаются *противъ насъ самихъ*, дабы содѣловать наше мученіе. Наши желанія учиняютъ насъ нещастными, и въ то же самое время и преступниками. Излей Твой Свѣтъ на меня! о Святый Боже! дай мнѣ познать то пагубное заблужденіе, въ которомъ ввергаютъ насъ наши желанія, и ту злополучную мету, до которой они насъ довести могутъ.

Статья первая.

Наши желанія учиняютъ насъ нещастными.

(а) Матѳ. 8.

Всякой человѣкъ желаетъ быть щастливъ: сіе желаніе родилось съ нимъ вмѣстѣ; природа какъ будто начертала сіе въ его сердцѣ: онъ вездѣ ищетъ сего щастія, онъ безпрестанно по немъ вздыхаетъ. Несмысленный! онъ не ищетъ его тамъ, гдѣ оно есть; но тамъ, гдѣ оно никогда не будетъ. Такимъ образомъ предавшись заблужденію своихъ исканій и своихъ желаній, онъ содѣлывается нещастливымъ чрезъ то самое, гдѣ уповалъ онъ найти свое щастіе.

Естьли что нещастнѣе сердца преданнаго во власть множеству отягощающихъ его желаній, пространству приводящихъ его въ заблужденіе желаній, живости восхищающихъ его желаній, противности терзающихъ его желаній, однимъ словомъ, насилію господствующихъ надъ нимъ, и мучащихъ его желаній? Можетъ ли онъ когда наслаждаться едину минуту спокойствіемъ? Познаетъ ли онъ когда что такое тишина? На что сему сердцу другій врагъ, другій мучитель кромѣ его самаго? Такое состояніе есть неизчерпаемый источникъ сокрушающихъ печалей, проклятая Богомъ земля, обиталище мраковъ и замѣшательства, преждевременный адъ. Таково, и нещастнѣе еще, есть сердце

мятущееся и снѣдаемое ненасытною алчностію своихъ желаній.

Увы! колико сожалѣнія достоинъ человѣкъ предавшійся такимъ образомъ неумѣренности своихъ желаній! Пойметъ ли онъ когда, что всѣ составленныя въ сердцѣ его непозволительныя желанія суть враги вооружаемые имъ противъ его спокойствія, что желанія его суть въ немъ пагубный источникъ смятеній? Что сильное желаніе превращается въ страсть? Что страсть содѣлываетъ мученіе? И кто бывалъ когда щастливъ подъ господствованіемъ мучителя?

Ты такъ повелѣлъ, *о Боже мой!* и изреченіе *Твоего правосудія* и *Твоего* мщенія исполняется ежедневно. Всякой человѣкъ предавшій сердце свое необузданнымъ своимъ желаніямъ, найдетъ въ самыхъ своихъ желаніяхъ свое наказаніе и мученіе.

О душе моя! почто такъ поспѣшно шествовать по пути твоихъ заблужденій, который содѣлается для тебя путемъ усыпаннымъ терніемъ и ограниченнымъ безднами и пропастями? Иди по стези спокойствія; возложи узду на твои желанія. Колико-кратно, о Боже святый! о Боже праведный! воздыхалъ я подъ владычествомъ моихъ желаній? Ахъ! сколь я заслу-

живалъ причиняемыя мнѣ ими мученія, и угрызенія совѣсти!

Статья вторая.

Наши желанія учиняютъ насъ преступниками и виновными.

Потому что они сводятъ насъ съ путей Провидѣнія. Сердце предавшееся своимъ желаніямъ хочетъ содѣлаться, такъ сказать, повелителемъ своего жребія, опредѣлить себѣ путь, не покоряться нѣкоторымъ образомъ опредѣленіямъ и власти своего Бога.

Потому что безпорядочныя желанія происходятъ единственно отъ нашихъ страстей еще безпорядочнѣйшихъ; какъ на примѣръ, отъ страсти гордости и честолюбія; отъ страсти скупости и презрительнаго корыстолюбія; отъ страсти зависти и ревности; отъ страсти мщенія и ненависти; отъ страсти роскоши и сластолюбія: вотъ обыкновенный источникъ, откуда проистекаетъ толико виновныхъ предпріятій, а чрезъ то самое толико волнъ огорченія.

Потому что сіи желанія стремятся только къ опаснымъ и пагубнымъ для спасенія предметамъ. Чего обыкновенно желаютъ? Къ чему другому наклоняется серд-

це предавшееся власти и развратности своихъ чувствъ и желаній, какъ не къ запрещеннымъ и ядовитымъ предметамъ, которыми оно всегда наполнено, и заражается?

Потому что сіи желанія занимаютъ всю душу, и препятствуютъ ей упражняться въ стараніи о своемъ спасеніи, и въ помышленіи о вѣчности.

Потому что сіи желанія бываютъ тогда обыкновенно неправедныя, нецстовыя, постыдныя, и тѣмъ самымъ желанія виновныя, беззаконныя, противныя порядку, уставу, волѣ, провидѣнію Божію. Какія беззаконія! Какіе источники беззаконія! Какая бездна согрѣшеній и пороковъ! Увы! нѣкогда, какій источникъ мщенія и наказанія!

Боже мой!... я молю Тебя съ Пророкомъ: *не предаждь мене Господи отъ желанія моего грѣшнику* (а). Не предай меня неумѣренности моихъ желаній. Утверди мое сердце, которое сотворено единственно для Тебя, и которое внѣ Тебя ничего инаго не обрящетъ, кромѣ полости, ничтожества, печали, огорченія. Блаженно оно еще, естьли сіи спасительныя огор-

(а) Псал. 139.

ченія возвратять его къ Тебѣ, и прикрѣпять его къ Тебѣ навсегда!

Заключеніе.

Итакъ станемъ имѣть впредь единое токмо желаніе, желаніе искреннее принадлежать Богу, служить Господу, содѣловаться святыми и стараться о спасеніи. Да займетъ сіе желаніе нашу душу, да наполнитъ оно наше сердце, и посвятитъ всѣ наши чувства.

Не будемъ болѣе гоняться за мечтами сего свѣта, за привидѣніями почестей, забавъ, гиблющихъ благъ. Довольно долго они насъ занимали, тревожили, приводили въ заблужденіе, причиняли наши согрѣшенія и мученія. Вступимъ на пути мира и спокойствія, вступая на таковые правоты и святости.

Станемъ желать съ жаромъ, и желать единственно того, что можетъ учинить насъ блаженными, содѣловая насъ святыми.

Положимъ тутъ предѣлы нашимъ предпріятіямъ, остановимъ на семъ наши желанія и наши требованія.

Станемъ часто говорить Господу со Пророкомъ: *едино просихъ отъ Господа то взыщу, еже жити ми въ дому Гос-*

подаи вся дни живота моего (а). По истинѣ, Боже мой, я того только желаю на земли, того только прошу въ семъ свѣтѣ, что бы Тебя любить, Тебѣ служить, и себя спасти. *Что бо ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣлъ на земли* (б)? Внѣ Тебя и безъ Тебя, что возможетъ земля, что возможетъ самое небо представить сердцу моему вождѣленнаго, утѣшительнаго и важнаго?

Я гонялся за мечтами сего гиблющаго свѣта, я ихъ желалъ и имѣлъ, я усмотрѣлъ, что во всемъ нѣтъ ничего болѣе, какъ заблужденіе и суета, *и се вся суета* (в); что не чего желать, не о чѣмъ домогаться на земли: мучатся, изнуряются желаніями, предпріятіями; но при концѣ своего теченія что находятъ другое, кромѣ раскаянія, стыда на челѣ, угрызенія совѣсти въ сердцѣ, желчи и отчаянія во глубинѣ души.

Пускай другіе составляютъ безконечныя желанія, и гоняются за суетными ихъ предпріятіями; они познаютъ скоро всю мечту, всю опасность и все нещастіе;

(а) Псал. 26.
(б) Псал. 72.
(в) Еклес. 2.

а я желаю только прилѣпиться къ единому Богу, *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть* (а): я безмѣрно испыталъ суету всякаго другаго желанія; пора ужѐ прикрѣпить сердце мое къ единственному предмету, для котораго оно сотворено, отъ котораго не долженствовало оно никогда удаляться, и отъ котораго удалилось оно къ своему только нещастію.

МОЛИТВА.

О блаженное, о Боже мой! тысящекратно блаженное сердце, которое, кромѣ Тебя, ничего не желаетъ, ничего не ищетъ, ни къ чему не прилѣпляется, которое умѣетъ ограничивать свои желанія своими должностями, препоручать свой жребій въ верховную Твою волю! Оно будетъ наслаждаться пріятностями мира; спокойствіе будетъ его участь; тишина воцарится въ его чувствахъ. Вотъ блаженное состояніе и святое расположеніе, по которомъ я воздыхаю; отъ

(а) Псал. 72.

Тебя единаго, о Боже мой! могу я его ожидать. Не отвергни моленія сердца стенящаго о томъ, что прилѣплялося оно къ другимъ вещамъ, а не къ Тебѣ, и пришедшаго, послѣ всѣхъ своихъ заблужденій, воздать Тебѣ Богопочитаніе, и признаться, что нѣтъ нигдѣ истиннаго блаженства, какъ въ Тебѣ. Не довлѣешь ли Ты моему сердцу, и кромѣ Тебя чего желать въ семъ мірѣ?

Употребленія въ дѣйство.

1е. Имѣть неусыпное надзираніе надъ желаніями и движеніями своего сердца.

2е. Какъ скоро примѣчено будетъ какое раждающееся желаніе, противное заповѣдямъ Божіимъ, тотчасъ его истреблять.

3е. Желать малаго, и сіе малое желать не много.

4е. Часто просить у Бога прощенія въ грѣшныхъ желаніяхъ, и молить Его о произведеніи въ насъ святѣйшихъ и спасительнѣйшихъ желаній.

5е. Часто возносить сердце и желанія къ небу, единственному средоточію нашего спокойствія, единственной метѣ нашего блаженства.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬСЕДМОЕ.

О страхѣ Божіи.

Апостолъ языковъ, обЪятый внутренно страхомъ, извѣщаетъ всѣмъ содѣловать наше спасеніе въ страхѣ и трепетѣ, *творяще святыню въ страсѣ Божіи* (а). Сей сосудъ избранный, сіе чудо Благодати, сей образецъ Апостольства, сей человѣкъ восхищенный до третіяго небеси, видившій съ удивленіемъ и трепетомъ величія, правоту суда Божія, яко бы испускаетъ изъ своего сердца чувства ужаса и страха, дабы преисполнить оными и насъ грѣшниковъ, увѣряя, что естьли имѣемъ мы искренное желаніе спастися, то въ страхѣ и трепетѣ долженствуемъ мы содѣловать наше спасеніе.

Мы должны любить Бога, и въ самое то же время Его и бояться. Мы должны Его любить, для того, что Онъ безконечно благъ и милосердъ въ Своей благости: но мы должны Его бояться, для того что Онъ правосуденъ и безконенно страшенъ въ Своемъ правосудіи.

Въ начальныхъ намѣреніяхъ Богъ хотѣлъ только быть любимъ: но естьли

(а) 2. Коринѳ. 7.

Его не любятъ, то принуждены будутъ Его бояться. Естьли Его любятъ, то вступаютъ въ чреду милосердія, представляющаго и обѣщающаго единственно воздаянія; но естьли изъ нее выходятъ, то принуждены бываютъ вступить въ чреду правосудія, вперяющаго страхъ, и возвѣщающаго наказанія.

Страхъ Божій можно раздѣлить на три рода. Страхъ ложный, страхъ совершенный, и страхъ не столько совершенный. Страхъ ложный, недостаточный, виновный; онъ взираетъ только на наказаніе грѣха, а оставляетъ существующую склонность ко грѣху: онъ останавливаетъ руку, а не сердце. Сіе-то называется рабскимъ страхомъ, приличествующихъ только рабамъ и недостойнымъ наемникамъ.

Страхъ совершенный; онъ убѣгаетъ грѣха потому единственно, что онъ противенъ всеблагому Богу; такъ что, хотя бы и никакого наказанія не боялись, то и тогда гнушалися всякимъ преступленіемъ и грѣхомъ, для того только, что онъ прогнѣвляетъ Бога и оскорбляетъ Его сердце. Сіе-то называется дѣтскимъ страхомъ, страхомъ достойнаго сына, не хотящаго ни чѣмъ прогнѣвлять нѣжнаго своего отца, котораго онъ любитъ.

Страхъ не столько совершенный; онъ находится яко бы въ срединѣ между тѣми обѣими; онъ удаляетъ отъ грѣха, потому что онъ заслуживаетъ и привлекаетъ наказаніе, и что онъ содѣлываетъ виновными и достойными ада и его мученій. Сей страхъ добръ и спасителенъ, и онъ отводитъ отъ грѣха и вмѣстѣ отъ существующей склонности ко грѣху; онъ располагаетъ къ любви Бога, яко Творца всякаго правосудія: но сей страхъ не столько совершенъ, поелику онъ имѣетъ въ виду угрожающее человѣка наказаніе, больше нежели благость прогнѣвляемаго Бога.

О семъ-то, или о сихъ послѣднихъ страхахъ вообще, увѣщавая боятися Господа, сказано: *Бога бойся* (а). Бога бойся! что еще болѣе потребно ко обязанію насъ къ тому, какъ разсмотрѣніе величія Его существа и Его совершенствъ, по истинѣ любезныхъ, но въ то же время Божественныхъ и страшныхъ?

Надлежитъ боятися неумолимаго правосудія Божія; Богъ не терпя грѣха, употребляетъ противъ его столь жестокія мщенія, поражаетъ его столь страшными

(а) Еклес. 12.

проклятіями, осуждаетъ его на столь ужасныя отчаянныя наказанія, ада уготованнаго въ хранилищахъ гнѣва Божія; глубокихъ пропастей, отверстыхъ подъ стопами грѣшниковъ; жаркаго пламя, пожирающаго ихъ навсегда; потоковъ горести и желчи напаяющихъ ихъ безпрестанно; вѣчности преисполненной слезами, стенаніями, бѣшенствомъ, свирѣпствомъ, и отчаяніемъ, которыя будутъ безконечно ихъ участію: какія причины къ ужасу! О праведный Боже! о отмщающій Боже! О Царю языковъ! Кто изъ людей не будетъ Тебя боятися?

Надлежитъ боятися неизмѣняемой Святости Божіей; Богъ ненавидитъ и обвиняетъ всякій грѣхъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, всякую тѣнь грѣха, съ какой бы стороны она ни могла быть и казаться Его очамъ. Святости Божіей столь чистой, столь неизмѣняемой, что находитъ она пятна въ звѣздахъ, то есть, въ чистѣйшихъ душахъ: самые Ангелы, сіи небесныя разумныя существа, не суть чисты предъ Его очами. Святости высочайше-просвѣщенной, которая испытуетъ сердце, проникаетъ сокровеннѣйшія мысли, вѣситъ всѣ наши дѣянія на вѣсахъ святилища, находитъ въ самыхъ нашихъ добродѣтеляхъ множество несовершенствъ и недо-

статковъ, имѣющихъ непремѣнно судимы быть. Святости Божіей, Которая всегда естественно противоположна грѣху, всегда ополчена противъ грѣха, которая имѣетъ неукротимую и вѣчную ненависть не только противъ всего того, что есть грѣхъ, но и противъ всего того, что только можетъ имѣть тѣнь и малѣйшій видъ грѣха. Какая причина страха для человѣка грѣшника!

Надлежитъ боятися ужаснаго могущества Божія, которое всякое мгновеніе насъ погубить и уничтожить можетъ; которое содержитъ насъ всегда подобно какъ на перевѣсѣ между двумя различными вѣчностями; которое въ самую ту минуту, какъ мы согрѣшаемъ, можетъ поразить насъ своимъ громовымъ ударомъ, разверзти земныя пропасти подъ нашими ногами, ввергнуть насъ на вѣки въ адскія бездны, осудить насъ на нещастную вѣчность; которое можетъ воздвигнуть, вооружить противъ насъ всѣ твари, повелѣть смерти пресѣчь нашу жизнь, воздуху насъ задушить, землѣ насъ поглотить, вѣчности погрузить насъ въ свое нѣдро и въ свои ужасы.

Что скажемъ еще болѣе? Надлежитъ боятися Бога, Онъ во всѣ времена являлъ столь страшныя дѣйствія Своихъ мщеній;

Онъ растворилъ небесныя хляби для потопленія почти всего человѣческаго рода; Онъ ниспославъ съ неба огнь на Содомъ; Онъ отверзъ земное нѣдро для поглощенія Даѳана и Авирона; Онъ покрылъ язвами возмущенный Египетъ; Онъ далъ мечь въ руку Ангела истребителя для пораженія смертію перворoдныхъ всякаго сѣмейства; Онъ призвалъ ко исполненію Своихъ мщеній наказанія своего гнѣва, войну, моръ, гладъ, всѣ бѣдствія и всѣ нещастія, однимъ словомъ, Онъ содержитъ въ рукѣ Своей ключи смерти и ада. Боже Всемогущій! Боже Святый! Боже отмщевающій! Кто не убоится, будучи безпрестанно подъ свѣтлостію очей Твоихъ, и подъ могуществомъ руки Твоея?

Чувство страха есть спасительно: оно наполняло всѣхъ Святыхъ въ продолженіи смертной ихъ жизни; оно вело отшельниковъ въ пустыни; оно подкрѣпляло и одушевляло мучениковъ на мѣстѣ мученій; оно заставляло воздыхать и трепетать всѣхъ праведниковъ; его заповѣдалъ Самъ Інсусъ Христосъ Апостоломъ Своимъ: ученики Мои, говорилъ Онъ имъ, вы бойтесь на земли людей; вы бойтесь тѣхъ, которые дѣлаютъ вамъ гоненіе, васъ ненавидятъ, могутъ васъ мучить, лишить васъ жизни. Они, будучи люди смертные,

какъ и вы, что могутъ вамъ сдѣлать? Я покажу вамъ кого вы страшиться должны: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ Геенне* (а). Страшитесь, ахъ! страшитесь Того, Кто повергши тѣло ваше во гробъ, можетъ еще низвергнуть душу вашу во глубину ада. Я вамъ по истинѣ говорю, вотъ единственно Тотъ, кого вы въ семъ и будущемъ свѣтѣ страшиться должны. Все прочее вредно вамъ только на нѣкоторое время: а Онъ единъ можетъ продолжать мщенія свои и въ вѣчности. Спасительное ученіе! Да будетъ оно на вѣкъ начертано на сердцахъ нашихъ!

Размышленіе о томъ же.

Пріидите чада, сказала Премудрость, *послушайте мене, страху Господню научу васъ* (б). Міръ научитъ васъ предаваться разсѣянности, забавамъ, увеселеніямъ, суетнымъ радостямъ жизни; а я

(а) Матѳ. 10.
(б) Псал. 33.

научу васъ истинной наукѣ святыхъ, страху Божiю.

Впечатлѣй прежде въ душѣ моей сей спасительный страхъ, о Боже мой! Какую причину имѣю я лично и частно Тебя страшиться и трепетать предъ Тобою? Будучи покрытъ толикими грѣхами, какъ я дерзну явиться очамъ Твоимъ и снести взоры Твои? *Противу лица мраза Его кто постоитъ* (а)?

Статья первая.

Мнѣ должно страшиться строгости суда Твоего. Сколь онъ будетъ праведенъ! Сколь онъ будетъ ужасенъ! Самые Святые его боялись, трепетали; всякiй содрогнется отъ единаго приближенiя сего страшнаго дня. Каковы же долженствуютъ быть мои чувства, меня виновнаго и грѣшнаго предъ очами Твоими?

Мнѣ должно страшиться господствующихъ во мнѣ премногихъ недостатковъ, слабостей, и развратностей, которыя ежедневно столь сильно на меня нападаютъ; сей склонности столь естественной ко злу; сего пагубнаго грѣховнаго поврежденiя; сихъ нещастныхъ стра-

(а) Псал. 147.

стей, которыхъ не совсѣмъ погашенный огнь можетъ всякую минуту возжигаться.

Мнѣ должно наипаче страшиться моихъ грѣховъ: въ семъ состоитъ великая причина моихъ страховъ и тревогъ. Я имѣлъ нещастіе согрѣшить и Тебя прогнѣвать, о Боже мой! Оставлены ли мнѣ грѣхи мои? Почему могу я надѣяться, что они мнѣ прощены? Обвинилъ ли я ихъ во всемъ ихъ пространствѣ? Оплакалъ ли я ихъ съ искреннимъ соболѣзнованіемъ? Загладилъ ли я ихъ истиннымъ покаяніемъ? Не пребываютъ ли они еще въ моемъ сердцѣ и предъ Твоими очами? Кому извѣстно, любви или ненависти оно достойно? И хотя бы грѣхи мои мнѣ оставлены были, премудрый не говоритъ ли мнѣ что надобно страшиться и тѣхъ самихъ грѣховъ, которые ужѐ прощены? *Не рцы: согрѣшихъ, и кто ми бысть; Господь бо есть долготерпѣливъ. О очищеніи безъ страха не буди, прилагати грѣхи на грѣхи* (а). И хотя бы я увѣренъ былъ, что нахожусь я теперь въ состояніи благодати, но увѣренъ ли я, что ее сохраню? Во сколько грѣховъ могу я еще впасть! Сколько

(а) Сирах. 5.

случаевъ къ подверженію моего спасенія новымъ опасностямъ!

Мнѣ должно страшиться искушеній діавола, который, какъ рыкающій левъ, безпрестанно ищетъ добычи поглотить ее. Мнѣ должно страшиться соблазна міра, который представляетъ столько предметовъ къ развращенію и погибели душъ. Увы! мы всегда шествуемъ по краю пропастей: мы живемъ въ семъ мірѣ подобно какъ на волнующемся морѣ, всегда подвержены нѣкоему нещастному кораблекрушенію. Всякая минута времени угрожаетъ опасностію вѣчность.

Мнѣ должно страшиться и самыхъ моихъ хорошихъ дѣяній и добродѣтелей, естьли я нѣкую изъ таковыхъ имѣю. Духъ Святый извѣщаетъ мнѣ, что есть прямый и надежный путь, котораго конецъ ведетъ однако же къ смерти. Мысль устрашающая и самихъ праведныхъ! Потому что праведные боятся не только своихъ грѣховъ, но и своихъ добрыхъ дѣлъ. *Како бо человѣкъ праведенъ у Господа* (а)? Сказалъ Іовъ, и я скажу съ нимъ: я трепещу при всякомъ моемъ дѣяніи. Можетъ быть самолюбіе, тщеславіе, человѣко-угод-

(а) Іов. 9.

ность имѣютъ вліяніе на мои дѣла, и заражаютъ ихъ пагубнымъ своимъ ядомъ.

Мнѣ должно страшиться въ разсужденіи самихъ Твоихъ благодатей; по истинѣ, самихъ Твоихъ благодатей, о Боже мой! страшиться, что я мало ими пользуюсь: страшиться, что я ихъ может быть во зло употреблялъ: страшиться ужаснаго за нихъ отвѣта: страшиться жестокихъ за нихъ мщеній: страшиться вѣчныхъ раскаяній, которыми я нѣкогда терзаться буду: страшиться даже лишенія съ сего времени Твоихъ благодатей, въ наказаніе за худое ихъ употребленіе.

Колико причинъ, о душе моя! страшитися безпрестанно, паче всего Господа *Бога бойся, и заповѣди Его храни* (а): такъ совѣтуетъ премудрый. О душе моя! бойся Бога, и соблюдай Его заповѣди: *яко того всякъ человѣкъ.* Проси Его начертать въ тебѣ чувства сего страха. Увы! боятися свѣта, боятися свѣтскихъ осужденій, боятися печальныхъ приключеній, нещастій жизни. Да боимся Господа, да боимся Его единаго; все прочее долженствуетъ весьма мало трогать христіан-

(а) Еклес. 12.

скую душу, а особливо естьли она по нещастію прогнѣвала своего Бога и своего Судію, *Бога бойся.*

Статья вторая.

Сей страхъ, по истинѣ, съ одной стороны ужасенъ, но съ другой будетъ онъ мнѣ спасителенъ и полезенъ. О! естьли бы сей страхъ былъ глубоко во мнѣ начертанъ, какіе бы плоды спасенія произрастилъ онъ въ моемъ сердцѣ? Сколькихъ бы грѣховъ заставилъ онъ меня избѣжать, сколько бы добродѣтелей далъ онъ мнѣ произвести въ дѣйство? *И съ какимъ же совершенствомъ? Отъ сколькихъ* бы случаевъ, отъ сколькихъ бы опасностей онъ меня отвлекъ! Какую бы бдительность вдохнулъ онъ въ меня о мнѣ самомъ, о тѣлесныхъ и сердечныхъ моихъ чувствахъ, и начальныхъ причинахъ всѣхъ моихъ дѣяній? Какая бы осторожность въ моихъ разговорахъ! Какое бы вниманіе о всѣхъ моихъ поступкахъ и о всемъ моемъ поведеніи! Съ какимъ бы жаромъ заставлялъ онъ меня прибѣгать къ молитвѣ?

Колико-кратно сей страхъ остановилъ бы меня, когда я могъ заблуждаться?

Колико-кратно обуздалъ бы онъ осторожностію языкъ мой? Колико-кратно сохранилъ бы онъ меня отъ нападеній самолюбія, отъ соблазновъ міра, отъ искушеній діавола?

Ко всѣмъ симъ величайшимъ пользамъ, что еще присовокупить? Наивеличайшее благо, какое мы только въ семъ свѣтѣ пожелать и имѣть можемъ, есть благодать Божія, ко пріобрѣтенію же, сохраненію и умноженію ее, нѣтъ столь дѣйствительнаго и столь надежнаго средства, какъ страхъ Божій.

Наконецъ, Исаія Пророкъ полагаетъ страхъ Божій въ числѣ изящнѣйшихъ даровъ Святаго Духа: *Духъ страха Божія* (а). Въ немъ находится начало истинной премудрости: *начало премудрости боятися Господа* (б). Какъ толикихъ протающихъ гласовъ я не внемлю, о Боже мой! Какъ не возбуждаютъ и не начертываютъ они всегда на моемъ сердцѣ чувствъ сего спасительнаго страха, который бывши сперва началомъ премудрости, усовершенствуясь Твоею любовію, содѣлается

(а) Исаіи. 11.
(б) Сирах. 1.

ся исполненіемъ: *и совершеніе страха Господня премудрость* (а).

МОЛИТВА.

О, Господи! съ кающимся Пророкомъ вопію Тебѣ, вонзи спасительный страхъ Твой не токмо въ сердце мое, но и въ плоть и кости моя: *пригвозди страху Твоему плоти моя* (б). Я трепещу, о Боже мой! воображая себѣ страшный судъ Твой: *отъ судебъ бо Твоихъ убояхся.* Пораженный симъ живымъ страхомъ, *ношу я его вездѣ со мною;* омыю слезами ложе мое; омочу слезами хлѣбъ мой: чувства мои мятутся, воспоминая согрѣшенія моя; духъ мой тревожится, помышляя о гнѣвѣ Твоемъ. Во дни хожу я съ печалію; въ ночи испускаю я гласъ моихъ стенаній. Причина моего страха и моея прискорбности всегда предъ очами моими. Отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ. Увы! аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ? Господи, Боже правосудія, Боже

(а) Сирах. 21.
(б) Псал. 118.

мщенія, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, поелику ни единъ человѣкъ предъ Тобою оправдатися не можетъ. Яви великія милосердія Твои надъ множествомъ грѣховъ нашихъ; покажи величие Твое въ прощаніи, въ спасеніи того, что бы Ты на вѣки погубить могъ.

Наконецъ, я знаю, о Боже мой! что сему страху не безмѣрному быть надлежитъ; онъ не долженствуетъ отнимать у меня ни моей довѣренности, ни Твоей любви. Мнѣ надобно въ святомъ служеніи Твоемъ совокупить одно съ другимъ, страхъ съ довѣренностію. Страхъ остановитъ гордость, до которой неумѣренная довѣренность довести бы меня могла. Довѣренность удалитъ малодушіе, которое намѣренный страхъ содѣлать бы во мнѣ могъ. И то и другое отвлекутъ меня отъ крайностей, и удержатъ меня въ настоящихъ предѣлахъ полагаемыхъ истинною премудростію. Паче всего буду я страшиться Тебя прогнѣвать, и инаго страха въ мірѣ семъ имѣть не буду. Естьли я по нещастію,

Тебя раздражилъ, то пріиду броситься съ довѣренностію въ Твои объятія. Ты не хочешь смерти и погибели грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Обрати меня, спаси меня, и симъ полезнымъ страхомъ доведи меня до любви совершенныя.

Употребленія въ дѣйство.

1е. По часту буду я молить Бога о спасительномъ страхѣ суда Его.

2е. По часту буду я воспоминать о ужасномъ наказаніи грѣшниковъ: что больше въ состояніи заставить меня трепетать о самомъ себѣ?

3е. Я буду думать ежеминутно быть въ опасности впасть въ руки Бога живаго и отмщающаго.

4е. Я одушевлю чувства сего живаго страха таковыми дѣтской любви. Богъ мой Судія, но Богъ мой и Отецъ.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬОСЬМОЕ.

О сообразности волѣ Божіей.

Сообразность волѣ Божіей состоитъ въ сихъ трехъ должностяхъ, налагаемыхъ ею

на насъ: хотѣть того, что Богъ хочетъ, какъ Богъ хочетъ, для того Богъ хочетъ; вотъ истинная сообразность. Что Богъ хочетъ: вотъ предметъ; какъ Богъ хочетъ: вотъ правило; для того что Богъ хочетъ: вотъ причина.

Какъ бы человѣкъ блаженъ былъ, о Боже мой! Какъ бы онъ святъ былъ, естьли бы онъ согласно съ симъ сообразовался Божественной Твоей волѣ! Но было бы сіе яко бы вступленіе, въ сей еще жизни, въ блаженное состояніе избранныхъ, которыхъ все упражненіе состоитъ во исполненіи Святой Твоей воли на небеси?

1[е]. Хотѣть того, что Богъ хочетъ, есть первый шагъ долженствующій сдѣланъ быть въ путяхъ святой сообразности. И что справедливѣе, благоразумнѣе, нужнѣе сего? Воля Божія есть всегда правая; а наша часто ослѣпленная, часто безпорядочная, всегда ограниченная, невѣрная и колеблющаяся, способная привести насъ въ соблазнъ и заблужденіе. Не щастливы ли мы тѣмъ, что имѣемъ надежное и необманчивое правило, которому мы можемъ слѣдовать, не опасаясь ошибиться и подвергнуться заблужденію? Богъ не можетъ другаго желать кромѣ добра; намъ остается только препоручить себя Его

руководству, не сомнѣваюсь, что Онъ непремѣнно доведетъ насъ до пристанища.

Хотѣть того, что Богъ хочетъ, и всего того, что Богъ хочетъ безъ изъятія. Какъ въ вѣрѣ, надлежитъ вѣрить всѣмъ ея членамъ, и естьли единъ изъ нихъ исключится, то вѣра нарушается; такъ и въ сообразности, надобно сообразоваться во всѣхъ предметахъ, и естьли на единъ изъ нихъ не согласимся, то вся заслуга сообразности уничтожается. Что можемъ и должны мы Тебѣ отказать, а себѣ предоставить, о Боже мой? Ко *благу ли, или къ нещастію нашему сіе бы намъ послужило?*

И такъ человѣкъ положась во всемъ на Бога, будетъ во всемъ сообразоваться Его волѣ; въ какомъ бы состояніи, въ какомъ бы случаѣ, въ какомъ бы обстоятельствѣ онъ ни былъ, найдетъ онъ въ сообразности своей правило въ его поведеніи, убѣжище въ его противоборствіяхъ, утѣшеніе въ его прискорбностяхъ. Естьли послѣ постояннаго благополучія, когда все шло по его желаніямъ, придетъ онъ въ плачевное состояніе, когда всѣ нещастія съ нимъ приключатся, онъ воскликнетъ съ Іовомъ: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злаго не стерпимъ*

ли (а)? Естьли какая превратность щастія лишитъ его имуществъ, доведетъ его до недостатковъ и бѣдности, онъ скажетъ такъ же съ Іовомъ: *Господь даде, и Господь взя; буди Имя Господне благословенно во вѣки* (б). И дабы представить себѣ совершеннѣе еще образецъ, въ какомъ бы состояніи онъ ни находился, онъ обратитъ взоръ свой на Божественнаго своего Учителя, и оживотворясь Его примѣромъ, и подкрѣпясь Его благодатію, возопіетъ онъ: *но паче не моя воля, но Твоя да будетъ* (в).

Можетъ быть иногда услышится гласъ природы, просящей да мимоидетъ чаша: но гласъ Благодати заглушитъ скоро таковый природы, и сообразность совсѣмъ Божественная возметъ верьхъ надъ плотскою чувствительностію. Рази, наказавай, о Боже мой! Слѣдуй Святости Твоихъ намѣреній, не внемли слабости моихъ отвращеній. Колико сіи чувства Тебѣ драгоцѣнны, Господи! и сколь пріятна Тебѣ душа, когда приноситъ она ихъ Тебѣ у

(а) Іов. 2.
(б) Іов. 1.
(в) Лук. 22.

подножій креста руками столь совершенной сообразности?

2е. Хотѣть того, что Богъ хочетъ, и какъ Богъ хочетъ. Ибо наша слабость или наше заблужденіе есть таково: часто воля располагается оставить Богу основаніе и существо своихъ дѣяній; но ограничивается она въ ихъ образѣ, и предоставляетъ себѣ ихъ обстоятельства: хотятъ вещей, но хотятъ ихъ инако: пріемлютъ охотно, на примѣръ, болѣзнь; но желаютъ, что бы она не такъ продолжительна и не такъ мучительна была. Подвергаются вообще униженіямъ и обезчестчиваніямъ; *но трудно переносить такого роду обиду.* Ожидаютъ въ свѣтѣ неблагодарностей; но долженствовало ли ожидать ихъ отъ сего человѣка такъ облагодѣтельствованнаго? Во всякомъ другомъ случаѣ я бы легко подвергнулся Твоей волѣ; но тутъ, прости моей слабости, Боже мой, сколь тягостно мнѣ согласиться? Тщетныя отговорки, гнусныя изъятія, сообразность ихъ не пріемлетъ и обвиняетъ. По истинѣ, христіанская душа, непремѣнно надобно покориться всему тому, что бы тебѣ ни случилось, отъ кого бы ни случилось, по какому бы обстоятельству и какимъ бы образомъ ни могло тебѣ случиться. Потому наконецъ, что хо-

тѣть того, что Богъ хочетъ, а не хотѣть, какъ Онъ хочетъ, было бы похищеніе нѣкоторой части жертвоприношенія; и тебѣ извѣстно въ какомъ омерзеніи имѣетъ Онъ татьбу во всесожженіи: сіе было бы дать Ему древо, и предоставить себѣ плоды.

Воспоминай всегда примѣръ Божественнаго Твоего Учителя: Отецъ Его представляетъ Ему чашу горести; тѣлесныя Его чувства возмущаются, вся природа содрогается; но Святая сообразность тотчасъ покоряетъ Его всему: да совершится все, о Боже мой! не такъ какъ Я хочу, но какъ Ты хочешь: *обаче не яко же Азъ хощу, но яко же Ты* (а). Мнѣ довлѣетъ знать, что Ты такъ судилъ въ Божественныхъ намѣреніяхъ Твоей премудрости.

Знаменитый примѣръ! Преизящный образецъ! Много ли находишь Ты вѣрныхъ послѣдователей? Какое потворство! Какія послабленія! Какія неправедныя изъятія! Маловѣрный человѣкъ, не уже ли ты не ввѣряешься благости Бога, и премудрости Божественныхъ Его изволеній?

(а) Матѳ. 26.

3е. Хотѣть того, что Богъ хочетъ, какъ Богъ хочетъ, наконецъ хотѣть для того, что Богъ хочетъ, вотъ совершенство сообразности, и представляемое ею истинное всесожженіе. Нѣтъ иной причины къ выполненію воли Божіей, какъ самая сія воля. И какую другую причину болѣе, важнѣе, святѣе совершеннѣе можетъ тварь сыскать, кромѣ изъявленной воли ея Богу? Приличествуетъ ли намъ желать проникнуть намѣренія Божія, и требовать у Него отчета въ Его поведеніи? Какъ это? Для чего сіе? Сохрани насъ, Боже, отъ таковыхъ грѣшныхъ чувствъ! Касательно вѣры, какъ это? *Такъ Богъ сказалъ*; касательно же сообразности, для чего сіе? Для того, что Богъ такъ хочетъ. Сія единственная причина не довлѣетъ ли намъ и не замѣняетъ ли всякую другую? Для того, что Богъ такъ хочетъ. Ты Самъ, Божественный мой Спаситель, такимъ образомъ предалъ Себя въ волю Твоего небеснаго Отца, во всѣхъ трудностяхъ, униженіяхъ, мученіяхъ смертной Твоей жизни. Ты такъ хочешь, небесный Отецъ, я подвергаюсь Твоимъ повелѣніямъ. Я того хочу, для того что Ты то хочешь, и что Тебѣ угодно, что бы такъ было: *яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою* (а).

(а) Матѳ. 11.

Чувство превыспреннее! Намѣреніе совершенное! Преизящный источникъ всѣхъ благъ! Что дѣлаемъ мы чрезъ сію Святую сообразность? Мы обмѣниваемъ нашу человѣческую и всегда недостаточную волю, на Божественную и совершенную. Препоруча себя единождьı такимъ образомъ во власть Божію, какихъ выгодъ мы тутъ не находимъ? Сія святая сообразность не учинится ли для насъ началомъ, умноженіемъ, полнотою всѣхъ благъ?

Полнота благодатей; Богъ обѣщалъ ихъ во всемъ ихъ изобиліи душѣ, отдавшейся въ Его волю.

Полнота заслугъ; естьли какій источникъ таковыхъ преизящнѣе сей святой сообразности въ совершенномъ препорученіи себя во власть Божію?

Полнота утѣшенія; что утѣшительнѣе того, какъ броситься такимъ образомъ въ обьятія столь чадолюбиваго Отца?

Полнота тишины; и кто можетъ нарушить спокойствіе души отдыхающей въ нѣдрѣ Божіемъ?

Полнота славы, какій вѣнецъ уготованъ въ небѣ душѣ, расположенной такимъ образомъ на земли!

Размышление

О совершенном предании себя во власть Божію.

Разсмотрим его основанія и чувства производимыя им в нас.

Вот, о душе моя! важныя истины, долженствующія быть основаніем совершенному преданію себя во власть Божію: попросим Благодати твердо устроить их в нас, и скажем.

1е. Я уверен, что все то, что случается в сем свете, бывает, или по точному повеленію, или по особливому попущенію Божію. Он столь хорошо располагает всеми вещами, что все обращает Он, только бы мы не воспрепятствовали Его намереніям, к Своей славе и нашей святости. Сему научает нас вера: *яко любящим Бога вся поспешествуют во благое* (а).

2е. Нет сомненія, что Бог знает лучше нас самих, что нам потребно; Ему известно наше естество, наши склонности, наша слабость, все наши недостатки; по них-то Он учреждает все, когда полагаемся на Его волю.

(а) Рим. 8.

3e. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ средства, которыя по человѣческому понятію кажутся быть совсѣмъ противными нашимъ выгодамъ и нашему спасенію, суть на противъ того таковыя, которыя ведутъ насъ къ тому надежнѣйшимъ образомъ, когда Богъ единъ ими управляетъ. Примѣры тому Іовъ на гноищѣ, Іосифъ въ темницѣ, Даніилъ во рвѣ, Моисей на водѣ и многіе другіе вѣчные памятники, воздвигнутые во славу Божественнаго Провидѣнія, и сообразности Его повелѣніямъ.

4e. Нѣтъ сомнѣнія, что Богъ начерталъ намъ всякому особливый и собственный путь, по которому хочетъ Онъ довести насъ до царствія небеснаго. Сей путь есть одни другимъ послѣдующія произшествія, цѣпь благодатей и вспомоществованій, которую безъ нарушенія порядка проведенія прервать не возможно. Богъ единъ знаетъ сей путь, и Онъ единъ по немъ руководствовать можетъ.

5e. Сіе совершенное препорученіе себя въ руки Бога, будетъ для Него побудительною причиною вести насъ къ блаженному пристанищу. Можетъ ли Онъ оставить ту душу, которая во всемъ на Него полагается? Отецъ можетъ ли не принять то чадо, которое бросается въ его объятія?

Сіи постоянныя истины суть столько же ясны какъ свѣтъ, столько же несомнительны какъ вѣра, столько же непремѣнны какъ существо Божіе. Я ими преисполненъ, и относя ихъ къ самому себѣ, говорю я въ духѣ вѣры.

1е. И такъ, когда все то что случается, бываетъ по особливому Божію позволенію, то почто же мнѣ безпокоиться о томъ, что можетъ случиться въ семъ мірѣ? Богъ то хочетъ, или по крайнѣй мѣрѣ Онъ то попускаетъ; Онъ знаетъ для чего. Пускай будетъ Онъ самовластный повелитель надъ всемъ: то, что находится въ Его *отеческихъ рукахъ, можетъ ли когда* удалить насъ отъ Божественнаго Его сердца?

2е. Богъ знаетъ лучше что мнѣ потребно, нежели я самъ; для чего не положиться мнѣ на Него въ моемъ жребіи? Что бы сказали о томъ человѣкѣ, который будучи на морѣ, отнялъ бы руль изъ рукъ корабельщика и сталъ бы управлять судномъ самъ? Не близокъ ли бы онъ былъ плачевнаго кораблекрушенія, тѣмъ болѣе достойнаго сожалѣнія, что онъ бы самъ причинилъ свое нещастіе?

3е. Часто случается, что средства, кажущіяся наиболѣе противными моему благу, приводятъ меня къ оному надеж-

нѣйшимъ образомъ: я имѣю въ томъ весьма убѣдительные опыты въ теченіи моей жизни. Когда привожу я себѣ на память все со мною случившееся, какія странныя произшествія! Какіе знаки милосердія! Какія чудеса явнаго Провидѣнія! Послѣ того, что Оно для меня сдѣлало, могу ли ужё я себя Ему не ввѣрить? Сколько же еще находится другихъ мнѣ неизвѣстныхъ знаковъ, которые можетъ быть еще удивительнѣе въ намѣреніяхъ Божіихъ? Я познаю ихъ нѣкогда, и буду благословлять Его за нихъ во вѣки.

4е. Богъ начерталъ каждому изъ насъ особливый путь, по которому долженствуемъ мы шествовать въ царствіе небесное, мой означенъ Его рукою: не опасно ли мнѣ, желая вести самъ себя, заблудиться, оставить путь ведущій ко спасенію, и взять нѣкую въ сторону стезю премыкающеюся къ пропасти? Увы! моя воля была бы подобна симъ нощнымъ блудящимъ огнямъ, блистающимъ взору, и влекущимъ наконецъ въ бездну.

5е. Сіе совершенное препорученіе меня Богу, будетъ для Него новою побудительною причиною вести меня ко пристанищу; и тогда какая новая побудительная причина для меня совсѣмъ предаться въ Его волю! Богъ не уступаетъ въ щед-

ротахъ ; чѣмъ болѣе Ему даютъ, тѣмъ болѣе отъ Него получаютъ. И такъ есть ли положусь я во всемъ на Его промыслъ, то чего не могу я надѣяться отъ Его благости ?

На столь твердомъ основанiи созданная моя сообразность, о Боже мой! можетъ ли не быть совершенная, моя надежда на Тебя полная и навсегда безъ изъятiя? Вотъ чувства воспрiемлемыя мною, и обязательство приносимое Тебѣ моимъ сердцемъ. Удостой его Твоего благоволенiя; я посвящаю его навсегда Твоему сердцу и Твоей любви.

Чуества души отдающей себя совершенно въ волю Божiю.

Боже мой, Спаситель мой и Отецъ мой, я отдаю себя во всемъ въ Твою волю, то есть, въ нѣдро преизящной Твоей благости. Я знаю, что Ты безконечно премудръ, и Тебѣ извѣстно все, что на пользу; безконечно благъ, и желаешь только добраго; безконечно Всемогущъ, и все хорошее въ рукахъ Твоихъ. Я знаю, что Ты вѣдаешь, что мнѣ потребно, лучше, нежели я самъ.

И такъ съ сей минуты предаю я въ волю Твою все, что я имѣю; все, что я есмь; все, чего я уповаю; мой разумъ и всѣ мои мысли, мое сердце и всѣ его склонности, мою жизнь и всѣ ея минуты, самую мою надежду и всѣ ея желанія. Я хочу все то, чего Ты восхочешь, я хочу только то, чего Ты восхочешь, какъ Ты восхочешь, какъ долго и какимъ образомъ Ты восхочешь.

Все, что ни случится мнѣ отъ рукъ Твоихъ, будетъ мнѣ, естьли непріятно, по крайнѣй мѣрѣ почтенно; все что ни попустишь Ты со стороны тварей, найдетъ меня повинующимся. Естьли подашь Ты мнѣ утѣшенія, да будетъ благословенно имя Твое святое; сей милости я не заслуживаю. Естьли пошлешь Ты мнѣ испытанія и кресты, да будетъ паки благословенно Имя Твое Святое; сіи наказанія заслуживаю я по справедливости безмѣрно. Ты есть самовластный Владыка моего жребія, моихъ благъ, моея славы, моего здравія, моея жизни. Я вручаю Тебѣ все: нѣтъ у меня ничего собственнаго. Съ сея минуты отдаю я Тебѣ все и на-

всегда въ сохраненіе; располагай по Твоей волѣ мною въ разсужденіи благоденствія и превратности, бѣдности и изобилія, болѣзни и здравія, жизни и смерти, временности и вѣчности. Сіе мое врученіе себя въ Твою волю, о Боже мой! есть врученіе совершенное и безпредѣльное, врученіе непреставаемое и всевременное, врученіе вѣчное и невозвратное. Да воспріиметъ оно съ сея минуты свое начало, да продолжится оно во всю мою жизнь, да возобновится оно при моемъ часѣ смертномъ, да будетъ оно моею послѣднею мыслію, моимъ послѣднимъ чувствомъ, моимъ послѣднимъ издыханіемъ, и да возвратитъ оно мою душу въ руки Твои, дабы Тебя благословлять, хвалить и любить во вѣки вѣковъ. Аминь.

Употребленія въ дѣйство.

1е. Почасту препоручать себя въ волю Божію.

2е. Во всѣхъ нещастіяхъ и печаляхъ жизни, говорить самому себѣ, Богу такъ угодно, Богу такъ угодно, и на томъ остановиться.

3е. Въ величайшихъ же злополучїяхъ и чрезвычайныхъ приключенїяхъ, помышлять, что Богъ имѣетъ нѣкое милосердное намѣренїе о насъ, и положиться тогда болѣе, нежели когда либо, на Его власть.

4е. Между тѣмъ съ своей стороны дѣлать что можно и что должно: инако же сїя надежда была бы не что другое, какъ заблужденїе и гордость; сїе было бы искушенїе Бога.

5е. Твердо увѣриться, что для пришествїя къ Богу, путь препорученїя Ему себя есть всегда надежнѣйшїй, угоднѣйшїй и утѣшительнѣйшїй, однимъ словомъ, совершеннѣйшїй.

ЧТЕНІЕ ДВАДЕСЯТЬДЕВЯТОЕ.

О попеченїи и нерадѣнїи о малыхъ вещахъ.

Въ сей статьѣ находятся двѣ великїя истины, о которыхъ мы почасту долженствуемъ воспоминать предъ Богомъ. Какъ во злѣ нѣтъ ничего столь неважнаго, что бы, пагубными своими слѣдствїями, не могло довести до самыхъ крайностей; такъ и въ добрѣ нѣтъ ничего столь малаго, что бы, нечувствительными успѣхами, не могло вознести насъ до высочайшей святости.

Приступимъ къ расмотрѣнію: во злѣ нѣтъ ничего столь неважнаго, что бы, пагубными своими слѣдствіями, не могло довести насъ до самыхъ крайностей, посредствомъ расположенія, заблужденія, наказанія и искушенія. Какое множество размышленій, страховъ и раскаяній!

1е. Посредствомъ расположенія; то есть, что когда расположены пріучаться къ малѣйшимъ проступкамъ, то чрезъ то самое безмѣрно ужѐ расположены предаться нечувствительно и величайшимъ. Станутъ дѣлать себѣ послабленіе, не радѣть о себѣ, скучать благочестіемъ, отвергать Благодать, заглушать раскаянія. Сего дня оставятъ нѣкое Бого-угодное дѣло, а завтра пропустятъ другое. Сего дня падутъ въ нѣкое согрѣшеніе, а завтра послѣдуетъ тому другое важнѣйшее. Потомъ учинятся не столько осторожными, не столько попечительными; умножатъ послабленіе, разсѣяніе, отвращеніе отъ добра, склонность ко злу; какіе успѣхи въ послабленіи! Совсѣмъ тѣмъ день отъ дня бремя кажется тягостнѣе, иго труднѣе; его несутъ, что я говорю? его влекутъ съ уныніемъ, и можетъ быть съ роптаніемъ свергаютъ его съ себя сколько можно; наконецъ становятся нечувствитель-

но не тѣми уже что были, и столь плачевною премѣною содѣлываются тѣмъ разсѣяннѣе и порочнѣе, чѣмъ больше были они наблюдательны и добродѣтельны.

Сколькихъ людей сими не многими словами начерталъ я изображеніе? Тѣхъ людей, которые прежде были воздержны и боялись даже тѣни зла, а нынѣ бѣгутъ они какъ ослѣпленные по стезямъ погибели. Естьли бы разсмотрѣли они протекшей ими путь и точку, отъ которой они его начали; естьли бы возвратились они къ источнику зла, то нашли бы они прекращенную молитву, неуваженныя Бого-угодныя дѣла, оставленное упражненіе въ благочестіи; вотъ начальная причина: пренебреженныя побужденія Благодати, заглушенныя упреканія совѣсти; вотъ успѣхъ: явнѣйшія согрѣшенія, большія преступленія, паденіе послѣдуемое можетъ быть многими другими паденіями; вотъ пагубная мета: какой будетъ ея конецъ?

9е. Посредствомъ заблужденія. Людямъ заблуждающимся и дѣлающимъ себѣ послабленіе, весьма свойственно стараться о успокоеніи себя въ ихъ послабленіяхъ и заблужденіяхъ. Они содѣлываютъ себѣ ложныя правила, ложныя нравоуче-

нія, ложную совѣсть. Они успокоиваются во многихъ предлогахъ, они извиняются множествомъ ложныхъ причинъ, они вознамѣриваются не преступать положенные ими себѣ нѣкоторые предѣлы; и что можетъ быть легче, какъ составить себѣ такое заблужденіе, а наипаче въ такихъ вещахъ, которыхъ крайности добра и зла столь между собою близки, что весьма трудно распознать то и другое? Касательно чистоты, на примѣръ, сколь удобно, и можетъ быть обыкновенно обмануться, и почесть за неважное то, что въ самомъ дѣлѣ есть весьма виновно? Въ опасной мысли, въ *нескромномъ взглядѣ*, въ *начинающемся желаніи*, сердце колеблется между чувствомъ и рѣшимостію, и не можетъ различить существующее отъ несуществующаго, боится ли оно чего или любитъ, ищетъ ли оно чего или отвергаетъ: о пагубное преткновеніе! Какія плачевныя кораблекрушенія ты причинило, и причиняешь еще вседневно! Касательно же христіанскія любви, колико-кратно колкими насмѣшками, къ статѣ сказанными злословіями, думали сдѣлать ближнему только легкую рану, а на противъ того нанесли чувствительности его смертельные удары, и сердцу его глубокія язвы?

Что принадлежитъ до безпечности и праздности, то до чего не доводитъ великая лѣность и усыпленіе? Сколько званій не выполнено? Сколько должностей пропущено? Сколько дарованій зарыто? А раскаяніе молчитъ, и совѣсть не говоритъ ни единаго слова. Вотъ какимъ образомъ, о Боже мой! ослѣпляются, заблуждаются, погубляются; и тысяче-кратно почитая себя еще весьма далеко отъ краевъ пропасти, упадали уже во глубину ея, Великій Боже! сколь человѣческое ослѣпленіе достойно сожалѣнія! И сколь строгость Твоего суда ужасаетъ!

3е. Посредствомъ наказанія. Праведный Судія такъ сказалъ, и въ качествѣ отмстителя вседневно исполняетъ: Я употреблю съ вами ту же мѣру, какую употребите вы со Мною; и какъ вѣрнымъ и щедрымъ душамъ отверзу Я сокровища Моихъ благодатей, такъ отъ убійственныхъ и скупыхъ душъ сокрою Я хранилище Моихъ даровъ: нѣтъ, не опасайтесь, что бы у васъ былъ когда недостатокъ въ нужныхъ и обыкновенныхъ благодатѣхъ; Провидѣніе будетъ невинно предъ вами, но правосудіе сохранитъ свои права и отмститъ за нихъ. Вы будете имѣть обыкновенныя благодати, отличныя же и избранныя заслужить должно. Естьли грѣ-

хами употребишь ты во зло обыкновенныя благодати, то Богъ въ наказаніе за то не дастъ тебѣ отличныхъ. По сему начертанію и сбереженію благодатей, суди чего ты ожидать долженствуешь, ты который малыя вещи и легкія погрѣшности въ ничто вмѣняешь, поелику онѣ не смертные грѣхи суть, ты, который тогда только грѣшить боишься, когда опасаешься осужденъ быть въ муку вѣчную.

4е. Что же остается къ преисполненію мѣры золъ, какъ не то, что діаволъ придетъ, путемъ искушенія, сдѣлать еще новыя нападенія, и довершить поверженіе и погибель соблазненной души? Нѣтъ, нѣтъ, діаволъ не начинаетъ погублять душу предложеніемъ ей великихъ беззаконій, отмѣнныхъ преступленій, о которыхъ ей и помыслить было бы ужасно; но онъ нечувствительно вкрадывается въ неосторожное сердце; сперва представятся неважныя забавы, временныя разсѣянія, малозначущіе проступки; потомъ мало по малу привыкнутъ безъ страха смотрѣть на опасность; привыкнувши же видѣть легкіе грѣхи равнодушно, престаютъ ужѐ ужасаться столь много и тяжкихъ, и въ опасную минуту, во время сильнаго искушенія, когда сердце ужѐ тронулось, ослабѣло, на перевѣсѣ, діаволъ предпріемлетъ крайнее

усиліе, душа сопротивляется, колеблется, наконецЪ упадаетЪ; стрѣла пущена, бездна отверста, зло можетЪ быть достигло ужѐ своего совершенства. Впрочемъ какЪ вода ни вошла вЪ корабль, по капли, или великимЪ стремленіемЪ, но онЪ потопленЪ. КакЪ домЪ ни загорѣлся, искрою, или великимЪ пламенемЪ, но онЪ сгорѣлЪ и превращенЪ вЪ пепелЪ. КакЪ человѣкЪ ни шествуетЪ кЪ пропасти тихими шагами, или бросается вЪ нее вдругЪ, но онЪ наконецЪ погибаетЪ.

Вкорени во мнѣ, о Боже мой! о Боже Святый! спасительный страхЪ при воззрѣніи на малѣйшія опасности, чувствительное раскаяніе при воспоминаніи легчайшихЪ согрѣшеній, а паче всего пламенную любовь кЪ Тебѣ. Да страшусь я болѣе Тебя прогнѣвать, нежели быть мнѣ осужденну: да приводитЪ меня вЪ смятеніе и трепетЪ единое названіе проступка и маловажнаго грѣха; наконецЪ, да страшусь я болѣе грѣха, нежели мученій смерти и ада: такимЪ образомЪ служатЪ Тебѣ тѣ, которые Тебя любятЪ, и которые желаютЪ любить Тебя во вѣки.

Размышленіе о томъ же.

Сіе разсужденіе весьма утѣшительно, о Боже мой! для таковой души, какъ моя, весьма пригодно къ великимъ дѣяніямъ, дабы мыслить, что наблюденіе малыхъ вещей можетъ, нечувствительными успѣхами, вознести насъ до высочайшей святости; потому что малыя вещи располагаютъ къ большимъ; потому что случай къ малымъ вещамъ бываетъ чаще и подаетъ больше случаевъ къ заслугамъ; потому что наблюденіе малыхъ вещей привлекаетъ величайшія Благодати; потому что малыя вещи, какъ бы онѣ *частно маловажны* ни были, по *ихъ количеству* и *продолженію* суть весьма велики. Какой былъ бы источникъ благодатей и заслугъ, естьли бы мы изъ него сокровища почерпать умѣли!

Открой мнѣ ихъ, о Боже мой! подай познать мнѣ ихъ цѣну, и имѣть участіе въ ихъ изобиліи. Будучи по врожденному моему малодушію неспособенъ къ великимъ пожертвованіямъ, сими единственно нечувствительными успѣхами во благѣ, могу я вознестися до Тебя; не ужѐ ли о семъ не приложу я моего попеченія?

1e. Малыя вещи располагаютъ къ великимъ. Тѣ заблуждаются, которые дума-

ютъ, что святость состоитъ только въ великихъ вещахъ, или что вдругъ можно достигнуть до святости. До нее доходятъ обыкновенно нечувствительными успѣхами. Путь святости въ единъ день пройти не возможно; онъ продолжителенъ, шагъ за шагомъ подвигаются впередъ; а чрезъ то пріобрѣтаютъ силы, получаютъ привычки, содѣловаются наконецъ, упражненіемъ въ легкомъ, способными къ труднѣйшему; и симъ наблюденіемъ малыхъ вещей приступаютъ къ великимъ. Святость не инако присвоить себѣ можно, какъ побѣдами. А какъ малыя побѣды располагаютъ къ большимъ; то безъ сихъ предъидущихъ малыхъ побѣдъ, рѣдко одерживаются большія увѣнчавающія. Истинное мечтаніе есть почитать себя въ состояніи выдержать величайшія сраженія, когда противъ легчайшихъ нападеній устоять не могутъ. Настоящее дерзновеніе есть надѣяться шествовать исполиновыми стопами, когда будучи слабѣе робенка, падаютъ почти при всякомъ шагѣ. Естьли ты хочешь поспѣшить въ пути твоемъ, испытай твои силы, пріуготовь себя къ ироическимъ жертвоприношеніямъ ежедневными пожертвованіями; предвари важныя побѣды легкими сраженіями; естьли будешь храбрымъ солдатомъ въ малыхъ

ошибкахъ, то будешь героемъ въ великихъ побоищахъ. Все сіе значитъ то: естьли будешь наблюдателенъ въ малыхъ вещахъ, то будешь великодушенъ и въ большихъ.

О малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю (а). Ты изрекъ сіе, о Боже мой! и вѣрныя души испытываютъ то ежедневно; кто вѣренъ въ малыхъ вещахъ, будетъ вѣренъ и въ большихъ. По сіе время я не имѣлъ еще сей вѣрности ни въ тѣхъ, ни въ другихъ, а пребывалъ я всегда въ уныніи, не подвигаяся въ передъ, не дѣлая успѣховъ въ добрѣ, и часто вмѣсто того, что бы итти далѣе, отступалъ я назадъ. Вотъ въ какомъ плачевномъ состояніи я живу, томлюся; едва помышлялъ я воздыхать о томъ предъ Тобою; Ты даешь мнѣ познавать заблужденіе въ томъ и опасность, помоги мнѣ избавиться отъ нее.

2е. Наблюденіе малыхъ вещей есть источникъ святости, потому что случаевъ къ онымъ бываетъ больше, чаще, и слѣдовательно, естьли станутъ ихъ наблюдать, то накопятъ болѣе заслугъ, и соберутъ болѣе сокровищъ для царствія

(а) Матѳ. 25.

небеснаго; маленькіе ручейки составляютъ большія рѣки: и хотя тихими шагами, однако странствующій преходитъ свой путь и достигаетъ до намѣреваемаго мѣста. Ожидать же важныхъ случаевъ, большихъ дѣяній, оныя бываютъ весьма рѣдко, а многимъ можетъ быть они и никогда не встрѣтятся. Тотъ, кто желалъ бы быть добродѣтельнымъ по великимъ единственно пожертвованіямъ, не дождался бы таковыхъ можетъ быть во всю свою жизнь. Вотъ, о Боже мой! въ какое заблужденіе часто приходятъ и имъ соблазняются. Ожидаютъ важныхъ случаевъ, сберегаютъ себя для великихъ пожертвованій; въ ожиданіи важныхъ случаевъ, которыхъ нѣтъ, не радѣютъ о малыхъ, которые представляются: и такимъ образомъ нерадѣютъ о малыхъ по умствованію, страшатся важныхъ по слабости сердца, а чрезъ то не занимаются ни тѣми, ни другими.

Божественный Спаситель, Ты начертываешь намъ совсѣмъ другій путь; *сія же подобаше творити*, говоришь Ты намъ, *и онѣхъ не оставляти* (а). Сіе исполняютъ праведныя души предъ очами Твоими;

(а) Матѳ. 23.

и сколь великое приращеніе заслугъ пріобрѣтаютъ онѣ въ семъ непрерывномъ упражненіи?

Не отъ моего ли нерадѣнія о томъ такъ мало успѣлъ я во благѣ? Я имѣлъ тысячу случаевъ къ успѣхамъ въ немъ, но малодушіе мое не допустило меня приложить о немъ старанія; по прошествіи многихъ лѣтъ, я нахожусь еще яко бы на первыхъ шагахъ въ пути святости, между тѣмъ, какъ столько другихъ такъ далеко ужѐ въ переди въ ихъ теченіи: не ужѐ ли до конца дней моихъ пребуду я въ семъ равнодушіи, въ сей безпечности, безъ упреканія себя? *Или не ужѐ ли буду я себя упрекать безъ поправленія себя?* Я понимаю все, что бы мнѣ дѣлать надлежало, о Боже мой! но я не дѣлаю ничего; я вижу отверстый путь, но я не шествую: такимъ ли образомъ достигаютъ до намѣреваемой меты?

3е. Наблюденіе малыхъ вещей есть источникъ заслугъ, потому что малыя вещи, какъ бы онѣ частно маловажны ни были, по ихъ количеству и продолженію суть весьма велики. Искусившіеся въ томъ самимъ опытомъ могутъ сіе понять. Касательно малыхъ вещей, легче ихъ презирать, нежели исполнять. Знаютъ ли въ самомъ дѣлѣ, что такое онѣ суть? Понима-

ютъ ли значеніе сихъ важныхъ наименованій, сихъ великихъ правилъ: безпрестанное насиліе, всегдашнее умерщвленіе плоти, ежеминутное смиреніе? Что же все сіе, какъ не всегдашнее пожертвованіе, какъ не всегдашнее мученіе, какъ не всегдашнее умираніе? И чему же? Всему. Не весьма тягостно, естьли захотятъ: конечно, не весьма тягостно преодолѣть себя въ единомъ случаѣ: но сколь важно преодолѣть себя во всѣхъ! Не весьма тягостно перенести нѣчто изъ случившагося: но сколь важно переносить все! Не весьма тягостно удержать нѣкоторую вспыльчивость: но сколь важно сохранить всегда одинакое равнодушіе! Не весьма тягостно потерпѣть единъ день, единъ мѣсяцъ сердитый нравъ, грубое обращеніе такого человѣка, съ кѣмъ живутъ вмѣстѣ: но всякій день, но во всю жизнь, повсеминутно, какое сраженіе! какая бодрость! какое пожертвованіе! По истинѣ, хотя бы какая вещь сама по себѣ еще легче была, но естьли будетъ она обыкновенною, всегдашнею, то уже и самая только мысль до нее дойти и на нее согласиться, есть столь важное дѣло, что наиотважнѣйшія сердца, наивеличайшія бодрости отъ того содрогнутся, и что непремѣнно великой душѣ быть надобно, дабы имѣть способ-

ность къ сему продолженію пожертвованій въ маломъ. И дѣйствительно, сколько есть таковыхъ, которые были бы способны къ величайшему единоминутному пожертвованію, и которые не находятъ себя въ состояніи согласиться на продолженіе многочисленныхъ пожертвованій? Сколько есть таковыхъ, которые перенесли бы чувствительнѣйшую краткую болѣзнь, и которые не могутъ выдерживать долговременной болѣзни? Сколько есть таковыхъ, которые вытерпѣли бы жестокое мгновенное мученіе, и которые не въ силахъ устоять противъ медлительнаго мученія всей жизни!

Малыя вещи, говорятъ: увы! Боже мой, что можемъ мы слабыя и смертныя творенія содѣлать для Тебя важнаго? Малыя вещи: и естьли бы представились намъ важныя, выполнили ли бы мы ихъ? И не почли ли бы ихъ выше силъ нашихъ?

Малыя вещи: и естьли онѣ угодны Богу и Онъ благоволитъ принимать ихъ яко важныя?

Малыя вещи: испытали ли ихъ? По опытамъ ли о нихъ судятъ?

Малыя вещи: тѣмъ виновнѣе, естьли почитая ихъ таковыми, отъ нихъ отказываются.

малыя вещи; однако же онѣ самыя, въ продолженіи времени, содѣлали великихъ Святыхъ.

По истинѣ, малыя вещи, но великія побудительныя причины, великія чувства, великая ревность, великое усердіе; и слѣдовательно великія заслуги, великія сокровища, великія награжденія.

Я слышу гласъ Твой, о Божественный мой учитель! Ты обращаешь его къ вѣрной, неоставляющей ничего въ нерадѣніи душѣ: *о малѣ былъ еси вѣренъ* (а). Нѣтъ, Боже мой, никто не сравнится съ Тобою въ щедротахъ; естьли мы будемъ вѣрны, Ты будешь податливъ; естьли мы воспользуемся всѣми случаями ко изъявленію Тебѣ любви нашей, Ты употребишь всѣ случаи къ обогащенію насъ дарами Твоими. Всякая новая вѣрность пріобрѣтетъ новую благодать: и чрезъ сіе блаженное сцѣпленіе благодатей и вѣрностей, благодатей вспомоществуемыхъ вѣрностію, и вѣрности награжденной благодатію, мы возносимся отъ добродѣтелей къ добродѣтелямъ, отъ заслугъ къ заслугамъ, отъ ясности къ ясности, до самыя Святыя горы, до высочайшей Святости.

(а) Матѳ. 25.

Богъ великъ: Онъ взираетъ на сердце, а не на дѣянія. Естьли станемъ мы дѣйствовать по любви къ Богу, то все предъ Нимъ важно будетъ, и все получитъ отъ Него вѣнецъ и награжденіе.

МОЛИТВА.

Какія сокровища благодатей и заслугъ открываешь Ты мнѣ, о Боже мой! Я всегда имѣлъ ихъ предъ моими очами и въ моихъ рукахъ, но я ихъ не познавалъ. Ахъ! я понимаю, что нерадѣніе мое сокрыло ихъ отъ меня. Я не хотѣлъ извѣстенъ быть о ихъ драгоцѣнности, потому что я не старался о пріобрѣтеніи ихъ, хотя мнѣ благодать Твоя безмѣрно потребна была. Будучи столь неспособнымъ къ важнымъ вещамъ, не великое ли было бы для меня щастіе, что бы я могъ замѣнить ихъ такъ легкими пожертвованіями и слабыми усиліями, которыхъ удостоиваешь Ты Твоего благоволенія? Какая благодать! Какая благость въ Тебѣ, Боже щедротъ! Что Ты не только что не презираешь таковой милости, но и награждаешь ее яко нѣчто важ-

ное! Не уже ли останусь я еще столь безпечнымъ, что буду ее пропускать? Нѣтъ, Боже мой: я знаю весьма содѣланную мною потерю и тѣ блага, которыхъ я лишился. Впредь главное мое старанїе состоять будетъ въ томъ, что бы наблюдать все принадлежащее до святаго Тебѣ служенїя, что бы употреблять въ пользу наималѣйшїя вещи для полученїя царствїя небеснаго, и что бы симъ поправить прошедшїя нерадѣнїя ненарушимою вѣрностїю ко всѣмъ статьямъ Твоихъ уставовъ, надѣяся отъ Тебя обѣтованнаго Твоего попечительнымъ ихъ наблюдателямъ награжденїя. *О малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (а).

Употребленiя въ дѣйство.

1е. Въ случаяхъ малыхъ пожертвованїй, мыслить, что Богъ насъ видитъ, и что требуетъ Онъ отъ насъ сего знака вѣрности.

2е. Почасту обѣщать Богу, не отказывать Ему ни въ чѣмъ, а наипаче когда были

(а) Матѳ. 25.

мы столь часто и столь долго ненаблюдательны

3е. Помышлять, что естьли пропустимъ мы сей случай, то сердце Божіе тѣмъ оскорбится, и мы раскаяваться будемъ.

4е. Предписать себѣ на всякій день по нѣскольку пожертвованій и умерщвленій плоти, и приносить ихъ яко дѣйствія любви Божія.

5 е. Присоединить содѣланную нами малость къ заслугамъ Іисуса Христа; тогда все будетъ свято и достойно Бога.

ЧТЕНІЕ ТРИДЕСЯТОЕ.

О смерти грѣшника.

Пагубная смерть есть мета, до которой беззаконная жизнь обыкновенно доводитъ. Естьли бы надобно было только умереть, и смерть бы вела къ блаженной метѣ, то бы вмѣсто того, что бы ее страшиться, можно бы было ее желать и по ней воздыхать, но когда за смертію не иное что слѣдуетъ, какъ величайшее нещастіе, и конецъ временности не иное что есть, какъ начало злополучной вѣчности; то какими же чувствами долженствуетъ поражена быть виновная душа, которой жизнь была только продолженіемъ грѣховъ и сплете-

ніемъ безпорядковъ? Вотъ какова смерть грѣшника: въ теченіи его жизни находился онъ въ объятіяхъ радости, благоденствія и изобилія; какая пагубная премѣна! При смерти не остается у него ничего кромѣ раскаяній и смятеній: раскаяній при видѣ того, чего онъ лишается; смятеній при видѣ того, чего онъ ожидаетъ. Какая смерть! Почто было родиться, дабы такъ умирать?

Умирающій грѣшникъ находится въ состояніи лишенія и печали. При потерѣ жизни чего онъ не лишается? Онъ лишается имуществъ, которыми онъ пользовался, пріятелей, съ которыми онъ жилъ, предметовъ, къ которымъ онъ прилѣпленъ былъ, благодатей, которыя онъ во зло употреблялъ: что же у него остается, кромѣ грѣховъ съ ихъ раскаяніями?

Онъ злополучнѣе еще по состоянію печали, въ которой находится онъ посреди страданій ведущей его болѣзни во гробъ. Страданія живыя, страданія острыя, страданія жестокія. Какое состояніе той души, которой законъ отказывается подать въ нихъ облегченіе! Праведный, безспорно потерпитъ при смерти: ибо безъ болѣзни не умираютъ; но праведный пріучилъ уже себя къ терпѣнію; онъ умертвилъ свою плоть и ея чувства. Праведный

терпитъ; но онъ положился на Бога: онъ приноситъ Ему свои страданія, яко удовлетворенія за грѣхи свои; онъ присоединяетъ ихъ къ мученіямъ страдавшаго и умирающаго своего Бога, Который ему ихъ облегчаетъ Своею благодатію, и надеждою награжденія. Грѣшникъ же, на противъ того мало привыкшій къ терпѣнію, къ умерщвленію своей плоти, къ прибѣжищу къ Богу, прилѣпясь къ своей плоти, къ своему покою, къ своимъ прихотямъ, къ своимъ увеселеніямъ, возчувствуетъ всю жестокость послѣднихъ болѣзненныхъ припадковъ, и онъ будетъ страдать безъ облѣгченія и пользы. *Отъ сего-то происходятъ сіи нетерпѣливости*, сіи безпокойствія, сіи тревоги; отъ сего-то сіе состояніе сильнаго движенія и изступленія, производящее жалость и соболѣзнованіе въ его окружающихъ, которые не взирая на всѣ ихъ старанія, не могутъ его успокоить.

Боже праведный! Ты сіе возвѣстилъ грѣшнику, Ты ему симъ угрожалъ, и вседневно еще выполняешь Ты сіе ужасное изреченіе надъ умирающими грѣшниками. Вы меня оставили, говоришь Ты имъ, вы презрили Мои угроженія; вы посмѣялися Моимъ повелѣніямъ и наставленіямъ; того ради и Я въ отмщеніе оставлю и васъ, и

предамъ васъ всѣмъ жестокостямъ и горестямъ вашей смерти: *тѣмъ же и Азъ вашей погибели посмѣюся* (а). Ужасное наказаніе! страшное мщеніе!

Ахъ! какъ прискорбно, какъ горестно оставить Бога въ продолженіи своей жизни, а чрезъ то яко бы покориться смерти! Естьли бы служили Ему какъ служили міру, естьли бы прилѣплялись къ Нему какъ прилѣплялись къ міру, имѣли ли бы при смерти тѣ раскаянія, какими грѣшникъ отягощается и терзается?

Мысль о будущемъ еще отяготительнѣе для него. Умирающій грѣшникъ взираетъ на будущее, и какія же страшныя изображенія представляетъ сіе будущее востревоженному его взору? Онъ боится въ одно и самое то же время будущаго невѣрнаго, будущаго приближающагося, будущаго ужаснаго, будущаго неизбѣжнаго, будущаго вѣчнаго; и какими же чувствами сіе будущее, такъ представленное, долженствуетъ возмутить и поразить его сердце?

Онъ боится будущаго невѣрнаго. Въ теченіи его жизни, міръ, грѣхъ, страсти такъ ослабили и нарушили его вѣру, что едва нѣкіе слѣды ея у него остались, по-

(а) Притч. I.

елику сія вѣра была слабая, томная, и яко мертвая; онъ отвращался отъ ея озареній; онъ сомнѣвался о ея истинахъ, и можетъ быть вооружался онъ противъ ея догматовъ. Слабая искра покрытая пепломъ толикихъ страстей, по видимому почти угашенная, при смерти возбудится и воспріиметъ свои права; блистаніе ея будетъ живѣе, свѣтлѣе, не будучи ужѐ помрачаемо облаками страстей. Сомнѣнія истребятся, облака изчезнутъ, важныя истины представятся во всей ихъ силѣ. Грѣшникъ будетъ вѣрить; но, увы! подобно діаволамъ будетъ онъ вѣрить для того только, что бы трепетать, ужасаться и тревожиться.

Онъ боится будущаго приближающагося. Во время своей жизни старался онъ удалять отъ себя напамятованіе и воображеніе о немъ; онъ ласкался жить долго, онъ не инако видѣлъ сіе будущее, какъ въ великой отдалѣнности, распространяющей его взоры и его надежды; но наконецъ сіе будущее приближается, оно ужѐ у двери, оно пришло. Грѣшникъ чувствуетъ, что отмщевающій Богъ хочетъ прекратить печальные его дни, что Онъ зоветъ его, что Онъ требуетъ его къ суду Своему, и переноситъ его въ пространство сего неизмѣримаго будущаго. Ахъ! когда видѣть

вещи въ близи, то сколь отмѣнныя впечатлѣнія производятъ онѣ отъ тѣхъ, которыя видимы еще въ дали! *Заутра предстану Ти, и узриши мя* (а). И что другое онъ узритъ, кромѣ накопленныхъ согрѣшеній, нарушенныхъ благодатей?

Онъ боится будущаго ужаснаго, рѣшащаго все. Въ продолженіи своей жизни, онъ подобно какъ закрывалъ свои очи, дабы не увидѣть безмѣрно много; и опасаясь воспрепятствовать своимъ увеселеніямъ, онъ дѣлался нечувствительнымъ ко гласу закона: теперь видитъ онъ уже всѣ слѣдствія, всѣ страхи. Ужасно вообразить себѣ будущее, въ которое вступаютъ не имѣя другаго пріуготовленія, кромѣ виновной жизни, и не имѣя другаго представить, кромѣ содѣянныхъ грѣховъ и во зло употребленныхъ благодатей! *Страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (б)! то есть Бога прогнѣваннаго и отмщающаго.

Онъ боится будущаго неизбѣжнаго; рука Божія поднята надъ нимъ: и кто можетъ избавить его отъ сей отмщевающей

(а) Псал. 5.
(б) Евр. 10.

руки? Нѣтъ, Боже мой, умирающій грѣшникъ не въ состояніи сокрыться отъ Твоихъ пораженій; будущее окружитъ его мрачными своими тѣнями; мщеніе Твое нападаетъ на него со всѣхъ странъ, и не останется востревоженной его душѣ никакого убѣжища: къ Тебѣ долженъ онъ прибѣгнуть, но грѣхи его кажется заградили ему путь къ Твоему сердцу. Ты преслѣдовалъ его во всю его жизнь, дабы его тронуть и его возвратить; подобно какъ мятежникъ Іона, убѣжалъ онъ отъ лица Твоего; Ты достигаешь его въ сію минуту, отмщающая рука готова поразить его, онъ *трепещетъ подъ сею рукою* угрожающею ему послѣднимъ ударомъ его погубляющимъ.

Онъ боится будущаго вѣчнаго; вообразить себѣ о семъ всего ужаснѣе. Естьли бы было извѣстное число лѣтъ или вѣковъ для стенанія, терпѣнія, то бы увидѣлъ онъ наконецъ предѣлъ своимъ мученіямъ и своему злополучію; но вѣчность начинается всегда и не кончится никогда! Вступивши единожды въ нѣдро сей ужасной вѣчности, не остается уже болѣе ни отращенія, ни милосердія; оно имѣло свое время; владычество правосудія настаетъ и пребудетъ во вѣки.

Какій трепетъ, какое смятеніе, какій страхъ произведутъ сіи ужасные предметы въ сердцѣ сего умирающаго человѣка, естьли онъ находится въ состояніи мыслить и разсуждать?

Онъ могъ бы еще обратиться къ Богу, и воспользоваться тѣми минутами, которыя Онъ ему оставилъ; онъ долженствовалъ бы безъ сомнѣнія сіе учинить, и его раскаянія были бы еще приняты, естьли бы они были искренныя; но увы! находясь въ состояніи смятенія и тревоги, къ чему можно быть способну? Смущеніе его совѣсти столь велико, ужасъ его жизни столь чрезвычайный, важность его грѣховъ столь безмѣрна, что онъ не знаетъ, какъ къ тому приступить, и съ чего начать. При томъ же часто можно почесть наказаніемъ и мщеніемъ Божіимъ оставленіе грѣшника собственной его волѣ и порочнымъ его тѣлеснымъ чувствамъ. Будучи угнѣтенъ болѣзнями, въ истощеніи силъ, а можетъ быть и въ отчаяніи о своемъ спасеніи, бросается онъ какъ лишенный зрѣнія въ нѣдро сей вѣчности, о которой его невѣріе и его нечестіе производятъ можетъ быть еще сомнѣнія; но самыя сіи сомнѣнія только тревожитъ его въ состояніи. Естьли видаютъ его иногда въ смятеніяхъ, въ движеніяхъ судорожныхъ, въ

припадкахъ, въ трепетахъ, въ изступленіяхъ, то думаютъ сему быть дѣйствіемъ болѣзней и боли: но ошибаются; сіе бываетъ часто состояніе и содроганіе его души востревоженной приближеніемъ послѣдняго его конца, и страшнаго суда Божія; сіе есть яко преддверіе и извѣщеніе мученій для осужденныхъ. Онъ изпускаетъ дыханіе, умираетъ, и нѣтъ его болѣе; жребій его ужѐ опредѣленъ, и душа его ввергнута во адъ.

О Боже мой! какая смерть! Сколь она прискорбна! Сколь она плачевна! Сохрани меня отъ таковой пагубной кончины; *накажи меня въ сей жизни*, и не дай мнѣ при смерти возчувствовать строгость Твоего правосудія. Я буду стараться во всю мою жизнь заслуживать блаженнѣе сего жребій.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О смерти праведника.

1е. Онъ умираетъ безъ сожалѣнія о томъ, что онъ оставляетъ.

2е. Онъ умираетъ съ полнымъ упованіемъ на то, чего онъ ожидаетъ.

Сколь онъ блаженъ, о Боже мой! что оканчиваетъ онъ такимъ образомъ смерт-

ное свое теченіе, и вступаетъ наконецъ въ обиталище живыхъ! Я сотворенъ для сего же самаго блаженства; но увы! безплодная въ хорошихъ дѣлахъ жизнь естьли достойное пріуготовленіе къ смерти? Помоги мнѣ, о Боже мой! посвятить остатокъ дней моихъ заслуживанію блаженной смерти: я еще дерзаю надѣяться сего отъ Твоея благости.

Статья первая.

Праведникъ умираетъ безъ сожалѣнія о томъ, что онъ оставляетъ. Никто не можетъ увѣренъ быть, что онъ праведенъ предъ Богомъ, поелику никто не можетъ знать, чего онъ достоинъ, любви или ненависти; сему научаетъ насъ вѣра. Однако же, хотя точно не можно увѣриться о своемъ состояніи, но по чистосердечному раскаянію во своихъ грѣхахъ, по внутреннему свидѣтельству своея совѣсти, по святой довѣренности къ Богу, можно надѣяться найти Его благодать, не имѣя ничего важнаго ко упреканію себя предъ Нимъ. Въ семъ-то смыслѣ человѣкъ можетъназваться праведникомъ; и о немъ-то единственно говорится, что умираетъ онъ безъ сожалѣнія о томъ, что онъ оставляетъ; и какое сожалѣніе можетъ онъ имѣть?

1е. Онъ оставляетъ міръ; и чего же лишается онъ оставляя его? Міра обманчиваго! Міра неправеднаго! Міра неблагодарнаго и вѣроломнаго! Когда его познаютъ, то о чемъ же сожалѣть можно? И какое другое сожалѣніе имѣть надлежитъ, кромѣ того, что къ нему прилѣплены были, что безмѣрно долго слѣдовали его заблужденіямъ, его мечтамъ, его правиламъ, его примѣрамъ и его соблазнамъ? Сердце праведника было ужѐ мертво міру, и съ нѣкотораго времени міръ для него ничего не значилъ. Тотъ не теряетъ ничего, кто оставилъ все.

2е. Онъ оставляетъ свои имущества, смерть похищаетъ ихъ у него; но сіи имущества вмѣнялъ онъ въ ничто и не былъ къ нимъ привязанъ, для него было ровно имѣть ихъ или нѣтъ; сіи имущества оставилъ онъ сердцемъ и разумомъ; онъ съ радостію жертвуетъ ими Богу; онъ желалъ бы, что бы они были больше, дабы принести ему въ жертву болѣе; смерть лишаетъ его только темницы его тѣла, потому что все прочее было для него чуждое.

3е. Онъ оставляетъ родственниковъ, друзей: жертва, по истинѣ, чувствительная; но онъ зналъ, что онъ ихъ нѣкогда оставить долженъ; но онъ знаетъ, что

онъ ихъ не навсегда оставить долженъ; онъ знаетъ, что онъ оставляетъ ихъ въ рукахъ Божіихъ. Любезныя дѣти, дражайшая супруга, искренніе друзья, надобно съ вами разлучиться, Богу такъ угодно, но будемъ надѣяться соединиться нѣкогда въ царствіи небесномъ. Онъ все оставляетъ; но Богъ замѣняетъ ему все, и онъ имѣетъ нѣкогда обрѣсти все въ Богѣ: и такъ онъ ихъ не теряетъ, а разлучается съ ними на время, и потомъ соединится съ ними на вѣки; онъ идетъ предуготовать имъ пути, и ожидать ихъ въ нѣдрѣ Самаго Бога.

4е. Онъ оставляетъ жизнь, но увы! жизнь плачевную, жизнь гиблющую, жизнь подверженную толикимъ бѣдствіямъ, толикимъ прискорбностямъ, а наипаче толикимъ искушеніямъ и толикимъ опасностямъ; и въ которой мы столь часто попускаемъ себя прогнѣвлять Бога. Нѣтъ, онъ не сожалѣетъ о ея потерѣ; на противъ того находитъ онъ истинное утѣшеніе въ принесеніи ее Богу своему въ жертву: онъ жертвуетъ ею въ духѣ покорности Всевышнему Существу; онъ жертвуетъ ею въ духѣ подобія и соединенія со умирающимъ Іисусомъ Христомъ: онъ желалъ бы имѣть тысячу жизней для принесенія ихъ въ жертву съ сими чувствами.

Не страшася ни мало смерти, онъ ее желаетъ, онъ ее ожидаетъ, онъ по ней воздыхаетъ. Такимъ образомъ Пророкъ Давидъ жаловался на продолжительность своего изгнанія: *увы мнѣ яко пришельствіе мое продолжися* (а). Такимъ образомъ Апостолъ Павелъ желалъ быть освобожденъ изъ темницы своего тѣла: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (б)? Такимъ образомъ святые воздыхали по концѣ ихъ странствованія и ихъ изгнанія.

Боже мой! сколь сія жертва въ таковыхъ святыхъ расположеніяхъ долженствуетъ быть Тебѣ пріятна! И сколь утѣшительно для праведника препоручить Тебѣ свою душу! Ты ввѣрилъ оную ему на нѣкоторое время, Ты взыскиваешь отъ него сохранности ея, дабы переселить ее въ вѣчность.

Увы! что такое есть наша жизнь? Мы думаемъ, что живемъ, а мы умираемъ ежедневно; мы прилѣпляемся къ сей гибнющей жизни, которая проходитъ, и теряемъ изъ вида ту истинную жизнь, къ которой Ты насъ призываешь. Озари наши разумы, Боже Свѣтовъ: коснися нашимъ

(а) Псал. 119.
(б) Рим. 7.

сердцамъ, Боже добродѣтелей; освяти всѣ наши минуты, дабы были онѣ всѣ залогами вѣчности.

Статья вторая.

Праведникъ умираетъ съ полнымъ упованіемъ на то, чего онъ ожидаетъ.

Онъ ожидаетъ найти въ Богѣ милосердаго Отца, вмѣсто строгаго и наказующаго судіи.

Онъ ожидаетъ жизни лучшей, нежели сія гиблющая и смертная, въ которой онъ только стеналъ.

Онъ ожидаетъ мѣста между избранными, и надѣется сего не по своимъ заслугамъ, но по безконечной благости своего Бога.

Онъ ожидаетъ, вышедши изъ сего мѣста изгнанія, увидѣть Бога, наслаждаться Богомъ, быть на вѣки соединену съ Богомъ. Небо, кажется, растворяется предъ его очами, Святые протягаютъ къ нему руки, блаженная вѣчность отверзаетъ свое нѣдро для принятія его.

Нѣтъ, отнюдь нѣтъ, смерть не есть смерть для него, она есть начало безсмертной и прочной жизни; она есть конецъ плачевнаго странствованія, и томнаго изгнанія; она есть по толикихъ бу-

ряхъ и волнованіяхъ надежное пристанище; она есть блаженное обиталище живыхъ; она есть истинное и небесное отечество, куда онъ возвращается.

О смерть! сколь воспоминаніе о тебѣ горько тому, кто предалъ свое сердце богатствамъ, увеселеніямъ, суетамъ жизни! Сколь мысль о тебѣ сладостна тому, кто живетъ такъ, какъ будто не живетъ, кто живетъ только безпрестаннымъ умираніемъ самому себѣ и всему!

Колико видъ пристанища любезенъ, послѣ долговременнаго плаванія по волнующемуся морю! Колико вольность драгоцѣнна, послѣ мучительнаго заточенія! Колико миръ пріятенъ, послѣ множества сраженій!

Сколь довольны будутъ тогда собою, что отреклися міра, пожертвовали своими увеселеніями, умертвили свои страсти, упражнялися только въ томъ, что спасительно! Съ какою радостію будутъ собирать плоды съ сраженій, трудовъ, горестей сей жизни! Какъ почувствуютъ тогда истину сего важнаго изреченія: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (а).

(а) Псал. 115.

Я повторяю еще, что праведникъ не можетъ увѣренъ быть о своемъ жребіи; что онъ долженъ страшиться своихъ грѣховъ, страшиться суда Божія. Но грѣхи свои онъ возненавидѣлъ искреннѣе, нежели когда либо, а къ суду Божію онъ старался пріуготовиться; онъ полагаетъ на Бога все свое упованіе; и опасаяся всего отъ самаго себя, онъ ожидаетъ отъ Его милосердія и благости, онъ бросается въ Его объятія, онъ приноситъ Ему свою послѣднюю жертву съ послѣднимъ воздыханіемъ. Все совершилось, минута настала, надобно умереть; но нѣтъ, Боже мой, надобно жить и итти къ Тебѣ, истинной жизни; надобно оставить сіе мѣсто изгнанія и преселиться въ обиталище живыхъ. О обиталище избранныхъ! о земля обѣтованная!

И такъ шествуй, праведная душа, вступи въ нѣдро Авраамово; шествуй жить со избранными истинною жизнію; шествуй воспріять уготованное тебѣ небесное достояніе; а ты, о Боже святый! о Боже милосердый! пріиди облегчить ей сіе последнее прехожденіе; пріиди подкрѣпить ее въ тоскахъ послѣдняго сраженія, пріиди принять и освятить послѣдпія ея издыханія. Она ожидаетъ только минуты

своего освобожденія, дабы вступить въ блаженную вольность чадъ Божіихъ.

Употребленія въ дѣйство.

Что же потребно къ тому, что бы умереть смертію Святыхъ? Надобно жить жизнію Святыхъ, пріуготовиться свято ко смерти; во всю нашу жизнь умирать намъ самимъ себѣ и всему; отторгнуться отъ сего міра, и оставить его прежде, нежели смерть насъ отъ него отторгнетъ; всякій день почитать могущимъ быть послѣднимъ нашимъ днемъ; почасту молить Бога о благодати святой смерти, надѣяться сего отъ безконечной Его благости; приносить нашу жертву въ соединеніи съ таковою Іисуса Христа; наконецъ не только пріуготовляться къ смерти, но быть ежеминутно къ ней готовыми.

МОЛИТВА.

Ты изрекъ, о Боже мой! что честна предъ Тобою смерть преподобныхъ. Но дабы умереть смертію преподобныхъ, надобно жить жизнію преподобныхъ. Будучи столь удаленъ отъ святой жизни, могу ли я еще имѣть нѣкоторую надежду на сію дражайшую

смерть? Отъ Твоея единственно безконечныя благости могу я ее ожидать. Боже мой, помилуй душу мою; не оставь меня въ сіи последнія минуты, не предай меня горестямъ и тоскамъ смерти грешниковъ; пріиди на помощь мне въ семъ ужасномъ сраженіи. Ты умеръ для меня, подай мне жить впредь для Тебя; дабы я при последнемъ моемъ часе могъ обрести благодать предъ Тобою, и препоручить Тебе последнія мои издыханія. Да умретъ душа моя смертію праведныхъ. *Да умретъ душа моя въ душахъ праведныхъ* (а).

ЧТЕНІЕ ТРИДЕСЯТЬПЕРВОЕ.

О душевномъ спокойствіи.

Внутреннее спокойствіе есть состояніе души пребывающей съ Богомъ, имеющей щастіе жить въ благодати и любви Божіей, могущей, не почитая себя оправданною предъ Богомъ, сделать о себе услаждительное засвидетельствованіе, что со-

(а) Числ. 23.

вѣсть ея не упрекаетъ ее ни въ чемъ, что естьли надобно будетъ умереть и предстать предъ Богомъ, то уповаетъ она обрѣсти благодать предъ Его очами: истинное спокойствіе есть состояніе души рачительно убѣгающей всякаго непринужденнаго и намѣреваемаго согрѣшенія, какъ бы оно маловажно ни казалось; пребывающей въ ненарушимой вѣрности къ Благодати; паче всего боящейся ей сопротивляться, ее опечаливать; старающейся отметать все то, что могло бы препятствовать сему спокойствію; естьли сія душа имѣетъ какія сомнѣнія, она ихъ изъясняетъ; естьли угрызаетъ ее въ чемъ совѣсть, она отнимаетъ къ тому причину; естьли она имѣетъ какія раскаянія, безпокойствія, сожалѣнія, она приноситъ ихъ Богу въ жертву, отдаваясь совершенно на Его волю. И такъ занимается она единственно служеніемъ Господу, наблюденіемъ Святыхъ Его уставовъ, сохраненіемъ себя въ спасительномъ страхѣ суда Его, а наипаче въ пріятной надеждѣ на Его милосердіе.

Вотъ истинное спокойствіе; вотъ его сила и основаніе. О семъ-то спокойствіи можно сказать, блаженна, тысяче-кратно блаженна та душа, которая его имѣетъ,

знаетъ ему цѣну и его сохраняетъ. Станемъ судить о семъ по чудесамъ производимымъ спокойствіемъ въ душѣ, и по чрезвычайнымъ наслажденіямъ подаваемымъ имъ вкушать ей, весьма превосходнѣйшимъ въ сравненіи тѣлесныхъ увеселеніи: *миръ Божій превосходяй всякъ умъ* (а).

Когда сіе спокойствіе водворится въ душѣ, то всѣ блага водворятся съ нимъ вмѣстѣ; порядокъ, тишина, радость, утѣшеніе, пріятность; драгоцѣнныя выгоды, заставляющія сказать съ премудрымъ, отмѣнно миролюбивымъ Царемъ: *пріидоша мнѣ благая вся вкупѣ съ нею* (б). Тогда принадлежатъ Богу, пребываютъ съ Богомъ, почитаютъ себя довольными быть въ союзѣ съ своимъ Богомъ, ни безпокойствіе не приводитъ въ смятеніе, ни печали не изливаютъ пагубнаго ихъ яда, ни бѣдствія не наносятъ жестокихъ имъ ударовъ. Въ совершенномъ смиреніи страстей, въ непоколѣбимой тишинѣ чувствъ, душа управляетъ сама собою, повинуется своему Богу; душа въ спокойствіи, и спокойствіе въ душѣ; душа же и спокойствіе въ Богѣ: *миръ Божій.*

(а) Филип. 4.
(б) Премудр. 7.

Когда сіе спокойствіе устроится въ душѣ, то содѣлается она тогда истиннымъ царствіемъ Божіимъ, *се бо царствіе Божіе внутрь васъ есть* (а). Богъ хочетъ царствовать въ душѣ, но Онъ хочетъ царствовать мирно: Богъ не обитаетъ въ смятеніи. Естьли душа востревожена, то подобна она Государству возмущенному междоусобною бранію, и терзаемому внутренними несогласіями. Бунтъ, страхъ, мечь, огнь, убійство тамъ владычествуютъ, и съ ними всѣ ихъ ужасы. Въ спокойномъ же Государствѣ на противъ того, все мирно, все тихо; законы тамъ соблюдаются, добродѣтели во уваженіи, народъ блаженствуетъ, Государь въ почитаніи; сіе пріятное спокойствіе содѣлывается яко душею сего Государства; оно вънѣдривается въ его члены, оживляетъ ихъ, и изливаетъ вездѣ радость и изобиліе: вотъ царствіе Божіе въ душѣ; чрезъ сіе спокойствіе учиняется она Его престоломъ, Его пребываніемъ, Его государствомъ. Онъ освятилъ ее Своимъ присутствіемъ: Онъ начальствуетъ въ ней Своею премудростію: Онъ повелѣваетъ въ ней Своею властію: Онъ господствуетъ въ ней Своимъ могуще-

---

(а) Лука. 17.

ствомъ: Онъ любитъ миръ, Онъ ищетъ мира, Онъ по превосходству Богъ мира: Онъ царствуетъ и хочетъ царствовать съ миромъ: *миръ Божій.*

Когда сіе спокойствіе находится въ душѣ, то подобна она тогда пространному морю, тихому и неизмѣримому океану. Естьли вѣтры подымутся, волны одна другую разбивать будутъ, свирѣпость бури усилится, то означаетъ сіе царствіе ужаса и замѣшательства: естьли же море успокоится, то все премѣнитъ видъ свой; пріятная тишина возчувствуется, она распространитъ весьма далеко свое владычество, воздухъ наполнится ясностію. Прекрасное изображеніе спокойной души! Неизмѣримое пространство сего моря представляетъ пространство господствованія, которое она сама надъ собою имѣетъ; глубина сего моря представляетъ глубину спокойствія, которымъ она наслаждается; а безмѣрное количество водъ содержащихся въ морѣ представляетъ безмѣрныя блага, которыя сіе спокойствіе въ себѣ заключаетъ и которыми даетъ оно наслаждаться вмѣстѣ съ собою: *миръ Божій.*

Сверхъ того, естьли душа находится въ семъ спокойствіи, то бываетъ она вѣрнымъ зерцаломъ изобразующимъ Бога

и Его Божественныя совершенства. Ничто не представляетъ столь ясно, столь чувствительно вѣчное величество Божіе, какъ сіе ненарушимое спокойствіе души. Какъ между людьми нѣтъ ничего обыкновеннѣе смятенія, безпокойствія, и премѣнъ, то душа управляемая постоянно сама собою и пребывающая всегда въ спокойствіи, кажется превышающею человѣческое состояніе, и вознесенною близко Божества. Ибо что болѣе подаетъ намъ понятія о Богѣ, и приводитъ насъ во удивленіе о величести Его существа, какъ не то, что мы видимъ Его всегда одинакимъ, всегда непремѣннымъ *въ Его спокойствіи*, въ Его чувствахъ, въ сущности Его бытія и Его блаженства? Вотъ Богъ: вотъ Его образъ, душа въ нѣдрѣ спокойствія. И что можетъ быть величественнѣе, важнѣе, Божественнѣе, какъ видѣть сію душу всегда единакую, всегда спокойную, всегда въ тишинѣ, безъ смятенія, безъ премѣны, всегда въ единакомъ положеніи и состояніи, всегда внутренно управляющею себя самою? Вотъ ощутительнѣйшій образъ Божій! Небо представляетъ Его славу, земля Его твердость, море Его глубину, душа Его спокойствіе и всѣ Его совершенства, потому что оныя помѣстчены въ нѣдрѣ спокойствія: *миръ Божій*.

Скажемъ, естьли возможно, нѣчто важнѣе еще. Ежели сія душа имѣетъ спокойствіе, то въ семъ спокойствіи и чрезъ сіе спокойствіе, кажется пріемлетъ она тогда подобно какъ участіе въ веселіи и радости избранныхъ во славѣ; вотъ до чего простираетъ она свое блаженство. Что собственно составляетъ блаженство Святыхъ въ царствіи небесномъ, есть самое сіе ненарушимое спокойствіе, которымъ они наслаждаются, и которое приводитъ ихъ въ состояніе наслаждаться Богомъ; сіе-то спокойствіе наполняетъ ихъ душу; въ немъ погружается ихъ сердце; оно причиняетъ ихъ плаваніе въ быстринахъ веселостей: въ семъ спокойствіи они живутъ и царствуютъ, и во вѣки жить и царствовать будутъ.

И такъ вотъ что спокойствіе души производитъ нѣкоторымъ образомъ прежде еще будущей жизни, оно доставляетъ способы вкусить начатки сей радости, оно подаетъ о ней понятіе, оно къ ней привлекаетъ, оно за нее ручается; въ теченіи же самой сей жизни, въ сіе земное странствованіе, производитъ оно предварительную склонность къ небеснымъ веселостямъ: *миръ Божій*.

Поставимъ теперь сію душу въ разныхъ положеніяхъ, въ какихъ можно нахо-

диться въ жизни: разсмотримъ ее подъ разными отношеніями, какія можетъ она имѣть съ Богомъ, съ ближнимъ, и съ самой собою; мало сказать какія дѣйствія, но какія чудеса она производитъ!

Естьли сія душа находится въ спокойствіи, то что будетъ она относительно Богу? Что она въ себѣ заключаетъ? Покорность, преданность, зависимость; ненарушимую вѣрность къ Его благодати, полное упованіе на Его провидѣніе, совершенное сходство и соединеніе съ Его чувствами.

Относительно ближнему, что находится въ спокойной душѣ? Христіанская любовь, доброжелательство, благосклонность, снисхожденіе. Въ ней нѣтъ ни гнѣва, ни злобы, ни досады, ни своенравія, ни ненависти; она смотритъ на недостатки и слабости другихъ, что бы ихъ переносить, на нужды и бѣдности, что бы имъ вспомоществовать.

Въ ней самой, всегда единакая равность, въ какомъ бы обстоятельствѣ она ни была. Что бы ни случилось, что бы ни произошло, ничто ее не востревожитъ, ничто не приведетъ ее въ уныніе; при потерѣ всего, находитъ она все во изобиліи сего спокойствія. Хотя бы всѣ иму-

щества похищены были, здравіе бы повредилось, свѣтъ бы погибалъ, но спокойствіе пребывало бы ненарушимо; при паденіи всего прочаго, спокойствіе бы едино существовало, и на самыхъ развалинахъ всего прочаго, оно бы возносилось, и воздвигло торжество и престолъ Бога мира.

Сіе въ вещахъ временныхъ, такимъ же образомъ и въ вещахъ благочестія и закона. Вездѣ найдемъ мы душу въ семъ спокойствіи, и сіе спокойствіе содѣлывающее веселости души.

Естьли таковая душа идетъ въ храмъ Божій на молитву, то идетъ она туда съ упованіемъ, пребываетъ тамъ съ радостію, возсылаетъ Богу молитвы свои съ миромъ. Естьли приступаетъ ко Святому судилищу покаянія, то почитаетъ она его таинствомъ примиренія съ Богомъ: она представляетъ себѣ свои согрѣшенія: они приводятъ ее въ смиреніе, въ замѣшательство, но не въ отчаяніе и уныніе; и такъ приближается она къ сему Святому судилищу, какъ къ таковому мира, и съ безмѣрнымъ утѣшеніемъ и радостнымъ восхищеніемъ выходитъ она оттуда, услышавъ отъ своего духовника, служителя

Божія, сіи усладительныя слова: *иди въ миръ* (а).

Естьли подходитъ она ко Святому Причащенію, то принимаетъ она Бога мира; спокойствіе пріуготовляетъ ей пути; спокойствіе располагаетъ ея склонностями и образуетъ ея чувства; а когда сей Богъ благости къ ней пріидетъ, то спокойствіе встрѣчаетъ его при двери сердца, и торжественно вводитъ его въ душу.

И такъ сіе спокойствіе учреждаетъ, управляетъ, утѣшаетъ, сопровождаетъ человѣка въ теченіи его жизни; оно послѣдуетъ за нимъ еще при смерти, и тогда-то, прежде нежели когда либо, дастъ оно ему возчувствовать свои благосклонности.

Я преношуся духомъ въ сіи послѣднія минуты, минуты опасныя для умирающаго человѣка. Какое зрѣлище вижу я около его! Все кажется соединилося его устрашать и приводить въ робость: онъ окруженъ тѣнями смерти, покровенъ темнотами гроба; тревожимъ печальными привидѣніями; страхи, боязни, ужасы, все его терзаетъ. О внутреннее спокойствіе!

(а) Марк. 5.

Не уже ли ты оставишь его въ семъ плачевномъ состоянии? Посреди сихъ непроникаемыхъ мраковъ, спокойствіе, любезное спокойствіе возжетъ свой свѣтильникъ; и, при озареніи сего небеснаго свѣтильника, тѣни исчезнутъ, облака истребятся, печальныя привидѣнія сокроются, спокойствіе явится его очамъ, оно призоветъ тишину въ его душу, уменьшитъ его страхи, приметъ наконецъ послѣднія его издыханія; и премѣнивъ видъ всѣхъ предметовъ, представитъ она смерть сладостнымъ сномъ, верховнаго Судію чадолюбивымъ отцемъ, будущее пріятнымъ убѣжищемъ, конецъ сей гиблющей и смертной жизни началомъ безсмертной и прочной жизни, вѣчность обиталищемъ живыхъ, поелику она есть по превосходству обиталищемъ спокойствія.

О спокойствіе! о сладости! о небо! что имѣешь ты важнѣйшаго и утѣшительнѣйшаго? Небесное спокойствіе, пребываешь ли ты въ семъ свѣтѣ? И не долженствуемъ ли мы опасаться, что ты возгнушаяся сею землею, направишь твой полетъ къ небу и преселишься туда навсегда? Гдѣ ты, о вожделѣнное спокойствіе! Гдѣ ты пребываешь? Гдѣ тебя обрѣсти? Не уже ли надобно преплыть моря и искать тебя на краяхъ земли? Чѣмъ долж-

но тебя купить? Какъ можно тебя получить?

Въ тебѣ самой, вѣрная душа, найдешь и имѣть будешь ты его, естьли ты его чистосердечно желаешь. Оно ищетъ ко пребыванію своему только пріуготованныхъ сердецъ; расположи къ тому твое, и оно учредитъ въ немъ свое пребываніе и царствіе съ таковымъ самаго Бога.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О средствахъ пріобрѣсти и сохранить душевное спокойствіе.

Душевное спокойствіе есть благо столь великое, столь нужное и столь Божественное, что нѣтъ въ свѣтѣ такихъ средствъ, которыхъ бы я не долженствовалъ принять для пріобрѣтенія и сохраненія его.

Открой мнѣ сіи спасительныя средства, о Боже мой! я для того только желаю ихъ познать, дабы ихъ употребить; и желаю употребить ихъ только для сего превозящнаго спокойствія, котораго міръ дать не въ состояніи, а единственно благодать Твоя намъ его доставить можетъ.

Первое средство къ пріобрѣтенію и сохраненію спокойствія, есть убѣжаніе грѣха. Онъ есть непримиримый врагъ сему спокойствію, мечь пронзающій сердце, ядъ его раздирающій, червь его снѣдающій; грѣхъ и спокойствіе никогда въ союзѣ между собою не бывали: и какое же спокойствіе можно вкушать, будучи врагомъ своего Бога?

Я понимаю, о Боже мой! что когда лишаемся мы Твоея благодати, то лишаемся и спокойствія: что когда содѣлываемся мы Твоими врагами, то содѣлываемся и нашими врагами, что когда ищемъ нашего удовольствія внѣ Тебя, что находимъ только прискорбность духа и горесть сердца; и какое же бы нещастіе мое было, естьли бы будучи во грѣхѣ, находилъ я тутъ спокойствіе? Естьли бы жилъ я, не заботясь, въ безпорядкѣ, то не величайшее ли было бы мое ослѣпленіе, и въ самое то же время не величайшее ли было бы мое нещастіе? Не было ли бы сіе знакомъ, что Ты совсѣмъ уже отъ меня удалился, что Ты оставилъ меня моему заблужденію? Я бы не имѣлъ уже никакой помощи, естьли бы, чрезъ внутреннее смятеніе моей души не подавалъ Ты мнѣ разумѣть, что я не таковъ, каковымъ бы я быть долженствовалъ. Сколь бы душа моя тре-

вожилась, доколѣ бы пребывала она во грѣхѣ? И естьли спокойствіе единожды потеряно, то все ужѐ блаженство для меня потеряно. Виновная душа находитъ всегда въ себѣ самой собственное свое мученіе.

И такъ внуши то себѣ, о душе моя, и не забуди того никогда; естьли хочешь ты наслаждаться внутреннимъ спокойствіемъ, убѣгай грѣха, бойся грѣха, трепещи при его видѣ, какъ при видѣ нѣкоего чудовища; и будь увѣрена, что въ самую ту минуту какъ грѣхъ войдетъ въ тебя, спокойствіе изгонится изъ тебя вонъ; и что можетъ тогда грѣхъ представить тебѣ *въ замѣну потери* спокойствія, единственнаго блага, какого только въ мірѣ семъ пожелать можно?

Второе средство ко пріобрѣтенію и сохраненію спокойствія, есть убѣжаніе всякаго одуманнаго грѣха, всякаго вольнаго сопротивленія Благодати и гласу Божію. Самъ Святый Духъ сказалъ намъ, и примѣръ миліона грѣшниковъ то подтверждаетъ: кто могъ, сопротивляяся Богу, найти когда благо спокойствія? *Како бо человѣкъ праведенъ у Господа, аще бо хощетъ прѣтися съ нимъ* (а)? Не воз-

(а) Іов. 9.

можно волею сопротивляться Благодати, не понимая, что прогнѣвляютъ тѣмъ Бога, что огорчаютъ сердце Божіе, что опечаливаютъ Духа Святаго; а съ сею мыслію и съ симъ внутреннимъ убѣжденіемъ, можно ли не быть встревоженну, смущенну, и не чувствовать, что удаляются отъ порядка, заблуждаются съ путей Благодати, и что тогда правда и миръ въ душѣ нашей облобызаться не могутъ. *Правда и миръ облобызастася* (а).

Ахъ! множество разъ испыталъ я сіе надъ самимъ собою; когда я столь часто въ жизни моей терялъ спокойствіе души моей; когда я въ нѣкоторыя минуты находилъ себя въ великомъ смущеніи и безпокойствіи, почто искать мнѣ другой тому причины, кромѣ сопротивленій моихъ и неповиновеній гласу Благодати? Не былъ ли сіе сокрытый гласъ, который, возставая во мнѣ, противъ меня, внутренно говорилъ мнѣ: ты прогнѣвляешь Бога, ты удаляешься отъ Бога, ты опечаливаешь Святаго Духа въ сердцѣ твоемъ, ты лишишься спокойствія и тишины твоей совѣсти.

Совсѣмъ тѣмъ, какими же сопротивленіями и преступленіями надлежитъ мнѣ

(а) Псал. 84.

себя упрекать? Колико-кратно изгонялъ я чрезъ то спокойствіе изъ моего сердца? Я удивлялся иногда смущенію моей души, и говорилъ ей: *вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя* (а)? Не долженствовалъ ли я понять, что я ношу тому причину во мнѣ самомъ: и что сопротивленія мои Благодати были пагубнымъ источникомъ того? Нѣтъ, съ сего времени я не буду никогда съ намѣреніемъ сопротивляться Твоимъ Святымъ озареніямъ, о Боже мой! мраки, смущеніе, угрызенія совѣсти скоро бы за симъ послѣдовали; и какъ желаю я сохранить спокойствіе души *моей цѣною всякаго другаго* блага, то *буду* я убѣгать всего того, что его нарушить можетъ: и какъ всякое сопротивленіе Твоему гласу, всякое преступленіе противъ Твоея благодати было бы препятствіемъ сему преизящному спокойствію; то таковому сопротивленію будетъ всегда загражденъ входъ въ мое сердце. Я буду опасаться, что бы въ самую ту минуту, какъ спокойствіе оставлять будетъ мою душу, не предать мнѣ себя жестокимъ смятеніямъ и снѣдающимъ угрызеніямъ совѣсти. Я буду воображать себѣ

(а) Псал. 42.

Тебя прогнѣваннымъ, ополченнымъ противъ меня; и въ семъ состояніи какимъ спокойствіемъ могу я наслаждаться? Сердце мое не было ли бы тогда нѣкоторымъ родомъ ада въ разсужденіи смущенія и тревогъ распространившихся въ немъ послѣ моихъ противъ Тебя преступленій?

Третіе средство къ сохраненію душевнаго спокойствія, есть умерщвленіе страстей и тѣлесныхъ чувствъ. О душе моя! хочешь ли имѣти миръ съ Богомъ? то обьяви войну самой себѣ; всякая страсть есть врагъ нашего покоя, поелику она нарушаетъ и превращаетъ порядокъ Божій. А дабы спокойствіе въ насъ царствовало, то надлежитъ страстямъ повиноваться его власти. Спокойствіе хочетъ царствовать самодержавно; все ему покоряться должно; царствіе его не инако учредиться можетъ, какъ въ тишинѣ; довольно единой страсти къ произведенію въ душѣ смятенія и безпорядка.

Ты изрекъ, Божественный Спаситель, что не пришелъ Ты принести миръ, но мечь на землю; то есть, что, дабы имѣть въ насъ миръ, надлежитъ намъ ополчиться противъ насъ самихъ, воспріять въ руку мечь умерщвленія, постоянно сражаться съ нашими страстями, съ наши-

ми склонностями; не другимъ какимъ образомъ какъ многократнымъ сраженіемъ, и безпрестанною войною противъ насъ самихъ, можемъ мы пріобрѣсти побѣду и миръ; надобно разбить и покорить всѣхъ враговъ: въ противномъ же случаѣ они будутъ безпрестанно возставать противъ насъ и противъ нашего спокойствія, и подвергнутъ насъ мучительской ихъ власти, и постыдному ихъ рабству.

Съ какимъ же попеченіемъ долженъ я предпринять сіе сраженіе, естьли я желаю имѣть и сохранить сіе внутреннее спокойствіе, которое едино въ состояніи содѣлать блаженство *моей жизни? Помоги* мнѣ, о Боже *мой!* о Ты Боже мира! подкрѣпи меня въ сраженіи съ страстями, столь трудномъ моему сердцу, однако же столь нужномъ спокойствію души моей. Я желаю его, по истинѣ, для моего блаженства; но притомъ еще и для Твоея славы, потому что я не могу его потерять безъ прогнѣванія и оскорбленія Тебя.

Четвертое средство, и средство надежнѣйшее, вѣрнѣйшее пріобрѣсти, вкушать и сохранить душевное спокойствіе, есть совершенная и точная сообразность волѣ Божіей, преданіе себя во всемъ и безъ изъятія Его провидѣнію; то есть броситься въ Его объятія, и предоставить

вЪ полную Его волю употребленіе нашего жребія, несомнѣнно положиться на Него во всемЪ, что до насЪ касается; и тогда совершенно препоручить себя Его Божественному руководству, не осмѣливаясь ужѐ ни отступать отЪ того, ни дѣлать разсужденія о приключающемся вЪ жизни: вЪ такомЪ блаженномЪ состояніи кто могЪ бы нарушить спокойствіе души, желающей всего того, что БогЪ хочетЪ или попускаетЪ, взирающей во всемЪ на расположеніе Провидѣнія, обожающей, возводя очи кЪ Нему, во всемЪ Того, Кто всемЪ управляетЪ?

О сколь сіе средство Божественно! сколь оно вѣрно! сколь оно надежно кЪ полученію спокойствія! Душа принявшая такое намѣреніе сколь скоро вступитЪ вЪ пути спокойствія! Сколь поспѣшно будетЪ ея шествіе! Сколь свято, вѣрно и постоянно будетЪ она его продолжать! Сколь радостные и блаженные потекутЪ тутЪ дни!

О душе моя! ты отреклася отЪ сихЪ драгоцѣнныхЪ и спокойныхЪ дней, ты не восхотѣла шествовать по пути святаго препорученія себя волѣ Божіей; ахЪ! естьли бы знала ты, какое БогЪ пріуготовилЪ бы тебѣ благо спокойствія! Какими бы подалЪ ОнЪ тебѣ наслаждаться заслугами!

Какія бы пріобрѣла ты заслуги! *Яко аще бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ смиренію твоему* (а). Но ты будучи ослѣплена облаками твоихъ страстей и мечтаній, не познала пути блаженства, ты заблудилась отъ стезей спокойствія, и гоняясь за ложными и скоропреходящими удовольствіями, лишилась ты истинныхъ и прочныхъ пріятностей.

О Боже мой! я познаю мою ошибку, я оплакиваю мое заблужденіе. Сколь несмысленъ былъ я! Я искалъ спокойствія, я говорилъ, *миръ*, *миръ* (б); но миръ меня не внималъ, потому что я не внималъ самъ премудрымъ его совѣтамъ; *и не бѣ миръ.*

Боже мой! почто намъ такъ заблуждаться? Увѣрены будучи, что Ты нашъ Отецъ, что Ты желаешь намъ блага, что Ты знаешь, что намъ потребно; что другое остается намъ, какъ содержать себя въ мирѣ и спокойствіи въ нѣдрѣ Твоего провидѣнія, подобно какъ нѣжное чадо въ нѣдрѣ своей матери? Мы были бы святые и блаженные.

(а) Лук 19.
(б) Иерем. 6.

МОЛИТВА.

Боже благости, я желаю теперь болѣе, нежели когда либо спокойствія моей души; я желаю только сего блага въ семъ свѣтѣ; я желаю его превыше всѣхъ благъ на земли. Боже мира, ежели я когда молилъ Тебя о благодати усильнѣйше, съ искреннимъ и горящимъ желаніемъ испросить ее, то сіе о той великой благодати, о которой молю Тебя нынѣ, спокойствія души: да просятъ у Тебя другіе услажденій, утѣшеній жизни, а я, устремляю мое желаніе къ сему преизящному спокойствію; я молю Тебя о немъ во всемъ пространствѣ моего сердца, и по всему пространству Твоего милосердія. Я не прошу его у свѣта, зная, что онъ мнѣ его подать не можетъ; притомъ же Тебѣ извѣстно, что сей драгоцѣнный плодъ во мнѣ не родится; на противъ того ношу я въ себѣ самомъ всѣ причины, могущія его повредить и меня лишить; сильныя страсти, развратныя желанія, нещастныя склонности, все во мнѣ сопротивляется сему спокойствію; и такъ Ты единъ мнѣ его

даровать и соблюсти можешь. Я испрашиваю его у Тебя по безконечной Твоей благости, по сему миру, которой пришелЪ Ты возвѣстить землѣ, по сему миру, которой воцарилЪ Ты вЪ небѣ, а наипаче по сему ненарушимому миру, которой пребываетЪ вЪ Твоемъ сердцѣ. СЪ моей же стороны, дабы получить отЪ Тебя столь нужное и столь драгоцѣнное благо, вотЪ что я сЪ помощїю Твоея благодати, источника всякаго блага, а особливо блага спокойствїя, предпрїемлю.

Намѣренія и употребленія вЪ дѣйство.

1е. О полученїи его я буду часто молить Тебя, о Боже мой! со всевозможною покорностїю, усильностїю и горячностїю; Ты обѣщалЪ внимати смиреннымЪ и постояннымЪ прошенїямЪ.

2е. Для сохраненїя его, я буду тщательно убѣгать всего того, что можетЪ во мнѣ ему препятствовать, всякаго грѣха, всякаго преступленїя, всякаго сопротивленїя сей Благодати.

3е. Я буду всегда истреблять всякое сомнѣнїе, могущее возмутить сїе спокойствїе вЪ сердцѣ моемЪ. Всякое сомнѣнїе есть снѣдающїй червь и начало погибели.

4 е. Когда буду я претерпѣвать внутреннія мученія и смятенія, то принесу я ихъ въ жертву въ духѣ удовлетворенія за грѣхи мои: по толикихъ преступленіяхъ и сопротивленіяхъ я не заслуживаю вкушать сіе спокойствіе.

5 е. Для очищенія души моей и для ея успокоенія, я приступлю ко Святымъ Тайнамъ, и почерпну изъ потоковъ мира сіи спасительныя воды, которыя протекаютъ до вѣчной жизни.

Наипаче буду я молить о дарованіи мнѣ спокойствія души въ послѣднія минуты долженствующія окончить теченіе мое, дабы церковь могла тогда принести за меня сію утѣшительную молитву: *упокой Господи.*

ЧТЕНІЕ ТРИДЕСЯТЬВТОРОЕ.

О любви Божіей.

О человѣкъ, созданный Богомъ по образу и по подобію Его! Вотъ важное и непремѣнное поученіе предписанное тебѣ Творцемъ бытія твоего для приведенія тебя до меты твоего блаженства. *И да любиши Господа Бога твоего, отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и отъ всея силы твоея* (а). Отецъ хочетъ любимъ быть какъ отецъ, другъ хочетъ любимъ

(а) Второзак. 6.

быть какъ другъ, Царь хочетъ любимъ быть какъ Царь, и Богъ хочетъ любимъ быть какъ Богъ; то есть, мы должны любить Его во всемъ, прежде всего, превыше всего, преимущественно предъ всемъ. Любви надлежитъ быть соразмѣрной любимому благу: естьли благо не велико, то и любовь будетъ слаба, естьли благо драгоцѣнно, то и любовь будетъ горячѣе; естьли благо безконечно и безмѣрно, то и любовь, естьли возможно, долженствуетъ быть безмѣрна и безконечна какъ оно: а какъ Богъ есть безконечно превыше всякаго другаго блага; то и любовь наша къ Нему должна быть превыше всякой другой любви. Слѣдовательно должны мы Его любить превыше всѣхъ вещей, больше нашихъ имуществъ, поелику они земныя; больше нашихъ друзей, поелику они смертные; больше нашей жизни, поелику она гиблющая; больше насъ самихъ, поелику мы сами принадлежимъ Ему: *и да любиши*; вотъ какова сія преимущественная любовь столь часто упоминаемая, столь часто прославляемая, но никогда довольно неодуманная и никогда довольно неупотребленная въ дѣйство.

Но сія столь совершенная любовь, въ чемъ состоитъ, и къ чему насъ обязываетъ? Она есть верховное почитаніе дающее Богу первое мѣсто въ нашемъ сердцѣ;

она есть ненарушимая приверженность къ закону, повелѣвающему намъ предпочитать любовь Божію всякому другому благу, какое бы въ совмѣстничествѣ съ нимъ ни нашлось; она есть такое внутреннее расположеніе сердца, что естьли бы положить на вѣсы съ одной стороны любовь Божію, а съ другой престолы, вѣнцы, скиптры, и всѣ сотворенныя и возможныя блага, то бы ни на едино мгновеніе не задумалися отказаться, естьли потребно, отъ всякаго другаго блага, и избрать себѣ таковое Благодати; лучше бы согласилися отречься отъ вѣчнаго владѣнія тысящію мірами, нежели на едину минуту отъ любви Божія. Она есть неустрашимое намѣреніе души, расположенной лучше все предпринять, всемъ пожертвовать, все претерпѣть, нежели оскорбить чѣмъ любовь Божію; печали, мученія, мучители, смерть, тысячи смертей предстоящихъ ея взору, не были бы въ состояніи ее поколѣбать.

Такова есть любовь по превосходству требуемая закономъ; къ сей верховной любви относятся всѣ прочія любви Божія: любовь угожденія, она радуется о свойственныхъ и преизящныхъ благахъ, содержащихся въ самомъ Богѣ, о Его славѣ, о Его величіяхъ, о Его совершенствахъ, о Его блаженствѣ.

Любовь доброхотства, она желаетъ, что бы Богу поклонялись, что бы Онъ любимъ, услуженъ, прославленъ былъ во всей вселенной, сердцемъ и душею всѣхъ людей.

Любовь благодарности, она благословляетъ Бога за ниспосылаемыя обильно благодати, признавая Его милосердіе тому причиною.

Любовь покаянія, она стенаетъ изъ глубины сердца о томъ, что Бога или не любили, или Его прогнѣвляли; все сіе есть отрасли, происходящія отъ единаго корени ручьи, проистекающіе отъ единаго источника; то есть, *образы любить Бога* заключенные *отлично* въ любви по превосходству, которая содѣлываетъ достойнѣйшее Бого-поклоненіе, и точный смыслъ поученія: *да любиши*.

Но сія верьховная любовь столь возвышенная, столь совершенная, можетъ ли существовать въ семъ мірѣ? Мы столь слабы, столь несовершенны. Извѣстно, что въ небѣ, гдѣ узримъ мы Бога лицемъ къ лицу, гдѣ ничто не будетъ раздѣлять наше сердце, будемъ мы любить Его безъ раздѣленія; но въ семъ мѣстѣ странствованія, будучи подвержены толикимъ предметамъ насъ развлекающимъ, толикимъ искушеніямъ на насъ нападающимъ, толикимъ страстямъ

надъ нами господствующимъ, какъ возможно любить Бога въ такомъ пространствѣ?

О любви Божіей можно разсуждать, или относительно ея совершенства, или относительно ея существа: относительно ея совершенства, она долженствовала бы состоять въ чувствѣ безпрестаннаго, дѣйствительнаго, всегда горячаго, всегда пребывающаго усердія; въ непотеряніи никогда Бога изъ вида; въ содержаніи себя всегда предъ Божественными Его очами. Въ семъ смыслѣ, и подъ сею точкою зрѣнія, любовь не можетъ быть въ мірѣ семъ совершенная, а будетъ она таковою только въ небѣ. Нашъ разумъ будучи развлеченъ толикими упражненіями и толикими должностями на земли, не могъ бы быть всегда соединенъ съ Богомъ въ семъ дѣйствительномъ усердіи: но относительно ея существа, состоящаго въ предпочитаніи Бога всему, и въ готовности отрещися лучше отъ всего, нежели отъ Его благодати, въ такомъ смыслѣ сіе поученіе не только что возможно, но и ежедневно праведными исполняется самимъ дѣломъ: миліоны мучениковъ ознаменовали его своею кровію.

Боже мой, я бы весьма хотѣлъ Тебя любить: кажется, что я того желаю, что

любить Тебя было бы мое блаженство, мое утѣшеніе; но я не ощущаю въ себѣ сея любви: мое сердце бываетъ часто въ сухости, въ нѣкоемъ родѣ равнодушія, которое меня печалитъ и тревожитъ. Когда предстою я предъ Тобою, сердце мое ничего не чувствуетъ, ничего не говоритъ; я нахожусь въ разсужденіи Тебя подобно какъ безъ чувства и безъ души, я страшусь того, полно люблю ли я Тебя.

Для успокоенія нашего, различимъ чувствительную любовь отъ постоянной и искренной любви. Чувствительную любовь испытываютъ иногда въ нѣкоторыя минуты усердія, *пріятности*, *утѣшенія*; сердце *стремится къ Богу* со святымъ усердіемъ и сладостнымъ восхищеніемъ: но какъ сія любовь не отъ насъ зависитъ, то о ней и никакого повелѣнія нѣтъ. Можно любить Бога не вкушая сей чувствительной любви; многіе Святые не испытали ее никогда. Довлѣетъ намъ постоянная любовь; будемъ въ готовности всѣмъ пожертвовать, все претерпѣть, тысяче-кратно лучше умереть, нежели прогнѣвать Бога, и лишиться Его Святой любви. Впрочемъ возложимъ наше упованіе на Его Божественную благость.

Но любя Бога, возбраняетъ ли намъ любить что другое кромѣ Его? Никакъ,

Богъ отнюдь не хочетъ заглушить въ сердцахъ нашихъ другія чувства, и довести насъ до равнодушія обвиняемаго Имъ Самимъ гласомъ естества и разсудка. Онъ запрещаетъ намъ любить что другое, кромѣ Его, любовію независимою, къ одному предмету устремившеюся, и до Него непростирающеюся; но Онъ позволяетъ намъ любить другое любовію зависимою, подчиненною, и относящеюся къ Нему какъ къ своему концу. И такъ, родители, любите чадъ вашихъ; жены, любите мужей вашихъ; друзья, любите друзей вашихъ; но любите ихъ въ Богѣ, для Бога, и всегда меньше, нежели Бога, или короче сказать, любите Бога въ нихъ. Любовь Божія подобна великой рѣкѣ, текущей по пространной долинѣ; всѣ ручьи въ нее впадаютъ и учиняются ея данниками: сія великая рѣка изображаетъ любовь Божію текущую въ сердцѣ нашемъ, всѣ прочія благорасположенныя любви, подобно различнымъ ручьямъ, приходятъ, учиняются ея данниками, и изъявляютъ свое благоговѣніе Божественной любви, соединяющей ихъ всѣхъ въ неизмѣримомъ океанѣ обожаемыхъ совершенствъ. Такимъ образомъ любятъ Бога во всемъ, и все въ Богѣ.

По чему можно познать, что любятъ Бога? Я бы желалъ Тебя любить, о Боже

мой! и быть въ состоянiи увѣриться, что я Тебя люблю.

Остановимся, и воздержимся измѣривать глубину бездны. Вѣрнаго и точнаго тому знака нѣтъ въ семъ мiрѣ. Никто не знаетъ, чего онъ достоинъ, любви или ненависти; сiю тайну Богъ предоставилъ Себѣ. Совсѣмъ тѣмъ, вѣрная душа, снисходя твоей слабости, или твоей нетерпѣливости, открою тебѣ нѣкоторые знаки, хотя недостовѣрные, по крайней мѣрѣ утѣшительные. 1е. Искренно ли желаешь ты съ горячностiю любить Бога? Естьли сiе такъ, то успокойся; горячее желанiе какой вещи не далеко *отстоитъ* отъ полученiя ее, *когда* для полученiя ее довольно того, что бы ее пожелать. 2е. Съ удовольствiемъ ли мыслишь ты о Богѣ? Любишь ли ты о Немъ слушать и воспоминать? Естьли сiе такъ, утѣшься. Естьли же ты помышляешь часто съ радостiю о мiрскомъ, то подвергаешься ты великой опасности. 3е. Имѣешь ли ты великое омерзѣнiе ко грѣху? Почитаешь ли ты его наивеличайшимъ нещастiемъ? Надѣйся; нѣтъ знака любви ощутительнѣе, какъ опасность не любить. 4е. Сохраняешь ли ты заповѣди Господни? Стараешься ли ты исполнять Святые Его уставы? Не тревожься; Самъ Iисусъ Христосъ сказалъ намъ, что тотъ

Его любитъ, кто наблюдаетъ Его повелѣнія. Впрочемъ, надлежитъ только любить Бога, а знать то нѣтъ никакой надобности. Благотвореніе гораздо лучше, нежели о немъ свѣденіе, могущее льстить самолюбію, и похитить у тебя изъ рукъ сокровище, естьли ты обнадежился имъ владѣть.

Сколь бы мы блаженны были, естьли бы, соединя всѣ сіи великіе предметы въ одну точку зрѣнія, могли мы понять, что такое есть чувство совершенной любви Божіей, дабы образовать его теперь въ сердцахъ нашихъ; естьли бы могли мы познать его важность, красоту, достоинство, преизящность, превосходство и цѣну! Воспріимемъ его предъ Богомъ.

Оно есть наисвятѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій жизни, совершеннѣйшее расположеніе сердца, наивеличайшее ироическое чувство души, наидостойнѣйшее упражненіе закона, высочайшее дѣлопроизводство христіанства, святѣйшее дѣяніе, какое только простое твореніе учинить можетъ, наиславнѣйшее жертвоприношеніе Богу; оно наиболѣе всего уподобляетъ насъ существамъ небеснымъ; оно отверзаетъ намъ входъ въ сердце Самаго Бога, и возноситъ уже насъ нѣкоторымъ образомъ на небо, сущихъ еще земныхъ обитателей.

Чувство совершенной любви къ Богу есть нѣчто столь важное, столь превосходное, что оно содержитъ въ себѣ цѣну всѣхъ благодатей, достоинство добродѣтелей; скажемъ больше, сіе единственное чувство способно истребить ужасъ всѣхъ грѣховъ. Естьли составимъ мы чувство совершенной любви съ желаніемъ Святыхъ Таинъ, то хотя бы мы погружены были во всѣ пороки, во всѣ преступленія, въ едино бы мгновеніе всѣ наши согрѣшенія заглажены были; и, естьли бы въ сію минуту случилось умереть, и сіе чувство любви было бы совершенно, то сія душа пошла бы *наслаждаться присутствіемъ Небеснаго Жениха.*

О человѣки! кто бы вы таковы ни были, любите Господа, и для того только живите на земли что бы Его любить, и привести себя въ состояніе любить Его во вѣки. Для кого истощаете вы ваши чувства и ваши сердца? Что вамъ останется нѣкогда отъ всѣхъ земныхъ и гиблющихъ склонностей? Онѣ занимали, тревожили, смущали ваши сердца; но удовольствовали ли и наполнили ли онѣ ихъ когда? Любите Господа вашего всѣмъ вашимъ сердцемъ; любите Его до послѣдняго издыханія жизни, и послѣднее издыханіе жизни да будетъ воздыханіемъ любви къ Богу.

ИЗЛІЯНІЕ СЕРДЦА

къ любви Божїей.

Повергаясь предъ Тобою, о Боже мой! въ присутствіи Святыхъ Твоихъ Ангелъ, предъ лицемъ неба и земли, признаюсь я, что я пребываю въ мірѣ для любленія только Тебя, что единственно въ семъ намѣреніи и на сей конецъ даровалъ Ты мнѣ бытіе и жизнь.

Я признаюсь съ прискорбностію души моей, и съ стенаніемъ сердца моего, что я Тебя не любилъ, а чрезъ то погубилъ и посрамилъ время моей жизни и чувства моего сердца.

Я желаю наконецъ съ сея минуты Тебя любить отъ всего моего сердца, и жаромъ сея любви вознаградить потерю толикихъ лѣтъ протекшихъ безъ любви къ Тебѣ.

Вотъ какой любви я у Тебя прошу, и какую желаю я имѣть возможность Тебѣ принести. Любовь совершенную; поелику я не хочу уже ни ограничиванія, ни раздѣленія.

1е. Любви живой и горячей; любовь есть огнь, а огнь скоро погаснетъ, естьли онъ ослабѣетъ. Любить Бога во всемъ, прежде всего, превыше всего; сей огнь да

возжетъ и воспламенитъ во мнѣ все, мой духъ, мое сердце, мои склонности, мои дѣянія; да будутъ слова мои словами огненными, мысли мои сильными пламями, мои желанія горящими воздыханіями; да буду я жить и дышать только симъ огнемъ; да будетъ сей огнь моею пищею, душею моей души, жизнію моего сердца: блаженна жизнь сердца, живущаго только сею любовію.

2е. Любви великодушной, способной, естьли потребно, къ великимъ пожертвованіямъ, которая была бы въ состояніи все предпринять, всего отрещися, всего лишиться, а наипаче все претерпѣть. Любовь Божественная не щадитъ своихъ жертвъ: она ведетъ души на Голгоѳу; и тамъ представляетъ имъ чашу, она напояетъ ихъ ея горестію, она орошаетъ ихъ ея кровію. Но сію чашу пріемлютъ онѣ изъ рукъ Жениха; сію горесть превращаетъ Онъ въ сладость; изъ сей крови творитъ Онъ душамъ питіе безсмертія. Онъ ихъ любитъ, но Онъ ихъ очищаетъ. Святые содѣлываются не на Ѳаворѣ, но у подножія Креста: тамъ-то Онъ ихъ помѣстчаетъ; туда-то призываетъ Онъ любящихъ: одни только великодушныя сердца за Нимъ туда послѣдуютъ и тамъ останутся, прочіе же устрашатся и разбѣгутся; тамъ-то, о Боже мой! Боже люб-

ви, Боже страдающій и умирающій, остаешься Ты почти единЪ! Я буду тамЪ страдать и умирать сЪ Тобою. Увы! хотятЪ любить, а не хотятЪ ничего претерпѣть. Стенать, терпѣть и умереть, вотЪ участь любящихЪ, прочіе же, не только имѣть таковыя чувства, едва знаютЪ ихЪ названіе.

3е. Любви дѣйствительной возобновляющейся дѣяніями. Любить Бога, не есть сказать только, что Его любятЪ; любить Бога, не есть желать только Его любить; любить Бога, не есть испытать только нѣкоторую маловременную чувствительность сердца; но любить Бога, есть умереть самому себѣ, отторгнуться отЪ міра, отрешися отЪ всего сердцемЪ, разумомЪ и дѣломЪ, когда онЪ того требуетЪ. Любить Бога, есть наблюдать Его заповѣди, препоручить себя вЪ Его волю, возложить свое упованіе на Его провидѣніе, выдерживать Его испытанія. Любить Бога, есть управлять своими страстями, бороться сЪ своими склонностями, побѣждать свои отвращенія, то есть умереть всему. ВотЪ любовь дѣйствительная. Все прочее, сказать, желать, намѣреваться, и на томЪ остановиться, есть праздно-словіе, заблужденіе, мечтаніе любви: сіе не есть любовь. Естьли кто воистину

любитъ, то о томъ не уста, но сердце. дѣянія и пожертвованія сказываютъ, вотъ его языкъ: онъ говоритъ дѣлами.

Такъ любили Святые, Апостолы разсѣянные по всей вселенной, исповѣдники въ заточеніяхъ, мученики посреди пламяни, дѣвы въ обагренныхъ кровію Агнца одеждахъ; отшельники въ ихъ пустыняхъ! Ахъ! они могутъ сказать, что любятъ: но какъ мнѣ осмѣлиться сказать, о Боже мой! что я Тебя люблю, когда мои дѣянія или молчатъ, или тому противорѣчатъ? Подай мнѣ сію любовь, и сердце мое тогда сіе скажетъ, и Ты сіе услышишь.

4[е]. Любви чистой и безкорыстной. Дабы любить Бога, но единственно для Него Самаго, поелику Онъ благъ, любезенъ, совершенъ, поелику Онъ есть Богъ. Любить Бога, и въ Богѣ ничего другаго не любить и не вкушать какъ единаго Бога: не имѣть въ виду ни Его даровъ, ни Его утѣшеній, ни Его награжденій; но Его Самаго, Его благость, Его преизящность, Его величія, Его безконечную доброту. Въ любви нѣтъ инаго награжденія, какъ любить всегда болѣе. Удалитесь отъ насъ сердца ограниченныя, сердца корыстолюбивыя, сердца наемническія, таковыя не достойны любить; они не знаютъ что та-

кое есть любовь; они посрамляютъ ея чувства. Явися намъ, о Боже мой! благость верховная, доброта превосходная, и затми всѣ суетные предметы, какъ восхожденіе солнца затмѣваетъ всѣ звѣзды. Ты единъ, о Боже мой! Ты единъ во всемъ, вездѣ, навсегда. Чего намъ болѣе искать и желать? Не довлѣетъ ли Бога нашимъ сердцамъ? И ненаполнятся ли сердца наши Богомъ?

5е. Любви прочной и постоянной: я имѣю только искру любви а желалъ бы имѣть величайшую кучу горящихъ угольевъ; сія слабая искра иногда загорается и скоро погасаетъ, а я желалъ бы имѣть непрестающее пламя. Боже мой! Ты всегда любезенъ, для чего я Тебя не всегда люблю? Почто сіи премѣны, сіи нерадѣнія? Иногда кажется мнѣ, что я Тебя люблю, иногда будучи тронутъ Твоею благодатію, говорю я Тебѣ, мню, отъ сердца: я Тебя люблю. Блаженные дни! пріятныя минуты! но сіи времена столь премѣнчивы, сіи минуты столь кратки; сія любовь столь непостоянна и столь ненадежна. Единъ день Тебя любятъ, о Боже мой! а другій нѣтъ; сего дня Тебя ищутъ, а завтра о Тебѣ и не помышляютъ; нѣкоторое время Тебя любятъ, а по томъ кажется забываютъ, что Тебя любили; что же

нашли въ Тебѣ отвратительнаго, и внѣ Тебя привлекательнаго? Красота всегда старинная и всегда новая, теряешь ли ты что изъ твоихъ прелестей? Не въ состояніи ли онѣ возбуждать безпрестанно новыя любви?

Единаго прошу у Тебя, о Боже мой! сей Святой, небесной и совершенной любви. Я не прошу у Тебя ни здравія ни жизни, ни какого другаго гиблющаго блага. Я прошу у Тебя Святой Твоей любви: знаю, что я ее не заслуживаю, что я содѣлался недостойнымъ ее, что я осквернилъ мое сердце; я не заслуживаю сію любовь; но Ты ее требуешь, *Ты ее достоинъ*, и я ее *желаю*: я Тебя не любилъ; но я еще живъ и дышу; я еще въ состояніи Тебя любить. Я могу еще сказать отъ сердца: Боже мой, я Тебя люблю. И такъ, я говорю сіе отъ всего пространства моего сердца и Его чувствъ; можетъ быть сіе въ первый еще разъ моей жизни; но я буду сіе говорить до послѣдняго моего издыханія.

Чувство любви.

По истинѣ, Боже мой, я Тебя люблю, и желаю Тебя любить всѣмъ мо-

имъ сердцемъ, всею моею душею и всѣми моими силами; я Тебя люблю, о красота, о благость высочайшая! и я желалъ бы въ сїю минуту, жаромъ любви моей, вознаградить все то время когда я Тебя не любилъ, возвратишь тѣ злополучные дни, когда я по нещастїю Тебя прогнѣвлялъ. Почто всѣ дни моей жизни не были посвящены Святой Твоей любви? Я бы тогда жилъ, а я тогда только умиралъ.

Боже мой, я Тебя люблю, и не только любить Тебя мнѣ самому, я желалъ бы, что бы любила Тебя вся вселенная; я желалъ бы всѣ сердца, привлечь къ Тебѣ всѣ существа; я желалъ бы что бы всѣ люди соединясь вмѣстѣ въ сихъ воспламененныхъ чувствахъ, говорили одни другимъ: да любимъ Бога, Онъ нашъ Отецъ, мы всѣ Его чада. Я бы желалъ нести до конецъ земли небесный свѣтильникъ Твоея любви, обратить всѣ народы, просвѣтить всѣ племена, возжечь вселенную. Я бы желалъ, что бы не было другаго чувства кромѣ таковаго Божественныя Твоея любви, что бы всѣ

сердца были горящими углями, что бы вся земля была обширнымъ пожаромъ; я бы желалъ, что бы сїя любовь продолжалась, доколѣ будутъ люди въ мїрѣ, до истребленїя тѣлъ и вѣковъ, и что бы отмщающїй огнь, долженствующїй истребить всю вселенную, былъ бы самый огнь Святыя Твоея любви, которой бы воспламенилъ все, сожегъ все, превратилъ все въ пепелъ; и что бы самый сей огнь для того только престалъ наконецъ сожигать на земли и во временности, дабы возгорѣться, оживиться, непрестанно существовать въ небѣ и въ продолженїи самой вѣчности. Симъ единымъ словомъ скажу я все, о Боже мой! я бы хотѣлъ любить Тебя самою тою же любовїю, какою Ты себя любишь: вотъ мое сердце, оно уже больше не мое. Живи въ немъ, царствуй въ немъ навсегда, и воцари въ немъ на вѣки вѣчную любовь.

Употребленїя въ дѣйство.

1е. Сколь возможно часто изъявлять самимъ дѣломъ любовь къ Богу.

2е. Во всѣхъ вещахъ, сколько можемъ, поступать по любви Божїей.

3е. При случаяхъ, сколько мы въ силахъ будемъ, станемъ внушать любовь къ Богу.

4е. Почасту станемъ соединяться сердцемъ со святыми въ небѣ, гдѣ любятъ они Бога столь совершенно.

ЧТЕНІЕ ТРИДЕСЯТЬТРЕТІЕ.

О раѣ.

Богъ сотворилъ человѣка, дабы учинить его щастливымъ, и во царствіи небесномъ пріуготовалъ Онъ ему его блаженство. Онъ помѣстилъ его на нѣкоторое время на земли, что бы подать ему способъ заслужить сіе благополучіе, которое Онъ ему не инако доставить хочетъ, какъ подъ видомъ награжденія; послѣ чего душа, вышедшая изъ рукъ Бога, долженствуетъ возвратиться въ Его объятія, и соединиться навсегда съ Творцемъ бытія своего: и вотъ въ чемъ состоитъ ея блаженство.

Мы узримъ Бога, мы будемъ Его любить, мы будемъ Его имѣть. Но мы узримъ Его ясно, мы будемъ Его любить совершенно, мы будемъ Его имѣть не опасаясь никогда Его лишиться.

Ie. Мы узримъ Бога, и сіе узрѣніе какіе преизящные предметы представитъ очамъ нашимъ!

Мы узримъ Бога, и въ Богѣ мы узримъ наконецъ откровенно сіи великія тайны, которыя въ теченіи нашей жизни подавали такое упражненіе нашей вѣрѣ, и которыя были для насъ сокрыты толикими облаками. сію Божественную Троицу лицъ во единомъ Существѣ; Бога вочеловѣчившагося и одѣяна нашимъ тлѣніемъ; Бога сокровеннаго подъ покровомъ таинства, и столь многія другія тайны до сего непонятныя всякому сотворенному разумному существу. Тогда все будетъ *ясно*, и изъ *мрачности вѣры* прейдемъ мы *ко свѣту* дѣйствительнаго лице-зрѣнія Божія.

Мы узримъ Бога, и въ Богѣ удивимся мы изліяніямъ Божественной Его благодати на насъ въ теченіи нашей жизни, и въ продолженіи плачевныхъ нашихъ заблужденій. Мы увидимъ толико явственныхъ знаковъ сего безконечнаго милосердія, воззывавшаго насъ съ такимъ стараніемъ послѣ нашихъ согрѣшеній, искавшаго насъ съ такимъ усердіемъ въ нашемъ отлученіи, ожидавшаго насъ съ такимъ терпѣніемъ въ нашемъ медленіи, принявшаго насъ съ такою любовію при нашемъ возвращеніи, подкрѣпившаго насъ до конца на стези святости

и истины. Мы узримъ со удивленіемъ отъ коликихъ опасностей, отъ коликихъ нещастій Богъ насъ столь часто предохранялъ. Мы узримъ, что тысяче-кратно находились мы на краю пропасти, и оставалось намъ только единожды ступить, дабы въ нее ввергнуться и погубить себя на вѣки. Рука Божія насъ удерживала, безъ чего бы мы пропали невозвратно. О благость! о любовь! Чѣмъ заслужили мы твои благосклонности?

Мы узримъ Бога, и въ Богѣ увидимъ до сего непроницаемыя причины провидѣнія, относительно управленія людей и сей вселенной; какими путями велъ Богъ своихъ избранныхъ; какими чудесами благодати Онъ ихъ спасалъ; для чего и какъ между людьми, одни озарены свѣтомъ вѣры, а другіе остались погружены во мракѣ заблужденія и тѣни смертной. Все сіе для насъ непонятно и темно; дождемся открытія всѣхъ вещей. Великій день вѣчности истребитъ всѣ наши сомнѣнія, оправдаетъ Провидѣніе, и сниметъ завѣсу сокрывавшую все отъ очей нашихъ.

Мы узримъ Бога, и въ Богѣ будемъ мы обожать, и не торопясь разсматривать сіи любезныя, сіи Божественныя совершенства, сію восхищающую красоту, которая безпрестанно привлекать будетъ

къ себѣ очи и сердце избранныхъ, такъ что они никогда не наскучатся на нее смотрѣть, и никогда не насытятся ею наслаждаться; сію всегда старинную и всегда новую благость, которая безпрестанно будетъ представлять имъ новыя прелести, и подавать имъ вкушать новыя пріятности; сію верьховную премудрость, столь просвѣщенную въ ея намѣреніяхъ, столь вѣрную въ ея предпріятіяхъ, столь непроницаемую въ ея совѣтахъ, которая умѣла столь Божественно избрать средства соразмѣрныя ихъ концу, кротостію и силою довести все благополучно къ мѣтѣ; сіе всемогущество сотворшее изъ ничего сей міръ, повѣсившее вселенную въ воздухѣ, положившее непреступаемый предѣлъ волнамъ морскимъ, и все сіе однако же было только слабый опытъ его силъ и чудесъ. Оно предоставило себѣ въ небѣ, и въ пользу избранныхъ, изъявить силу руки своея, для доставленія имъ вкушать все изобиліе преизящнѣйшихъ сладостей.

Мы узримъ Бога, и мы узримъ Его лицемъ къ лицу, безъ покрывала, безъ затмѣнія, въ самомъ Его видѣ. До сего, будучи въ семъ мѣстѣ изгнанія, мы видимъ Бога только въ Его твореніяхъ, въ Его изображеніяхъ, сквозь тѣни вѣры,

весьма несовершеннымъ образомъ. А тогда узримъ мы Его въ Немъ Самомъ, въ сіяніи Его существа, во всемъ блистаніи сего свѣта славы, которымъ мы окружены и яко облечены будемъ. О Боже! какое изобиліе свѣтлости изліется на душу нашу, вышедшую изъ мраковъ столь продолжительной ночи! О минута! о день вѣчности! какою ясностію блеснешь Ты очамъ нашимъ въ сіяніяхъ славы!

9е. Мы узримъ Бога и будемъ Его любить. Могутъ ли очи видѣть верьховное благо, источникъ всѣхъ благъ, безъ сердечнаго восхищенія?

Мы будемъ любить Бога, и мы будемъ любить Его всѣмъ нашимъ сердцемъ; всѣ наши склонности обратятся къ Нему, и съ какимъ же жаромъ? Камень стремящійся къ своему средоточію, огнь поднимающійся къ своей окружности, суть слабое подобіе дѣятельности, восхищеній, съ каковыми несется наше сердце къ верховному предмету, привлекающему Его къ себѣ для воспламененія себя Его Божественнымъ Его жаромъ. Мы будемъ любить Бога, кромѣ Его никого ужѐ любить не будемъ, и будемъ любить все въ Богѣ. Сердце наше не будетъ ужѐ раздѣляемо Его чувствами, ни отвращаемо Его склонностями; единый Богъ будетъ Его занятіемъ и средоточі-

емЪ. ОнЪ былЪ предметомЪ всѣхЪ нашихЪ желаній, ОнЪ будетЪ и концемЪ оныхЪ.

Мы будемЪ любить Бога, и мы будемЪ любить Его достойнымЪ Его образомЪ, и такою любовію какЪ любитЪ ОнЪ Самаго Себя. Мы любили Его вЪ семЪ свѣтѣ; но, увы! сколь желаніе наше было слабо! сколь оно было несовершенно! Мы о томЪ воздыхали, мы о томЪ скорбѣли. Наша душа полетитЪ тогда кЪ Богу, любя Его столько, какЪ любить она способна.

Мы будемЪ любить Бога, и мы будемЪ увѣрены, что Его любимЪ. ВЪ продолженіи сей жизни мы желаемЪ любить Бога: но не зная точно *любимЪ ли мы Его дѣйствительно*, мы трепещемЪ вЪ сей неизвѣстности, и сія любовь долженствующая насЪ услаждать, содѣлывается нѣкоторымЪ образомЪ нашимЪ мученіемЪ. А тогда удостовѣрясь о нашихЪ чувствахЪ, мы будемЪ любить Бога, и все наше желаніе будемЪ любить всегда болѣе, воспламеняться всегда болѣе преизящнымЪ Его жаромЪ, погружаться всегда глубже вЪ огнь Божественныя любви.

Мы будемЪ любить Бога, и мы соединимся со святыми, дабы любить Его всѣмЪ совокупно, дабы взаимно сорадоваться блаженству Его любить, дабы возбуждать одни другихЪ кЪ сей святой любви, и со-

единеніемъ толикихъ огней умножить ихъ пламя и жаръ.

О любовь, о угли горящіе, о Божественное пламя! возжги, сожги насъ предварительно симъ небеснымъ огнемъ.

3e. Мы узримъ Бога; зря Его, мы будемъ Его любить; любя Его, мы будемъ имъ наслаждаться: вотъ мета и совершенство всякаго блаженства.

Мы будемъ наслаждаться Богомъ, а въ Богѣ всѣми благами, богатствами со всѣми ихъ сокровищами, почестями со всѣми ихъ блистаніями, увеселеніями со всѣми ихъ пріятностями; мы будемъ имѣть не только все то, чего мы желаемъ, но еще все то, что потребно къ нежеланію ничего; какъ бы безмѣрны ни были наши желанія, мы будемъ удовлетворены выше самихъ нашихъ желаній. Тогда-то въ полнотѣ всѣхъ благъ почувствуемъ мы сказанное Пророкомъ: *насыщуся внегда явитимися славѣ Твоей* (а).

По истинѣ, во царствіи небесномъ, всѣ блага, всѣ увеселенія, всѣ сокровища соединятся вдругъ въ одномъ и томъ же сердцѣ, для доставленія ему наслажденія всѣми ихъ пріятностями и во всѣ минуты.

(а) Псал. 16.

Мы будемъ наслаждаться Богомъ, а въ Богѣ всѣми благами, безъ всякаго примѣса золъ. Въ семъ свѣтѣ, увеселенія бываютъ всегда напоены нѣкоторою горестію; нѣтъ никогда чистой радости, нѣтъ никогда пріятности безъ помѣшательства. Во царствіи же небесномъ совсѣмъ инако; тамъ нѣтъ никогда ни смущенія, ни отвращенія, ни скуки, ни печали, ни безпокойствія, и ни единое изъ золъ жизни не нарушитъ тихаго и непремѣннаго наслажденія симъ блаженствомъ: *ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ къ тому* (а).

Мы будемъ *наслаждаться Богомъ*, и въ Богѣ всѣми благами навсегда, не опасаясь когда либо ихъ потерять. О! кто можетъ постигнуть какую безмѣрную важность славы присовокупляетъ къ раю надежность сего блаженства, безмѣрнаго по его полнотѣ, и безпредѣльнаго по его продолженію? Доколѣ существуетъ небо, оно всегда существовать будетъ; доколѣ Богъ будетъ Богомъ, оно будетъ всегда тѣмъ, что оно есть во всѣ вѣки; далѣе вѣковъ, и милионы лѣтъ и вѣковъ, избранные пребудутъ съ Богомъ и въ Богѣ: всегда ве-

(а) Апокал. 21.

лики, всегда богаты, всегда блаженны. Ихъ вѣчность казаться будетъ ежеминутно начинающеюся, и они ежеминутно вкушать будутъ сладости цѣлой вѣчности. Ихъ блаженство основанное, созданное на вѣчности и непремѣнности Самаго Бога, Творца его, будетъ безконечно: *и царствiю Его не будетъ конца* (а). о небо! о существо всевысочайшее! о слава преизящная! Смертныя творенiя не могутъ никогда постигнуть сего блаженства, хотя они и для наслажденiя имъ созданы: *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша* (б).

Размышленiе о томъ же.

1е. Что творимъ мы для заслуженiя царствiя небеснаго?

2е. Какiя будутъ чувства души при вступленiи въ царствiе небесное? Ты, о Боже мой! для того только произвелъ меня на земли, что бы войти въ царствiе небесное; и такъ всѣ дни моей жизни долженствуютъ употреблены быть не прiуготовленiе меня къ тому. Воздвигни мой умъ къ размышленiю о вѣчныхъ веселiяхъ; вос-

---

(а) Лук. г.

(б) Корине. 2.

пламени мое сердце къ желанію и къ заслуживанію вѣчнаго ими наслажденія.

Статья первая.

1е. Итакъ истинно, что созданы мы для блаженства безмѣрнаго, блаженства презящнаго, блаженства вѣчнаго; но будучи призываемы къ такому блаженству, почто желаемъ мы его столь мало? Будучи назначены къ безсмертной славѣ, едва о ней помышляютъ, едва ею занимаются. Все наполнено, все занято гиблющими благами, а вѣчныя блага и изъ вида потеряны. Всѣ мысли разума, всѣ желанія сердца клонятся къ земному. Прилѣпляются къ свѣту, къ свѣтскимъ благамъ, къ свѣтскимъ забавамъ; жизнь проходитъ въ заблужденіяхъ, гоняясь за мечтами. Величайшая ненасытность земными вещами восхищаетъ сердце, а небесныя едва привлекаютъ на себя нѣкоторыя воззрѣнія. О люди ослѣпленные! намъ надобно или желать меньше, или желать больше. Станемъ желать меньше ложныхъ благъ насъ соблазняющихъ, и больше истинныхъ и твердыхъ благъ, которыя единыя въ состояніи содѣлать насъ блаженными.

Призываемъ будучи къ столь великому блаженству, къ блаженству самаго Бо-

га, какимЪ образомЪ старался я учиниться его достойнымЪ? Что дѣлалЪ я кЪ заслуженію его? Какія попеченія, какіе труды, какія преодолѣванія я ему посвятилЪ? Гдѣ тѣ добродѣтели, которыми я занимался, тѣ пожертвованія, которыя я сдѣлалЪ, тѣ побѣды, которыя я одержалЪ для полученія сего верьховнаго блаженства, по которомЪ единственно долженствую я воздыхать?

Чего не сдѣлалЪ и не претерпѣлЪ БогЪ для заслуженія намЪ царствія небеснаго, и для обязанія насЪ самихЪ его заслуживать? Его мученія, Его слезы, Его кровь, Его самая смерть, что намЪ сказываютЪ, и какій гласЪ подаютЪ намЪ слышать? Чего не сдѣлали и не претерпѣли Святые для учиненія себя достойными сего вѣнца славы? Одни жили вЪ пустыняхЪ и уединеніяхЪ; другіе во удовлетвореніе за грѣхи свои вели суровѣйшее и строжайшее житіе; иные подобно какЪ погребли себя живыхЪ вЪ пещеры: сколько еще другихЪ на мѣстахЪ казней, посреди пламяни, почитавшихЪ за благополучіе претерпѣвать наивеличайшія мученія вЪ ожиданіи ободряющихЪ ихЪ награжденій? Инаго ли царствія небеснаго они ожидали, нежели я? Другія ли имѣли они надежды? Не на самой ли тотЪ конецЪ, и не для самаго ли

того блаженства сотворенъ и я? Что сдѣлалъ я для заслуженія его?

Самые прилѣпившіеся къ свѣту, чего ежедневно не дѣлаютъ для скудельныхъ и гиблющихъ благъ? Они изнуряются, истощеваются отъ неусыпныхъ попеченій и трудовъ; нѣтъ старанія, котораго бы они не употребили, нѣтъ усилія, котораго бы они не сдѣлали, нѣтъ средства, котораго бы они не испытали для воздвиженія зданія нѣсколько-дневнаго щастія, подвергаясь опасностямъ, преткновеніямъ, погибелямъ; ничто ихъ не останавливаетъ, ничто ихъ не удерживаетъ; и за чѣмъ же они гонятся? *И для чего они изнуряются? Да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ* (а). И увѣрены ли еще они и таковый получить? Сколько находится такихъ, которые гоняются и изнуряются тщетно? А мы могущіе удостоиться вѣнца нетлѣннаго, что дѣлаемъ, что претерпѣваемъ для пріобрѣтенія его? Чада Свѣта, доколѣ намъ допускаться обвиняемыми быть чадами тьмы? Они употребляютъ все для достиженія благъ ненадежныхъ, ложныхъ и обманчивыхъ; мы же, назначенные ко благамъ верховнымъ, вѣчнымъ, мы не радимъ о пріобрѣтеніи ихъ; мы безпрестанно под-

(а) 1. Коринѳ. 9.

вергаемся опасности лишиться ихъ навсегда. Гдѣ наша вѣра?

Призываемъ будучи къ таковому блаженству, что дѣлаю я на земли, естьли не стараюсь я о заслуженіи царствія небеснаго? Почто мнѣ здѣсь и жить, естьли имѣть попеченіе о смертной только жизни? Мнѣ извѣстно, что все находящееся въ семъ свѣтѣ долженствуетъ нѣкогда кончиться; что Богъ сотворилъ новое небо и новую землю для вѣчнаго пребыванія избранныхъ. Я знаю, что *не имамы бо здѣ пребывающаго града* (а). И такъ надлежитъ намъ почитать себя въ семъ свѣтѣ изгнанниками, желающими возвратиться въ небесное отечество: *но грядущаго взыскуемъ.*

Статья вторая.

Какая будетъ радость душѣ при вступленіи ея въ царствіе небесное? Какая минута! Какія восхищенія! вотъ наконецъ, скажетъ она въ себѣ, увѣрена я о моей участи, я достигла до меты моихъ желаній, я получила навсегда верьховное благо, я съ моимъ Богомъ, я наслаждаюсь моимъ Богомъ, я буду вѣчно жить и цар-

(а) Евр. 13.

ствовать въ Его нѣдрѣ со избранными. Наконецъ вотъ уже прошли сіи дни покровенные облаками, сіи дни сраженій. Надобно было нѣсколько лѣтъ воздыхать, терпѣть, дѣлать себѣ насиліе. О труды! о сраженія! о претерпѣнія! сколь щедро вы награждены! Боже милосердый! сколь мнѣ пріятно быть съ Тобою! Я наслаждаюсь Твоимъ присутствіемъ, ничто впредь меня отъ Тебя отлучить не можетъ. Сія единственная мысль, сія первая минута достовѣрности и радости не будетъ ли въ состояніи замѣнить душѣ труды, испытанія всей ея жизни, и заставить ее воскликнуть съ Апостоломъ: *яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (а). Всѣ труды жизни не значатъ ничего въ сравненіи послѣдующей и награждающей ихъ славы.

О святый Сіоне! о небесный Іерусалиме! Буду ли я нѣкогда имѣть щастіе въ тебѣ обитати? Буду ли я нѣкогда имѣть часть со избранными? Ахъ! естьли буду я когда введенъ въ сіе небесное отечество, что стану я тогда мыслить о всѣхъ суетахъ, о всѣхъ заблужденіяхъ, о всемъ

(а) Рим. 8.

ничтожествѣ сего міра? Сколь буду я собою доволенъ за соблюденіе закона Господня? Сколь будетъ мнѣ пріятно, что претерпѣлъ я нѣчто на земли для заслуженія вѣчнаго блаженства! Сколь будетъ мнѣ утѣшительно, что я отставъ отъ множества людей, шелъ узкимъ путемъ доведшимъ меня къ сему блаженному пристанищу! Сколь будетъ для меня славно, что буду я навсегда причисленъ ко другамъ Божіимъ, воспѣвать вѣчную пѣснь хваленія, совокупно съ блаженными духами! Возъимѣй попеченіе, о душа моя! о сихъ небесныхъ благахъ; вознесись къ обиталищу живыхъ; питайся сею небесною мыслію въ продолженіи сей жизни; она доставитъ тебѣ пріятнѣйшія выгоды для будущей.

1е. Она будетъ для насъ средствомъ спасительнымъ для удаленія насъ отъ всѣхъ мірскихъ благъ: блага скудельныя, блага ложныя, блага обманчивыя, что вы такое въ сравненіи съ благами твердыми, благами безмѣрными представляемыми намъ небомъ? Заслуживаете ли вы названіе блага? Какихъ золъ бываете вы пагубнымъ источникомъ? Нѣтъ, я не признаю и не желаю другихъ благъ кромѣ вѣчныхъ; все же преходящее ничего для меня не значитъ.

2е. Средствомъ спасительнымъ для нашего утѣшенія во всѣхъ тягостяхъ и печаляхъ жизни. Онѣ нѣкогда окончатся, а награжденіе за нихъ останется вѣчно. Нѣкоторые дни претерпѣнія, доставляющіе намъ прочное блаженство, суть для насъ благодать и выгода. Колико Святыхъ обязаны спасеніемъ своимъ ихъ печалямъ, и вѣнцемъ своимъ ихъ сраженіямъ! Безъ напастей пребыли бы они вѣчно нещастными.

3е. Средствомъ дѣйствительнымъ для сопротивленія искушеніямъ, для удержанія страстей, думая, что въ самую ту минуту, какъ станемъ мы предаваться удовлетворенію грѣховныхъ нашихъ пожеланій, можемъ мы похищены быть изъ сего свѣта, и что пагубная минута удовольствія можетъ лишить насъ вѣчнаго блаженства.

4е. Средствомъ надежнымъ для умягченія жестокостей смерти. Естьли, какъ мы уповаемъ, долженствуетъ послѣдовать за нею блаженная вѣчность, то почто намъ такъ ее страшиться, и ею тревожиться? Естьли, по выходѣ изъ сего мѣста изгнанія, царствіе небесное будетъ истиннымъ нашимъ отечествомъ, оставимъ сіе мѣсто изгнанія безъ сожалѣнія и прискорбности. Мы въ немъ только страдаемъ, воздыха-

емъ, прогнѣвляемъ Бога; а смерть ведетъ насъ ко пристанищу спасенія. Принесемъ Богу нашу жертву, возложимъ надежду на Его милосердіе, что онъ облегчилъ ее Своею благодатію.

И такъ вознесемся до сей важной мысли о назначенномъ намъ блаженствѣ; она, будучи часто призываема, часто принимаема въ разсужденіе, заставитъ насъ воздыхать по сихъ превиящныхъ благахъ; она обяжетъ насъ къ нимъ пріуготовляться; она сама будетъ насъ къ нимъ пріуготовлять. Благодать внушающая ее намъ будетъ залогомъ возвѣщаемой славы. Мы ужѐ слишкомъ прожили на земли, пора ужѐ небу привлекать къ себѣ всѣ наши взоры; оно долженствуетъ быть предметомъ всѣхъ нашихъ желаній.

МОЛИТВА.

Ты меня сотворилъ для царствія небеснаго, о Боже мой! душа моя создана для наслажденія навсегда Тобою: не попусти содѣлаться мнѣ недостойнымъ сего блаженства, и ложнымъ земнымъ благамъ совратить меня когда съ пути царствія небеснаго, куда Ты меня призываешь.

О Святый Сіоне! о преславный граде Божій! когда пріидетъ тотъ блаженный день, въ который могу я въ тебя преселиться? *Когда пріиду и явлюся лицу Твоему* (а)? Въ семъ ожиданіи дни кажутся мнѣ годами, а годы вѣками, жизнь мнѣ въ тягость; я живу только сею усладительною надеждою. *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ* (б). Я нахожу утѣшеніе и радость въ блаженномъ только возвѣщеніи сего дома Господня, куда уповаю я нѣкогда введенъ быть, дабы пребывать въ немъ во вѣки. *Въ домъ Господень пойдемъ.*

ЧТЕНІЕ ТРИДЕСЯТЬЧЕТВЕРТОЕ.

О твердомъ пребываніи въ добрыхъ дѣлехъ.

Сіе чтеніе относится къ тѣмъ душамъ, которыя удалясь прежде грѣхами своими отъ Бога, имѣли потомъ щастіе возвратить покаяніемъ своимъ благодать Его; и

(а) Псал. 41.
(б) Псал. 121.

по мнѣнію моему наивеличайшая, дѣйствительнѣйшая, достойнѣйшая Бога побудительная причина къ обязанности твердо пребывать въ святомъ Ему служеніи, есть самая благость Божія, и вѣчная Ему благодарность за сіе спасительное обращеніе.

И такъ простираю я мое слово къ симъ душамъ: что вы прежде сего были? Что вы теперь? Что содѣлалъ Богъ для васъ и въ вашу пользу? Вы были въ состояніи грѣха, смерти и осужденія, удалены отъ Бога, враги Божіи, предметы Его гнѣва, пораженные Его проклятіями, достойные адскихъ мученій, и могущіе всякую минуту ввержены быть въ нѣдро злополучной вѣчности. Находясь въ семъ плачевномъ состояніи, въ которомъ заслуживали вы только дѣйствія правосудія и мщенія Божія, что Богъ для васъ содѣлалъ, и какими благодатями Онъ васъ предупредилъ? Онъ воззывалъ васъ съ благостію въ вашемъ убѣганіи; Онъ ожидалъ васъ съ непоколебимымъ терпѣніемъ въ вашемъ удаленіи; Онъ воспріялъ васъ съ неизреченною нѣжностію въ вашемъ возвращеніи: какія же тутъ благодати! Какое милосердіе! А за сіе какое обращеніе, какую признательность, какую любовь долженствуете вы имѣть къ Богу! Какую

вѣрность, какое постоянство, какую ненарушимую преданность кЪ Святому Его служенію! Сія единственно побудительная причина благодарности и любви, не должна ли привязать васЪ кЪ Нему на вѣки?

Естьли же, по таковыхЪ благодѣяніяхЪ, и по таковомЪ милосердіи, вы паки Его оставите, оскорбите, противЪ Его ополчитесь, то не должны ли будете вы почитать себя недостойными дышать и жить?

Что вы теперь? ВамЪ надлежитЪ почитать себя блудными сынами; вы ему во всемЪ подобны. *И такЪ, воспомяните о семЪ сынѣ, который былЪ прежде непо*слушливЪ, непокоренЪ и удалился отЪ наичадолюбивѣйшаго отца; но наконецЪ кЪ нему возвратился, былЪ милостиво принятЪ, осыпанЪ новыми благосклонностями, восприялЪ опять вЪ сердцѣ своего отца мѣсто, котораго учинился онЪ такЪ недостойнымЪ. Естьли бы сей сынЪ по столь великой и несказанной отЪ отца своего милости, впалЪ снова вЪ прежнія свои заблужденія, прогнѣвалЪ и оставилЪ бы еще сего нѣжнаго родителя, уязвилЪ и пронзилЪ бы его сердце новымЪ мечемЪ оскорбленія, то не почли ли бы вы его неблагодарнымЪ и ужаснымЪ извергомЪ?

И по сему, вотъ что были бы вы предъ очами Божіими, естьли бы оставили вы еще Господа, отъ Него удалились, Его опять прогнѣвали, словомъ, престали бы пребывать въ Его служеніи. Какимъ бы окомъ долженствовали вы тогда взирать на самихъ себя? Могли ли бы вы переносить собственные ваши взоры? И чего бы не надлежало вамъ ожидать впредь?

Что бы сіе произвело? и какія бы ужасныя слѣдствія отъ невѣрности вашей и отъ недостаточнаго наблюденія служенія Божія произойти могли?

1е. Тогда вы погубили бы всѣ заслуги пріобрѣтенныя вами прежде, плоды всѣхъ вашихъ трудовъ, всѣхъ вашихъ сраженій, всего того, что стоило вамъ возвращеніе ваше къ Богу: любовь Божія, благодать святотворная, всѣ ваши добродѣтели, всѣ ваши заслуги, всѣ собранныя ваши сокровища, все бы грѣхъ истребилъ и вырвалъ изъ рукъ вашихъ: вы сами, будучи доведены до состоянія бѣдности, нищеты духовныя, вмѣсто всѣхъ сихъ драгоцѣнныхъ благъ, имѣли бы только богатства гнѣва. Вотъ то плачевное и пагубное состояніе, до котораго довели бы васъ невѣрность и возвращеніе ко грѣху!

2е. Чрезъ не твердое пребываніе въ добрыхъ дѣлѣхъ, состояніе твое учинит-

ся предъ очами Божіими хуже, плачевнѣе, пагубнѣе, нежели было первое. Грѣхъ паки паденія ему весьма противенъ, поелику содѣлывается онъ съ большимъ свѣденіемъ, съ большимъ ухищреніемъ, съ большею неблагодарностію, послѣ явнѣйшихъ благодатей, послѣ торжественнѣйшихъ обѣщаній, послѣ намѣреній ознаменованныхъ кровію Самаго Іисуса Христа. Какое беззаконіе, и какое нещастіе!

3е. Не пребывая твердо въ добрыхъ дѣлѣхъ, учиняешь ты обращеніе твое къ Богу гораздо труднѣе. Какъ вторичтельно приходящія болѣзни бываютъ опаснѣе и пагубнѣе, такъ и раны душевныя отъ возобновленія бываютъ глубже и ядовитѣе. Укрѣпившіяся страсти, усилившіяся ко злу склонности, закоренѣвшія привычки: какія препятствія къ обращенію и покаянію! Какихъ сугубыхъ преодолѣній, какихъ великодушныхъ пожертвованій онѣ требуютъ! Можешь ли ты быть къ нимъ способенъ? И естьли съ меньшими препятствіями, не имѣлъ ты къ тому силы, то что бы съ тобою было, когда бы препятствія по нещастію умножились, а силы твои чувствительно ослабѣли?

4е. Ты бы страшился, что бы Богъ не отнялъ у тебя Своихъ преимущественныхъ и отличныхъ благодатей, которыми Онъ

тебя столь изобильно облагодѣтельствовалъ. Ибо отецъ жестоко оскорбленный неблагодарнымъ и непочтительнымъ сыномъ, захочетъ ли его предупреждать и отверзать ему свое сердце? Другъ обиженный и обезчестченный удобно ли сдѣлаетъ первые шаги къ премиренію? Государь оставленный и измѣненный ущедритъ ли отмѣнными своими милостями подданнаго мятежника, которымъ онъ имѣетъ причину быть столь недовольнымъ? Богъ есть твой Государь, твой другъ, твой отецъ; естьли ты по нещастію прогнѣвалъ и оскорбилъ Его еще, а наипаче послѣ того ужè, какъ Онъ возвратилъ тебѣ Свою любовь и Свое сердце, то долженствовалъ ли ты ожидать сихъ отличныхъ благодатей? Не надлежало ли тебѣ напротивъ того опасаться, что бы Онъ у тебя ихъ не отнялъ, дабы ты ихъ снова не употребилъ тщетно и во зло?

5е. Сверьхъ того скажу я еще съ трепетомъ, что чрезъ не довольно-твердое пребываніе въ добрыхъ дѣлѣхъ, содѣлалъ бы ты нѣкоторымъ образомъ подозрительными твое покаяніе, и твое обращеніе. Извѣстно, что Благодать не отнимаетъ власти грѣшить, и что послѣ и искренняго обращенія, можно опять впасть въ согрѣшеніе; что паки-паденіе не есть знакъ

ложнаго покаянія; сохрани Боже, что бы я захотѣлъ нанести душамъ смятеніе и боязнь: однако же паки-паденія, а наипаче не замедлившіяся, частыя, больше одуманныя, подаютъ нѣкоторую причину подозрѣвать прошедшія покаянія.

Дабы увеличить желаніе и стараніе о святомъ пребываніи въ добрыхъ дѣлехъ, а наипаче справедливою причиною любви и благодарности къ Богу, ты долженъ почитать себя нѣкоторымъ образомъ исторгнутымъ изъ ада дѣйствіемъ Божіей благости. Неоспоримо, что тотъ, кто воспрепятствовалъ бы намъ упасть въ пропасть, оказалъ бы намъ большее благодѣяніе, нежели бы онъ извлекъ насъ оттуда по нашемъ ужѐ паденіи. Самое сіе Богъ для насъ учинилъ. Грѣхами твоими ты заслужилъ адъ; Богъ, воспрепятствуя тебѣ въ него упасть, сдѣлалъ для тебя больше, нежели бы Онъ вывелъ тебя изъ него когда ты ввергся туда. И такъ, какое обращеніе, какую благодарность, какую любовь долженъ ты къ Нему имѣть? И какъ инако изъявить Ему сію благодарность и сію любовь, какъ не ненарушимою вѣрностію, и постояннымъ пребываніемъ въ святомъ Его служеніи? И что бы такое было, естьли бы тотъ, кому спасли жизнь извлекши его изъ пропасти, обратился бы противъ

своего благодѣтеля его спасшаго, сталъ бы его оскорблять и противъ его возставать? Вотъ какъ ужасенъ бы былъ и твой поступокъ противъ Бога, естьли бы ты, будучи милостиво предупрежденъ и спасенъ Его благодатію, сталъ прогнѣвлять Его снова, и обращать противъ Его самыя Его благодѣянія, которыми Онъ тебя предупредилъ и ущедрилъ.

Естьли таковыя побудительныя причины обрящутъ въ тебѣ сердце способное къ чувствамъ, то не долженствуютъ ли онѣ обязать тебя къ святому и ненарушимому пребыванію въ Его служеніи, привязать тебя къ Нему навсегда, рѣшить тебя лучше лишиться тысяче-кратно жизни, нежели Его оставить? Сверьхъ всего, тебѣ извѣстно, что не начало, но конецъ все рѣшитъ. Тотъ единственно спасется, кто твердо пребудетъ до конца въ добрыхъ дѣлехъ. *Претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (а).

(а) Матѳ. 10.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О средствахъ пребыванія въ добрыхъ дѣлѣхъ.

Я сіе понимаю, о Боже мой, Спаситель мой, верховный благодѣтель мой! Всѣ побудительныя причины обязываютъ меня ко святому пребыванію въ служеніи Твоемъ. Ты ущедрилъ меня великими Твоими милосердіями. Я, съ моей стороны, ничего такъ не желаю, какъ привергнуться къ Тебѣ на вѣки, и употребить къ тому всѣ средства, которыя зависѣть будутъ отъ меня, отъ моей вѣрности, отъ моихъ попеченій, отъ моихъ неусыпныхъ стараній. Вотъ каковыя наипаче вознамѣрился я принять и посвятить должной моей къ Тебѣ благодарности. Просвѣти меня въ моихъ предпріятіяхъ, подкрѣпи меня въ моихъ рѣшеніяхъ; помоги мнѣ исполнить мою обязанность.

1е. Первое средство, которое я употреблю, будетъ молитва. Зная, что пребываніе въ добрыхъ дѣлѣхъ есть даръ, и даръ драгоцѣннѣйшій изъ почерпаемыхъ изъ хранилищъ благодатей Твоихъ, и что никто не въ состояніи его достойно, а всѣ должны усердно просить его; то буду я ежедневно молить Тебя о немъ; я

молю Тебя о немЪ и вЪ самую сію минуту во всемЪ пространствѢ чувствЪ моихЪ. Сію благодать могу я получить единственно отЪ руки Твоея, вонми смиренному моленію моему и ниспосли мнѢ ее. Ты СамЪ повелѢваешь мнѢ просить ее у Тебя, сіе изЪявляетЪ, что Ты горячѢе желаешь мнѢ ее подать, нежели я самЪ ее получить. Я пріиму ее какЪ наивеличайшую благодать, наидрагоцѢннѢйшее сокровище, блаженство пріуготовляющее мнѢ верьховное блаженство. Услыши молитву мою, да исполнятся желанія мои.

2е. Я буду прилѢжно упражняться вЪ такихЪ разсужденіяхЪ, которыя возбудятЪ меня ко пребыванію вЪ добрыхЪ дѢлахЪ; я буду говорить самЪ себѢ: причины заставившія меня предать себя Богу, обратиться кЪ Богу, не всегда ли самыя тѢ же? БогЪ, Которому я служу, не всегда ли ОнЪ равно великЪ, благЪ, СвятЪ и совершенЪ, равно достоинЪ моего сердца и моего поклоненія? Евангеліе, которое я содержу, не всегда ли есть Святый законЪ, надежное правило долженствующее меня озарять и до конца руководствовать? Великія истины, которыя до меня коснулись, премѢнились ли? ТѢни смерти, которыя меня безпрестанно окружаютЪ, ужасы су-

да страшнаго, къ которому я всякую минуту позванъ быть могу, блаженная или злополучнаго вѣчность, до которой мнѣ нѣкогда достигнуть надобно, всѣ сіи важные предметы не долженствуютъ ли предстоять всегда взору моему и безпрестанно направлять стопы мои на стези спасенія? Я уповаю, что столь основательныя разсужденія утвердятъ меня во благѣ, и ополчатъ меня противъ моей слабости и моего непостоянства. *Поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (а).

3е. Средство. Неусыпное надзираніе надо мною, надъ моими тѣлесными чувствами, надъ моимъ сердцемъ, надъ моими порочными склонностями, надъ моими нещастливыми страстями, надъ всѣми моими поступками, надъ всѣми дѣяніями моей жизни, заблужденіями, искушеніями Діавольскими, дабы сей Ангелъ мраковъ не превторился Ангеломъ свѣтлымъ. Я знаю, что я всего долженъ страшиться отъ меня, и отъ враговъ моего спасенія, безъ непрестаннаго вниманія надо мною, буду я въ непрестанной опасности лишиться благодати моего Бога, и погубить себя на вѣ-

---

(а) Іис. Сир. 7.

ки. Святое неусыпное надзиранiе, ты всегда будешь открывать мои очи на всѣ сiи опасности, и при помощи Божественныхъ твоихъ озаренiй, потщусь я избѣгать сѣтей поставленныхъ мнѣ вездѣ для моей погибели. *Бдите, и молитеся* (а).

4е. Убѣганiе случаевъ: сiе средство необходимо для меня нужно. Нещастные опыты должны были заставить меня познать мою слабость и мою опасность. По истинѣ, Боже мой, я понимаю, чувствую, вижу, что не взирая на всѣ мои обѣты, намѣренiя, слова, естьли подвергнусь я снова случаю, то онъ меня погубитъ; поелику съ одной стороны будетъ онъ всегда представлять мнѣ одни и тѣ же предметы, а съ другой буду я всегда имѣть во мнѣ обыкновенную мою слабость. И такъ тѣ же предметы произведутъ почти тѣ же впечатлѣнiя, и тѣ же впечатлѣнiя ввергнутъ меня въ тѣ же нещастiя. Конечно, и хотя бы мы были столь премудры какъ Соломонъ, столь крѣпки какъ Самсонъ, но при случаѣ мы можемъ впасть въ согрѣшенiе. Увы! наитвердѣйшiе столпы поколѣблемы были. Вострепе-

(а) Матѳ. 26.

щемъ о насъ, слабыхъ и робкихъ простникахъ, и будемъ увѣрены, что единственно убѣганіе, а наипаче въ которыхъ случаяхъ, насъ сохранить и отъ опасности избавить можетъ.

5е. Средство пребыванія въ добрыхъ дѣлахъ. Мнѣ надлежитъ поставить себя выше свѣтскихъ сужденій, разговоровъ, призираній. Пагубная человѣко-угодность, коликимъ душамъ причинила ты плачевное кораблекрушеніе? Въ нѣкоторыя минуты, когда Благодать вѣщаетъ сердцу, взираютъ на свѣтъ презирающимъ окомъ, говорятъ съ Апостоломъ, *во избыткѣ* сердца своего, что ни свѣтскіе разговоры, ни посмѣянія, ни гоненія, ни всѣ твари соединясь вмѣстѣ, не могутъ отторгнуть насъ отъ Благодати: *извѣстихся* бо (а). Увы! не нужно что бы всѣ твари соединялись противъ меня; часто довлѣетъ едино слово, едино посмѣяніе, едина малость къ остановленію, къ нарушенію всѣхъ моихъ спасительныхъ предпріятій. Превратный міръ, доколѣ ложными заблужденіями колѣбать тебѣ постоянство чадъ Божіихъ? Божественный Спаситель,

---

(а) Рим. 8.

Ты изрекъ: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (а). Міръ есть Твой врагъ, какъ имѣть мнѣ къ нему довѣренность и его не опасаться?

6е. Средство. Частое воспріятіе Святыхъ Таинъ. По истинѣ, Боже мой, къ сему-то спасительному источнику буду я приходить почерпать потребныя мнѣ силы. Сіе-то есть единственное, или по крайней мѣрѣ наидѣйствительнѣйшее средство къ моему подкрѣпленію. Естьли оставляютъ сію статью въ нерадѣніи, то подвергаются быть неисправными во всемъ. Откладываютъ отъ дня на день, отъ мѣсяца на мѣсяцъ, и чѣмъ больше медлятъ, тѣмъ больше медлить желаютъ; а когда пропустятъ нѣкоторое время, то ужѐ почти и рѣшиться не могутъ. Между тѣмъ, будучи лишены сей помощи, и преданы собственной своей слабости, возчувствуютъ скоро печальныя слѣдствія. Ревность ослабѣетъ, неусыпное надзираніе надъ собою уменьшится, порочныя склонности возстанутъ; и когда представится какій нещастный случай, то подвергнутся опа-

(а) Матѳ. 10.

сности впасть вЪ нѣкую новую пропасть можетЪ быть навсегда. О душе моя! не удаляйся отЪ сихЪ вспомоществованій спасенія и жизни, дабы не лишиться вспомоществованій пріуготовляемыхЪ тебѣ тутЪ Благодатію, и не предать себя, безЪ защиты вЪ руки соединившихся противЪ тебя враговЪ. Питайся симЪ хлѣбомЪ жизни, симЪ хлѣбомЪ АнгельскимЪ, естьли желаешь жить жизнію Божіею.

7е. Средство есть молитва ко Пресвятѣй Богоматерѣ, Царицѣ АнгеловЪ. О душе моя! какЪ можетЪ у тебя когда не доставать сего сладостнаго чувства довѣренности кЪ наичадолюбивѣйшей матерѣ? Ты испытала ужѐ столь часто спасительныя отЪ того дѣйствія. И такЪ, естьли имѣла ты когда надобность просить сильнаго Ея заступленія у Бога, то не наипаче ли для полученія Ея ходатайствомЪ, драгоцѣнной благодати, благодати изЪ благодатей, таковой пребыванія вЪ добрыхЪ дѣлѣхЪ до самаго конца? Проси ее во всѣ дни твоей жизни; проси ее у Сей чадолюбивой Божіей Матери сЪ живѣйшимЪ усердіемЪ, и со всѣмЪ жаромЪ кЪ каковому только чувства твои способны быть могутЪ; Она отверзетЪ тебѣ благоутробіе Его милосердія, Она подастЪ

тебѣ руку помощи, Она исходатайствуетъ тебѣ обилїе небесныхъ вспомоществованiй. Одушевлясь чувствами сей несомнѣнной довѣренности, съ самой сей минуты изъяви Ей оныя и проси, чрезъ Ея ходатайство, сего святаго пребыванiя въ добрыхъ дѣлѣхъ, предмета твоихъ разсужденiй и желанiй.

МОЛИТВА

ко Пресвятой Богоматерѣ, о испрошенiи благодати пребыванiя въ добрыхъ дѣлѣхъ.

Къ Тебѣ прибѣгаю, Пресвятая Дѣво, съ моленiемъ о исходатайствованiи мнѣ величайшей, драгоцѣннѣйшей изъ благодатей, таковой, отъ которой зависитъ мой жребiй и вѣчное мое спасенiе, благодати святаго пребыванiя въ добрыхъ дѣлѣхъ. Воспомяни, Божiя Мати, что никогда во все теченiе вѣковъ не бывало, что бы кто прося Твоего заступленiя, оставленъ былъ, и моленiе его тщетно было: я прошу теперь о немъ всѣмъ пространствомъ

моего сердца. Безполезны были бы мнѣ всѣ исходатайствованныя Тобою мнѣ толикія благодати, естьли бы лишился я таковой пребыванія въ добрыхъ дѣлѣхъ; всѣ прочія послужили бы только къ вящшему моему въ сей временности обвиненію, въ разсужденіи малаго ихъ употребленія, и къ большему нещастію въ вѣчности, въ разсужденіи должнаго мнѣ за нихъ наказанія. И такъ исходатайствуй мнѣ, о Мати Божія! сію преизящную благодать увѣнчающую всѣ прочія благодати, и имѣющую наконецъ доставить мнѣ вѣнецъ славы. Аминь.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О Божіемъ посѣщеніи въ душахъ, или о различныхъ состояніяхъ, въ которыхъ души находиться могутъ.

Въ здѣшней жизни бываютъ времена сладостныхъ утѣшеній, и времена тягостныхъ испытаній. Богъ ведетъ души иногда на Ѳаворъ, а иногда на Голгоѳу. Въ порядкѣ благодати, равно какъ и въ порядкѣ

природы бываютъ дни и ночи: дни ясныя и ночи мрачныя; то есть, что Богъ пріуготовляетъ симъ душамъ, или посѣщенія утѣшительныя, или испытанія огорчительныя. Необходимо нужно знать какъ должно поступать въ сихъ различныхъ временахъ, дабы согласоваться съ Божіими намѣреніями, и не опечалить Духа Святаго въ сердцахъ нашихъ.

Что надлежитъ дѣлать во времена сладостныхъ утѣшеній?

Что надлежитъ дѣлать во времена тягостныхъ испытаній? Какіе плоды собрать съ однихъ и другихъ?

Статья первая.

Бываютъ времена сладостныхъ утѣшеній. Ясные и спокойные дни, когда солнце правды блистаетъ во всемъ своемъ сіяніи; когда оно обильно сообщаетъ душамъ благотворныя вліянія и спасительныя орошенія; когда въ молитвѣ, въ причащеніяхъ Святыхъ Таинъ; въ искреннихъ сообщеніяхъ съ Богомъ, вкушаютъ всѣ сладости небесной манны; когда преисполнены жаромъ, усердіемъ и огнемъ; когда восхитясь на Ѳаворъ, охотно гово-

рять съ Апостоломъ Петромъ: *добро есть намъ здѣ быти* (а).

Не таково есть намѣреніе Господне въ сіи благословенные дни, въ сіе столь утѣшительныхъ посѣщеній время.

Разсмотримъ что такое суть сіи дни въ намѣреніи Божіемъ, что долженствуютъ они быть въ разсужденіи нашей вѣрности, чѣмъ могли бы они учиниться по недостатку нашего соотвѣтствія: Какій предметъ нашимъ разсужденіямъ!

1е. *Что такое они суть въ намѣреніи Божіемъ: и что предполагаетъ Онъ тутъ для Своея славы и для нашего спасенія?*

Богъ предполагаетъ тутъ подать намъ понятіе о Его славѣ, о Его величествѣ, о Его велелѣпіи, о Его благости, о Его Божественныхъ совершенствахъ.

Богъ предполагаетъ тутъ привлечь насъ всегда болѣе къ Себѣ прелестію Своихъ даровъ, освященіемъ Своихъ благодатей и пріятностію Святаго Его служенія, привязать наши сердца, и утвердить

(а) Лук. 9.

насъ въ любви и производствѣ благихъ дѣлъ.

Богъ предполагаетъ тутъ можетъ предуготовить насъ къ нѣкоему великому пожертвованію, къ нѣкоему униженію, къ нѣкоему великому испытанію; Онъ предуготовляетъ насъ къ сраженію, и вооружаетъ насъ противъ поднимающейся бури. Сіе подобно плодоноснымъ годамъ въ Египтѣ; плачевное безплодіе скоро послѣдуетъ.

И такъ вмѣсто усыпленія въ тишинѣ, пребудемъ въ готовности, расположимся къ сраженію и выдерживанію испытаній, когда придетъ къ тому время.

2е. Время утѣшительныхъ посѣщеній: разсмотримъ, что долженствуютъ они быть въ разсужденіи нашей вѣрности; время признательности и благодарности къ Богу, время смиренія и недовѣрчивости къ намъ самимъ, время надзиранія и вниманія надъ нашимъ сердцемъ и надъ нашими чувствами; единымъ словомъ, время жатвы и собиранія плода для дней безплодія и оскудѣнія.

Воспомнимъ плачевный примѣръ дѣвъ юродивыхъ, нерадѣвшихъ о встрѣтеніи жениха, и за то недопущенныхъ на пиршество.

3е. Время утѣшительныхъ посѣщеній: разсмотримъ, что долженствуютъ они быть въ разсужденіи недостаточнаго нашего соотвѣтствія. Сіе время посѣщенія, столь святое само по себѣ, столь драгоцѣнное въ намѣреніяхъ Божіихъ, столь спасительное въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ нашею виною и нашимъ нерадѣніемъ учиниться временемъ заблужденія, временемъ искушенія, временемъ гордости, самолюбія, и слѣдовательно временемъ опасности и паденія.

Время заблужденія; Ангелъ тьмы можетъ преобразиться въ Ангела свѣтла, не всякій духъ есть духъ Божій. Надлежитъ остерегаться, что бы не взять необыкновенныхъ намѣреній, могущихъ произвести слѣдствія. Удобно сдѣлать тщетныя обязанности, принять тѣнь за свѣтъ, заблуждающій путь за истинный. Мудрость требуетъ не дѣлать ничего отъ себя и безъ совѣта, а все съ благоразуміемъ и съ основательнымъ разсужденіемъ. Сколько душъ такимъ образомъ заблудились, положась безмѣрно на свои силы, и понадѣясь слишкомъ на настоящія свои расположенія?

Время утѣшительныхъ посѣщеній можетъ содѣлаться временемъ искушенія.

Діаволъ найдя насъ тогда въ неосторожности, можетъ воспользоваться нашею безпечностію, насъ уловить, одною злою минутою отвлечи насъ на многіе годы, однимъ ударомъ нанести намъ многія опасныя раны; и послѣ нѣкоторыхъ мгновеній ложныхъ услажденій, заставитъ насъ проливать многія горестныя слезы.

Оно можетъ содѣлаться временемъ гордости и тщеславія. Любуются собою въ своемъ состояніи, питаютъ свое самолюбіе, присвояютъ себѣ дары Божіи, а чрезъ то употребляютъ ихъ во зло и ихъ превращаютъ. Сіе подобно женѣ, получившей отъ мужа своего въ даръ драгоцѣнные камни; она ими наряжается, украшается; она употребляетъ ихъ для пребыванія въ собраніяхъ, для привлеченія къ себѣ взоровъ и сердецъ. Супруга неблагодарная, неблагоразумная, увы, можетъ быть скоро и невѣрная! Въ таковыхъ положеніяхъ далеко ли отъ опасности, и не по краю ли пропасти ходятъ? *Тѣмже мняйся стояти, да блюдется да не падетъ* (а), сказалъ Святый Апостолъ Павелъ, и намъ надобно часто говорить са-

(а) 1. Корин. 10.

мимъ себѣ, что тотъ, кто стоитъ, долженъ остерегаться, что бы не упасть. Какъ же надлежитъ поступать въ сіе время утѣшительныхъ посѣщеній, дабы избѣгнуть сихъ нещастій и соотвѣтствовать намѣреніямъ Божіимъ?

1е. Надобно смириться предъ Господомъ, и почитать себя совершенно недостойными Его даровъ; мыслить, что естьли ниспосылаетъ Онъ намъ оные, то сіе единственно есть дѣйствіе Его благости, дабы подкрѣпить насъ въ нашей слабости и избавить насъ отъ паденія. Пріимемъ совѣтъ, онъ намъ потребенъ.

2е. Надобно остерегаться, дабы не безмѣрно прилѣпляться къ симъ Божіимъ дарамъ и не излишне ими наслаждаться; но напротивъ того надлежитъ относить ихъ всѣ къ Богу, яко ихъ началу и концу, почитать себя хранителями только оныхъ, и наипаче ходить, доколѣ пребываемъ мы во свѣтѣ, боясь, что бы не постигла насъ тьма.

3е. Надобно ожидать окончанія сихъ блаженныхъ временъ, сихъ утѣшительныхъ дней, быть весьма увѣренными, что послѣ свѣта, наступитъ мракъ; тишинѣ

послѣдуютъ бури. И такъ пребудемъ всегда въ готовности; врагъ спасенія обращается всегда около насъ, дабы сыскать добычу и ее пожрать. Соберемъ и не расточимъ сокровища, даруемыя намъ отъ Бога.

Со всѣмъ тѣмъ не должно собирать въ духѣ недовѣрчивости или собственности, чрезъ что дары Божіи уничтожаются. Манна, сохраненная до другаго дня, превращалася въ гнилость. Запасемся не изобиліемъ и собственностію, но смиреніемъ, неусыпнымъ стараніемъ, совершеннымъ препорученіемъ себя въ волю Божію; когда будемъ мы благодарны, то Богъ будетъ щедръ.

Статья вторая.

Въ служеніи Богу бываютъ иногда дни ясные, а иногда случаются дни мрачные, дни испытаній и сраженій. Молитвы становятся неусердными, утѣшенія изчезаютъ, усладительныя бесѣды съ Богомъ сокрываютъ свои прелести, источникъ внутреннихъ сообщеній кажется изсякшимъ. Время бурное настало, искушенія нападаютъ со всѣхъ странъ.

Въ такомъ случаѣ, душа питавшаяся нѣкогда млекомъ и медомъ, удивляется, мятется, тревожится, считаетъ все погибшимъ, и, подобно какъ изъ средины волнующагося моря, съ трепетомъ восклицаетъ: *Господи, спаси ны, погибаемъ* (а). Блаженна еще душа въ семъ состояніи, естьли прибѣгаетъ она къ своему Богу, и не предается самой себѣ и своимъ страхамъ.

Для чего же Богъ посылаетъ сіи трудныя посѣщенія, и что надлежитъ намъ дѣлать, дабы согласоваться съ Его намѣреніями? Богъ *хочетъ насъ испытать*, *очистить*, *подкрѣпить*, можетъ быть наказать, можетъ быть пріуготовить насъ усмиреніемъ къ нѣкоей великой благодати, къ нѣкоей новой милости. Благословимъ Его намѣренія; они клонятся единственно къ нашему блаженству, и требуютъ только нашего соотвѣтствія.

1е. Богъ хочетъ насъ испытать, и узрѣть способны ли мы къ пожертвованіямъ. Будучи спокойны часто дѣлали мы предъ Его олтаремъ величайшія увѣренія

(а) Матѳ. 8.

о вѣрности, уповая быть способными на все для Его славы и Святой Его любви. Онъ хочетъ узрѣть, будутъ ли дѣйствія отвѣтствовать словамъ, и уста ли или сердце говорило. Святый Апостолъ Петръ безъ сраженія былъ великодушенъ, но противъ перваго нападенія онъ не устоялъ; невѣрность его была скоро омыта его слезами.

2е. Богъ хочетъ насъ очистить. Какъ бы душа свята ни была, она всегда находитъ въ себѣ многіе недостатки. Наисовершеннѣйшіе предъ другими имѣютъ всегда множество несовершенствъ. Колико погрѣшностей, невѣрностей, сопротивленій Благодати? Колико безпечности, унынія, лѣности въ служеніи Богу? Увы! когда и самый праведный согрѣшаетъ седмь разъ въ день, то что же мы? И такъ, сіи-то погрѣшности, сіи-то безпечности хочетъ Богъ загладить посылаемыми намъ испытаніями, встрѣчающимися съ нами сраженіями, попускаемыми внутренними нашими прискорбностями. Симъ омываетъ Онъ нечистоты душъ нашихъ. Злато очищается огнемъ естественнымъ, а души огнемъ прискорбности, возвращающимъ имъ ихъ красоту и все ихъ блистаніе.

3е. Испытаніями Богъ хочетъ насъ укрѣпить. Древо, посажденное въ плодоносной землѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, подвержено колѣбанію и шатанію вѣтрами; естьли оно имъ сопротивляется, то чрезъ то становится оно крѣпче, а корьни его глубже и надежнѣе. Таково же есть дѣйствіе испытаній души. Будучи посаждена въ хорошую землю, возвышена въ состояніе отличнѣйшихъ благодатей, внутреннія испытанія укрѣпятъ ее во благѣ: или поелику тогда Богъ даруетъ ей больше благодатей, либо поелику она сама, содѣлавшись внимательнѣе и попечительнѣе, ополчается противъ своихъ враговъ, и употребляетъ всѣ свои силы ко приведенію себя въ добродѣтельное состояніе. Когда я чувствую мою слабость, говоритъ Святый Апостолъ Павелъ, то тогда-то нахожу я въ себѣ больше силы; потому что въ семъ состояніи удостовѣрясь о собственной своей слабости, прибѣгаютъ къ Богу: и что невозможно при Его помощи?

4е. Можетъ быть испытаніями хочетъ Богъ пріуготовить насъ къ нѣкой отмѣнной благодати, къ нѣкоей отличной милости, которыми Онъ насъ ущедрить хочетъ. Онъ полагаетъ въ насъ основаніе

смиренномудрія, на которомъ долженствуетъ быть воздвигнуто зданіе нашего совершенства.

Таковы суть намѣренія Божія о насъ въ посылаемыхъ на насъ искушеніяхъ; намѣренія всегда милосердія, провидѣнія, спасенія и благодати. Увы! часто сопротивляясь намѣреніямъ Божіимъ, мало предаваясь въ Его волю, будучи врагами собственнаго нашего блаженства, мы унываемъ, безпокоимся, отчаяваемся, и можетъ быть еще мы жалуемся и ропщемъ.

Вотъ что весьма часто случается: доколѣ чувствительная благодать насъ подкрѣпляетъ и нами руководствуетъ, доколѣ сладости служенія Божія чувствуются въ сердцахъ нашихъ, доколѣ медъ утѣшеній разливается въ душахъ нашихъ, мы шествуемъ, мы поддерживаемся.

Но какъ скоро небо помрачится, солнце правды какъ бы сокроется и затмится предъ очами нашими, сердца наши уныютъ, ослабѣвшія души наши не будутъ уже ни къ чему способными, то будемъ мы останавливаться, подвигать-

ся назадъ, подвергать себя опасности заблуждаться.

Сверьхъ того будемъ скучать молитвою, нерадѣть о благочестивыхъ дѣлахъ, лишать себя причащенія Святыхъ Таинъ, а чрезъ то удалять отъ себя Благодать, и погублять все то, что заслужили.

Какъ же надлежитъ поступать, дабы воспользоваться испытаніями, и учинить ихъ содѣлывающими наше спасеніе и заслуги?

Вотъ *тѣ истинныя*, святыя и твердыя расположенія, которыя надлежитъ принять, съ помощію Благодати имѣющей всегда быть намъ надежной во всякое время, а наипаче въ таковое испытаній.

1е. Съ покорностію признаваться предъ Богомъ, что мы весьма заслужили сіи наказанія, и что мы навлекли ихъ на себя своею виною. *Согрѣшихомъ*.

2е. Прибѣгать къ Богу и молить Его о Его особой помощи: *пріиди Господи!*

3е. Ополчаться бодростію и твердостію, вѣруя, что Богъ тогда къ намъ ближе, нежели когда въ иное время.

4е. Вмѣсто того, что бы оставлять въ нерадѣніи упражненія въ благочестіи, надлежитъ наипаче ими укрѣпляться, ихъ усугубить, быть въ нихъ исправнѣе прежняго. Надобно ли покидать оружіе во время сраженія.

Наипаче во времена испытаній, прискорбностей, оставленій, надлежитъ намъ соединиться со Іисусомъ Христомъ, нашимъ Божественнымъ образцемъ. Онъ Самъ яко оставленъ былъ Своимъ небеснымъ Отцемъ въ Его страданіяхъ; Онъ принесъ ихъ въ жертву для заслуженія намъ благодатей и помощи, во времена нашихъ печалей и сраженій.

Наконецъ, во времена пасмурныя надлежитъ ожидать дней яснѣйшихъ; послѣ зимы, весны; послѣ бури, тишины; послѣ мрачности, блистанія, свѣтлости; послѣ ужасовъ сраженія вкушаютъ лучше пріятности мира.

Такимъ образомъ испытуемы были всѣ Святые; всѣ шествовали по сему пу-

ти усыпномъ терніемъ, часто орошеннomъ ихъ слезами, а иногда и обагреннымъ ихъ кровію. Прежде нежели достигнуть до обѣтованной земли, надлежитъ пройти степи.

Которое время для насъ лучше, которое спасительнѣе для душъ нашихъ, время ли утѣшеній, или таковое испытаній? Мы можемъ вообще сказать, что то, которое Богъ намъ посылаетъ, ежели содѣлаемъ мы изъ него святое употребленіе, есть для насъ наилучшее; но къ сему можемъ мы присовокупить то, что во время испытаній предстоитъ намъ меньше опасностей и больше заслугъ; во время же утѣшеній, напротивъ того, меньше заслугъ и больше опасностей.

И такъ, препоручимъ все Богу, восприимемъ все что Онъ намъ подаетъ и посылаетъ, отдадимъ въ Его волю жребій, станемъ стараться дѣлать святое употребленіе изъ того, что Онъ попускаетъ. Естьли будутъ посѣщенія Его утѣшительныя, восприимемъ ихъ съ благодарностію; а естьли содѣлаетъ Онъ насъ участниками горестей Его чаши, восприимемъ и то отъ Его руки и въ Его духѣ.

Пребудемъ вѣрны Его благодати, предадимъ себя Его провидѣнію, возложимъ все наше упованіе на Его милосердіе; Ему извѣстенъ путь, ведущій насъ ко блаженству, и намъ остается только слѣдовать безостановочно: хотя сей путь и труденъ, но пристанище вознаградитъ всѣ безпокойствія.

КОНЕЦЪ

второй и послѣдней части.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

32227-О

ПОГРѢШНОСТИ.

въ первой асти.

Стран.	Стр.	Напечатао	читай.
2 - -	6	великїя - -	великїе
11 - -	14	не вѣрносии -	невѣрности
11 - -	28	Твоею - - -	Твоей
12 - -	2	ни будь - -	нибудь
20 - -	8	соедипяетъ -	соединяетъ
23 - -	22	блажетъ -	блаженъ
25 - -	18	очарованіи -	очарованій.
27 - -	3	но чести - -	почести
78 - -	23	сопротивипься	сопротивляться
84 - -	20	тѣмъ - -	тѣмь
117 - -	4	удалиться -	но удалиться
123 - -	5	помыслишь -	помыслить
134 - -	1	Воже - - -	Боже
158 - -	12	окончаній -	окончаніи
161 - -	4	спредѣленія -	опредѣленія
170 - -	13	нн - - -	не
— - - -	-	101 - - -	181
181 - -	24	оозданныхъ -	созданныхъ
182 - -	8	испущу -	испущу
184 - -	10	восзстаетъ -	возстаетъ
185 - -	8	таковомъ случаѣ	таковомъ-то случаѣ
203 - -	6	обращеній -	обращеніи.
221 - -	15	внутренная -	внутренняя

ПОГРШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	Напечат.	читай.
222	20	кается	каятся
235	23	плотнь	плотяны
236	11	воспрїнть	воспрїять
245	1	безмѣно	безмѣрно
255	12	стенетъ	станетъ

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

КП:403/21

ПОГ

Стран.	Стр.	Напе
222	20	каеш
235	23	плош
236	11	воспр
245	1	безмѣ
255	12	стене

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Инв. 3765

